

ОБЩИНАЯ ГЛАВА ВО МНОГ...
ТАКА ПРА ПРИНТИКАЕТ ИЗ...
ПРИВАДИТИ НА ПРАВУ ОБЩЕГО
А. В. СУВОРОВ

НеОбъективные конфликты: Политические практики разделения общего прошлого

РОССИЯ, УКРАИНА,
МОЛДОВА И ПРИДНЕСТРОВЬЕ

**НеОбъективные конфликты:
Политические
практики разделения
общего прошлого**

**Россия, Украина,
Молдова и Приднестровье**

**АНАЛИЗ
И РЕКОМЕНДАЦИИ**

Редактор Сергей Румянцев

Auswärtiges Amt

**Румянцев С., ред., НеОбъективные конфликты:
Политические практики разделения общего прошлого.
Россия, Украина, Молдова и Приднестровье,
CISR e.V. Berlin, 2017**

ISBN 978-5-91918-970-1

Ограничения по возрасту читательской аудитории: 18+

Корректор: Дмитрий Гаврилов
Фото на обложке: Юлия Корчагина
Дизайн и верстка: Екатерина Сотникова

В рамках трех аналитических обзоров, представленных в данной публикации, авторы из России и Украины рассматривают специфику влияния конфликтов в Приднестровье и на Донбассе на политику памяти и историческую политику в постсоветских государствах.

**Center for Independent
Social Research (CISR e.V. Berlin) –**

это некоммерческое научно-общественное объединение, созданное в ноябре 2015 года в Берлине социальными исследователями, экспертами и гражданскими активистами в партнерстве с Центром Независимых Социологических Исследований – ЦНСИ (Санкт-Петербург). Основные цели и направления деятельности Центра: проведение исследований в области социальных наук и содействие развитию гражданского общества в постсоциалистических странах.

www.cisr-berlin.org

info@cisr-berlin.org

**НеОбъективные конфликты:
Политические
практики разделения
общего прошлого**

**РОССИЯ, УКРАИНА,
МОЛДОВА И ПРИДНЕСТРОВЬЕ**

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

5

Сергей Румянцев

НеОбъективные конфликты. Введение

7

Николай Поселягин,

Ярина Закальська, Артем Елимов

Государственная идеология в России как генератор
межнациональных конфликтов

23

Георгий Касьянов, Светлана Осипчук

Историческая политика в Украине
в контексте конфликта с Россией, 1990–2017

57

Андрей Девятков

Спустя поколение: Что помнят
и забывают о Приднестровском
конflikте на двух берегах Днестра

97

Информация об авторах

133

Предисловие

Сборник аналитических обзоров подготовлен в рамках двух проектов («Мирная трансформация конфликтов на постсоветском пространстве» и «Массмедиа и трансформация конфликтов. Создание и развитие диалоговых платформ для молодых журналистов»), реализовывавшихся в 2016–2017 годах Center for Independent Social Research – CISR e.V. Berlin, в кооперации с Центром независимых социологических исследований – ЦНСИ (Санкт-Петербург), Центром трансформации конфликтов «Имаджин» (Тбилиси) и Украинским католическим университетом во Львове. Оба проекта были поддержаны Министерством иностранных дел Германии. В проектах участвовали граждане России, Украины, Молдовы и стран Южного Кавказа, и они были рассчитаны на реализацию нескольких ключевых целей.

Одна из них – это создание транснациональной сети, членами которой должны были стать молодые журналисты, гражданские активисты и начинающие свою профессиональную карьеру социальные исследователи, желающие внести собственный вклад в мирную трансформацию вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве.

Еще одна цель проектов – это создание атмосферы открытого диалога и поддержка совместной работы, опыт которой позволяет повысить степень взаимного доверия. В рамках проектов были поддержаны совместные публикации, размещенные на различных медийных платформах. В своих публикациях участники проектов из конфликтующих между собой постсоветских стран обсуждали различные аспекты конфликтов. Подобный подход позволяет создавать альтернативу доминирующим в ситуации конфликта мобилизационным и милитаристским дискурсам.

Данная публикация является продолжением такого рода работы, но уже в формате аналитических обзоров. Основные авторы обзоров – это профессиональные социальные исследователи из России и Украины. Выбранный формат связан с еще одной целью проектов – созданием платформы для совместной работы и обмена опытом между социальными исследователями и журналистами и, данная публикация преследует именно эту цель.

Три обзора, предваряемые общим введением, объединяет критический анализ коммеморативных практик и дискурсов, исторических политик, формировавшихся в постсоветский

период, в том числе под влиянием конфликтов в Приднестровье, на востоке Украины и в ситуации аннексии Крыма. Авторы сопровождают свой анализ рекомендациями, которые могут представлять интерес для международных организаций и фондов, а также для сотрудников различных европейских политических институтов.

НеОбъективные конфликты. Введение

Вооруженные конфликты на территории бывшего СССР сопровождались не только многочисленными жертвами и потоком беженцев, появлением новых границ и непризнанных государств, аннексией территорий. Они также способствовали созданию новых мест памяти, породили свою традицию коммеморации героев и жертв противостояний, подталкивали к реконструкции исторических нарративов и конструированию новых национальных мифов¹.

Политика памяти, коммеморативные практики и ритуалы, формировавшиеся в модерную эпоху в Российской империи и позже, с куда большей настойчивостью, насаждавшиеся советской властью, призваны были удерживать вместе собранные в результате военной экспансии территории², подавлять неудобные для власти различия и создавать, насколько возможно, гомогенное пространство памяти. Тем же целям служила официальная историческая политика³.

Не только право сильного и репрессивные практики, но и вера в цивилизаторскую миссию⁴, династические и исторические

¹ Следуя за Алейдой Ассман, можно сказать, что национальные и исторические мифы – это взгляд на мир через призму идентичности и «аффективное усвоение собственной истории». Провергнуть такой миф невозможно. Его можно исследовать как самостоятельный и значимый феномен «национальной» и «политической» памяти. Ассман А. (2014), *Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика*, М.: НЛО, с. 38–39.

² В этот перечень можно включить также практики русификаций, советскую культурную и национальную политику. См., например: Франклин С., Уиддис Э., ред., (2014), *Национальная идентичность в русской культуре*, М.: Росспэн; Миллер А. (2006), *Империя Романовых и национализм*, М.: НЛО; Мартин Т. (2011), *Империя «положительной деятельности»: нации и национализм в СССР, 1923–1939*, М.: Росспэн.

³ Термин «историческая политика» в его нынешнем понимании был сформулирован в 1980-х годах в Германии. В самых общих чертах, по словам Штефана Бергера, речь идет о «приспособлении истории к нуждам политики». Как справедливо отмечает Алексей Миллер, ныне можно наблюдать за «глобальной тенденцией политизации истории». См.: Бергер Ш. *Историческая политика и национал-социалистическое прошлое Германии, 1949–1982*, 33–64; Миллер А. *Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века*, 7–32 // Миллер А., Липман М., ред., (2012), *Историческая политика в XXI веке*, М.: НЛО.

Новизна термина никак не умаляет верности утверждения, что разного рода практики использования истории в политических целях можно было наблюдать в Российской империи, и, тем более, в СССР. В постсоциалистических государствах, в особенности оказавшихся в ситуации вооруженного противостояния, историческая политика становится одной из ключевых и наиболее востребованных идеологических практик обслуживания конфликтов, отстаивания «своей исторической правды» и создания образов «исторического врага».

⁴ Эта «миссия» в первую очередь относилась к территориям, считавшимся «восточными» и, следовательно, наиболее отсталыми. По словам Сеймура Беккера: «Именно на Востоке Россия могла выступать как носитель западного просвещения и цивилизации». Беккер С. (2002), *Россия между Востоком и Западом: интеллигенция, национальное*

Памятник основателям города на Екатерининской площади в Одессе. Центральный элемент композиции – скульптура императрицы Екатерины II. Первоначально установленный в 1899 г., в 1920-м монумент был демонтирован большевиками, а в 2007 г. восстановлен. Октябрь 2016 г. Автор: Севиль Гусейнова.

мифы⁵, идеологические конструкты объединения пролетариев всех стран или «дружбы народов»⁶ обосновывали претензии Петербурга и Москвы на права владения империей и «величайшей из стран мира» – «необъятной Советской страной»⁷. Память, исторические мифы и нарративы различных подчиненных или репрессированных социальных групп и национальных воображаемых сообществ часто вытеснялись, лишались доступа в публичное поле.

Все противоречия такой политики проявились в момент дезинтеграции Советского Союза, сопровождавшейся процессами быстрой национализации пространств бывших советских республик⁸, актуализацией очень схожих и конкурирующих между собой национальных исторических политик, по большей части служащих конструированию различий, разделению пространства общего прошлого.

русское самосознание и азиатские окраины // *Ab Imperio*, № 1, 443–464, с. 447.

По мнению Йорга Баберовски, «Истоки цивилизаторской миссии [...] следует искать в предрассудках европейского просвещения, которые в конце XIX века овладели также умами мусульманских интеллектуалов». Баберовский Й. (2010), *Враг есть везде: Сталинизм на Кавказе*, М.: Росспен, с. 567.

⁵ В этом смысле одним из плодотворных периодов было время правления императрицы Екатерины Великой (1762–1796), вокруг установки памятников которой не прекращаются дискуссии в постсоветской Украине. См., например: Проскурина В. (2006), *Мифы империи: литература и власть в эпоху Екатерины II*, М.: НЛО.

⁶ Дискурс «дружбы народов» конструировался в конце 1920-х – начале 1930-х годов. См.: Suny R. G. (2012), *The Contradictions of Identity: Being Soviet and National in the USSR and After* // Bassin M., Kelly C., eds., *Soviet and Post-Soviet Identities*, Cambridge: Cambridge University Press, 17–36, p. 26–29.

⁷ Эпитеты, широко распространенные в дискурсе «страны Советов». См.: Михайлов Н. (1949), *Над картой родины*, М.: Молодая гвардия, с. 4–5.

⁸ Национализация публичного пространства в советских республиках была в значительной степени проведена еще в контексте советской национальной политики, и в первые годы распада СССР скорее означала низвержение ряда общесоветских символов и мест памяти (демонтаж памятников, отказ от русского языка, переименование некоторых улиц, площадей и городов), чем созидание новых. Очевидно, что разрушение символов советской власти хоть и с разной степенью интенсивности, но происходило повсюду в СССР. Однако можно сказать, что в России и в национальных республиках эти процессы часто понимались по-разному. В России противоречивые тенденции начала 1990-х вылились в возвращение к различным идеям и символам русского национализма, в популярность дискурса о «великом» имперском наследии, при одновременном нежелании «содержать» национальные окраины, отказе от «бремени» империи. В последующие годы эти тенденции дополнились поисками новых способов доминирования на постсоветском пространстве. В национальных республиках, в свою очередь, отказ от советского наследия подразумевал освобождение от Москвы как средоточия власти и сопровождался ростом популярности дискурса о нежелании «кормить» имперский центр и развитием местных националистических идеологий. В последующие годы дискурс борьбы с Россией за независимость не только не утратил своей значимости, но не раз вновь актуализировался. В особенности в республиках, на территории которых протекали конфликты. Как, например, в Грузии или в Украине.

БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ

Казалось бы, с распадом СССР появилось гораздо больше возможностей для открытого обсуждения имперского наследия. Мифы и дискурсы «братских народов», почти добровольного «присоединения» к империям, образы общего для всех «советских людей» врага – коллективного «Запада» быстро теряли свою влияние во многих постсоветских государствах. Хотя и очень по-разному, но в ряде бывших советских республик и теперь сохраняется ситуация большей открытости и плюрализма, публичного и критического осмысления не только прошлого, но и современных официальных исторических нарративов и политик памяти. Это утверждение, безусловно, относится к России, Украине и Молдове. Аналитические обзоры и рекомендации, представляемые в данной публикации, могут служить подтверждением возможности открытого обсуждения самых острых проблем.

В то же время современные политические режимы и теперь контролируют где весьма значительную (как в Украине и Молдове), а где и большую (как в России) части публичных пространств. Ограничивают доступ критических и альтернативных нарративов в образовательные программы и в СМИ. За исключением редких и быстротечных всплесков разрушительного «революционного» энтузиазма снизу⁹, чаще всего именно власть решает каким памятникам и где стоять, как называться городам и улицам, какие праздники отмечать и какими ритуальными практиками их сопровождать¹⁰. Постсоветские режимы производят институты, призванные созда-

⁹ Новейший пример реконструкции мемориальных пространств „снизу“, первый всплеск которой пришлось на годы перестройки и распада СССР, можно было наблюдать в Украине зимой 2014 года – так называемый «,ленинопад» (снос памятников Ленину), начавшийся 8 декабря 2013 г. уничтожением памятника напротив Бессарабского рынка в Киеве, достигший кульминации 22 февраля 2014-го в центре Днепропетровска и продолжившийся 28 сентября 2014 г. в центре Харькова. Если в начале 1990-х гг. в западноукраинских областях демонтаж памятников Ленину преимущественно производили коммунальные службы по решению местных советов, то в 2013–2014 гг. это делали по ночам группы активистов (как правило, праворадикально настроенные) при невмешательстве силовых структур». Портнов А. (2014), Майдан после майдана // *Ab Imperio*, № 3, 209–217, с. 214.

¹⁰ Один из наиболее известных случаев вмешательства власти – это переименование города Кировограда (историческое название – Елисаветград) в Кропивницкий, несмотря на предпочтения большинства его жителей. Власть в лице президента Петра Порошенко описала концепцию ограниченной свободы выбора следующим образом: «Имена палачей с карты Украины – вон, это не обсуждается. А вот какое название выбрать, община должна решить сама, потому что это ее будущее. Единственное предостережение – не возвращаться к имперским наименованиям. Я не позволю, чтобы карту Украины снова запятали новорусскими топонимами». См.: Президент почтил память жертв политических репрессий: Интересы национальной безопасности требуют завершения декоммунизации, <http://www.president.gov.ua/ru/news/glavaderzhavi-vshanuvav-pamyat-zhertv-politichnih-represij-37105>

вать новых героев и новые исторические мифы¹¹, воспитывать современных патриотов в милитаристском духе, развивать государственные идеологии, «восстанавливать и сохранять национальную память»¹², «противодействовать попыткам искажения» истории¹³. В числе наиболее известных государственных идеологических институтов числятся Украинский институт национальной памяти (УИНП) и Российское военно-историческое общество (РВИО)¹⁴.

Сконструированный Институтом памяти, руководимым Владимиром Вятровичем, в рамках публичного проекта «Воины. История украинского войска», визуальный нарратив в 24 лицах призван продемонстрировать современникам многовековой феномен украинской воинственности. Российско-имперскому и советскому воину-украинцу в этом ряду места не нашлось. Киев, Андреевский спуск, июль 2017. Автор: Сергей Румянцев.

¹¹ См., например: Yekelchuk S. (2015), National Heroes for a New Ukraine: Merging the Vocabularies of the Diaspora, Revolution, and Mass Culture // Ab Imperio, № 3, 97–123.

¹² Так описывает цель создания УИНП его первый директор – Игорь Юхновский. См. подробнее: Об идеологии и политике Украинского института национальной памяти, zn.ua/SOCIETY/job_ideologii_i_politike_ukrainskogo_institutu_natsionalnoy_pamyati.html

¹³ В указе о создании РВИО, подписанном президентом В. Путиным, говорится о «русской военной истории», с которой, добавим, связаны важнейшие места памяти. См: Указ № 1710 «О создании Общероссийской общественно-государственной организации „Российское военно-историческое общество“», <http://rvio.histrf.ru/officially/ukaz-1710>

¹⁴ Прямой контроль власти дополняется самоцензурой, непрерывно возрастающей в контексте роста популярности националистических идеологий и, в особенности, в ситуации вооруженных конфликтов.

Полтора десятка лет назад Андреас Каппелер заметил: «С одной стороны, сегодня возрождаются разрушенные во времена Советского Союза элементы исторической памяти и разрабатываются табуированные области истории. С другой стороны, некоторые историки перешли почти безболезненно от старой идеологии к этноцентризму и стали конструировать по воле новых политических элит исторические мифы»¹⁵. За прошедшие годы эти тенденции только институционально и дискурсивно укреплялись. Кроме того, хотя в России и бывших советских республиках доминировавшие прежде мифы и идеологии сменились на новые национальные варианты, очень часто они являются дискурсивными наследниками прежних.

Скульптурные элементы «Арки дружбы народов», открытой в Киеве в 1982 г. Ноябрь 2016 г. Автор: Сергей Румянцев.

«Дружбу народов» окончательно заменили нарративы потери национальной независимости и самобытности, дискурсы колониальной травмы и делящейся веками бескомпромиссной борьбы за национальную независимость. «Исторических врагов» стало больше, и некоторые из них прежде были «братьями». Самый «ведущий» из всех «советских народов» – русский¹⁶ – если и не превратился в «универсального врага», то приобрел статус наиболее востребованного из них.

¹⁵ Каппелер А. (2000), Россия – многонациональная империя: Некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги // *Ab Imperio*, № 1, 9–20, с. 17.

¹⁶ Здесь, я конечно, вспоминаю знаменитый сталинский тост. См.: Хоскинг Д. (2012), *Правители и жертвы: русские в Советском Союзе*, М.: НЛО, с. 243–244.

Причины, объясняющие подобное положение дел, очевидны и для каждой из сторон, участвующей в процессе реконструкции и разделения общего прошлого, они свои. Например, что касается России, то в их числе невразумительная попытка дистанцирования современной государственности от имперского прошлого, в том числе и через конструирование дискурса о «россиянах» как гражданской нации. Одновременное, как и во всех постсоветских государствах, возвращение к «своим корням» и к памяти об «утраченном величии», что в случае с Россией неизбежно придавало позитивные коннотации имперскому прошлому¹⁷. Популярность дискурса о «неблагодарных» соседях – бывших «братских республиках» и «народах».

Наконец, и именно этому контексту в основном посвящен данный сборник аналитических обзоров, прямое или завуалированное участие России во всех постсоветских националистических вооруженных конфликтах. В их числе и противостояние в Приднестровье и на востоке Украине – конфликты, которые и содержательно, и во времени можно рассматривать как два полюса череды вооруженных столкновений, случившихся по результатам распада СССР и передела границ.

НЕОБЪЕКТИВНЫЕ КОНФЛИКТЫ: ПРАКТИКИ ЭТНИЗАЦИИ И ИСТОРИЗАЦИИ

Осенью 2015 года два публичных интеллектуала, работающие в известной неправительственной организации в Москве и посещавшие незадолго до нашей встречи восток Украины, уверяли меня, что российско-украинский конфликт глубоко отличен от южнокавказских (Карабахского, Абхазского и Югоосетинского). Ключевое различие, по их мнению, в том, что конфликты на Южном Кавказе «этнические», в то время как в случае с востоком Украины «объективных» причин для противостояния не существует и все объясняется «злой» волей политиков во главе с президентом Владимиром Путиным. В разное время и в разных городах беседуя с двумя известными в Украине публичными интеллектуалами летом 2017 года, я услышал тот же тезис – объективных, т. е. этнических, при-

¹⁷ В данном случае речь идет о доминирующих в публичном поле дискурсах, продвигаемых политическим режимом, подконтрольными ему СМИ, институтом образования. В то же время в России, как, впрочем, в Украине и Молдове, хоть и в разной степени, но сохраняются определенный плюрализм мнений и доступ к ряду публичных площадок (академические круги, СМИ), в пространстве которых возможна репрезентация для более широкой публики альтернативных точек зрения. О дискуссиях по поводу российского имперского прошлого см., например: Малинова О. Ю. Тема империи в современных российских политических дискурсах, 59–102; Тихонова Н. Е. Наследие империи в общественном сознании россиян, 102–138 // *Наследие империй и будущее России* (2008), ред. А. И. Миллер, М.: НЛО.

чин для конфликта не существует. Подобные соображения мне приходилось выслушивать множество раз и в беседах с обывателями в России и Украине. С моими собеседниками, безусловно, согласились бы и на Южном Кавказе, признав «свои» конфликты «этническими».

Как следует интерпретировать популярность подобных представлений и какие смыслы стоят за реификацией этнических различий как причины вооруженных конфликтов? Одна сторона проблемы кроется в том, что наиболее популярные современные доминирующие теории чаще всего описывают националистические конфликты как столкновения между внутренне гомогенными и солидарными этническими группами¹⁸. Или, по-другому, проблема в широко используемом в анализе, по словам Роджерса Брубейкера, языке «группизма» (*groupism*)¹⁹. Именно в таких категориях мыслили мои собеседники, используя этничность – категорию практики – в качестве категории анализа.

Этничность не может приниматься в качестве причины и объяснения возникновения политических, националистических и территориальных конфликтов. В случае с Южным Кавказом можно говорить об этнически фреймированных конфликтах. Когда представления о непреодолимых этнических различиях, сформулированные языком группизма, становятся мощным ресурсом для углубления противоречий.

Безусловно, образы «себя», «врага» или «другого» в конфликтах в Приднестровье и на востоке Украины в значительной степени носят региональный характер. Крайние стороны конфликтов – это внутренне весьма разнообразная приднестровская и донбасская идентичность, а также крымчане²⁰, с одной стороны, молдаване или румыны, а также западные украинцы – с другой.

¹⁸ См., например: Horowitz D. L. (1985), *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley: University of California Press; Gurr T. R., Harff B. (1994), *Ethnic Conflict in World Politics*, Boulder: Westview Press; Drobizheva L., Gottemoeller R., et. al., eds. (1996), *Ethnic Conflict in the Post-Soviet World: Case Studies and Analysis*. London, Routledge; Miller S. E., ed., (1997), *Nationalism and Ethnic Conflict*, Cambridge: The MIT Press; Schlee G. (2008), *How Enemies are Made: Towards a Theory of Ethnic and Religious Conflicts*, New York: Berghahn Books; Hanlon Q. (2009), *The Three Images of Ethnic War*, London: Westport, 2009.

¹⁹ По Брубейкеру группизм – это «тенденция рассматривать ограниченные группы как основные единицы анализа (и как базовые элементы социального мира). Укорененная, говоря словами Пьера Бурдьё, в „нашей первичной расположенности мыслить социальный мир субстанциалистски“ эта тенденция оказалась удивительно стойкой». Несмотря на большой прогресс в развитии социальной теории и методологии, „этнические и прочие группы по-прежнему понимаются как сущности и расцениваются как акторы“. Брубейкер Р. (2012), *Этничность без групп*, М.: Высшая школа экономики, с. 16–17.

²⁰ См., например: Портнов А. (2016), «Донбасс» как Другой. Украинские интеллектуальные дискурсы до и во время войны // *Неприкосновенный запас*, № 06 (110), 103–118.

Главные внешние маркеры различий – язык повседневного общения (русский, румынский, украинский) и политическая лояльность (Россия или «Запад»).

В определенном смысле в этих конфликтных дискурсах региональные границы и идентичности, описываемые тем же языком группизма, «успешно» подменяют этнические. В то же время этничность как ресурс для объяснения причин конфликта и углубления противостояния хоть и в очень разной степени, но востребована и в этих двух случаях. В официальном и повседневном дискурсах памяти «интернациональные» русскоязычные приднестровцы противостояли молдавским/румынским этнонационалистам. Крымские татары как члены этнической группы активно поддерживаются и мобилизуются на участие в конфликте с Россией.

Стратегии маргинализации врага и политических оппонентов включают в себя категории их этнизации и ориентализации. Строго европейская и «западная» Украина противопоставляется «азиатской» России, населенной «восточной» «хищной ордой». А из-под вышиванок (ныне важнейший символ украинскости) у оппонентов власти из числа украинских правых националистов выглядывают русские косоворотки и кокошники²¹. Можно предположить, что попытки дальнейшей этнизации конфликта на востоке Украины будут продолжаться и приведут к созданию (там, где они были трудно идентифицируемыми до конфликта) и укреплению этнических границ и идентичностей.

Другая сторона проблемы – это смыслы, приписываемые этничности. В ведущей западноевропейской и американской социологической и антропологической традиции давно уже принято рассматривать этничность в качестве социальной категории. На постсоветском пространстве такое понимание этничности все еще остается мало востребованным. Этничность в политическом, академическом, образовательном²² или бытовом дискурсах чаще всего используется в качестве синонима категорий этнос, нация или народ. И в этом смысле от советского наследия не избавились не только в России или

²¹ См., например: Послання Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішню та зовнішню становище України в 2017 році». 7 вересня 2017 року, <http://www.president.gov.ua/ru/news/prezident-nashe-spilne-zavdannya-yevropa-maye-buti-privnesen-43090>; Обращение президента Украины. 6 октября 2017 года, <http://www.president.gov.ua/ru/videos/zvernennya-prezidenta-ukrayini-474>

²² В случае с социальными исследованиями и, в гораздо меньшей степени, с образованием ситуация медленно, но меняется. Все более популярным становится социальный конструктивизм. Но очень часто за конструктивистским языком скрываются несколько подкорректированная бромлеевская теория этноса и этнонационалистические предположения.

Приднестровье, но и в Украине и Молдове²³.

Смыслы, приписываемые этничности в советской традиции, многое могут рассказать и о специфике постсоветских националистических конфликтов. Именно в результате реализации советской национальной политики этничность стала повсеместно в СССР считаться неотъемлемой, сущностной, базовой характеристикой любого человека²⁴. По словам Владимира Малахова: «Приписываемая „этничность“ (то есть определяемая властью, а не самосознанием индивидов) была интериоризована людьми и постепенно превратилась из внешнего идентификатора в часть (само)идентичности. Отсюда произошла такая особенность [...] политического мышления, как методологический этноцентризм – взгляд на общество как на конгломерат „этносов“ („народов“). Этот тип мышления разделяется сегодня как массовым сознанием, так и значительной частью интеллектуальных и политических элит. Бывшему советскому человеку бывает трудно объяснить, что его или ее национальность не является чем-то врожденным»²⁵.

Если воспользоваться категориями Мишеля Фуко, то можно сказать, что право собственности на национальный и этнический дискурсы так и не было жестко присвоено «точно определенной группой индивидов»²⁶. Не только простой обыватель,

²³ Важнее говорить о глубинном культурном, институциональном, дискурсивном советском наследии, которое невозможно демонтировать вместе с памятником Ленину. Однако стоит упомянуть и о ностальгии по советскому прошлому, широко распространенной на постсоветском пространстве. В Молдове и Приднестровье, Украине или России, как и повсюду, она связана по большей части с мечтами о решении социальных проблем и мифом о когда-то пережитой экономической и политической стабильности. Интимные воспоминания о «колбасе по рубль восемьдесят» услышишь от обывателей среднего и старшего возрастов что в Кишиневе, что в Бендерах, что в Киеве или Москве. Советский миф живет в этих «докторско-любительских» образах и повседневных дискурсах в своей банальной, далекой от страстных переживаний и готовности бороться за его реставрацию форме. Как и почти остывший приднестровский конфликт, для абсолютного большинства постсоветских обывателей СССР остался в прошлом и вспоминается только в специально отведенные для официальной коммеморации дни или за теплой беседой и рюмкой водки.

²⁴ Как отмечает Сеймур Беккер, по сравнению с реформами в империи Габсбургов «более тщательно продуманная и построенная на этнической основе федерация была создана большевиками, но она служила, главным образом, для завуалированного возрождения ими централизованной Российской империи. Однако структура Советского Союза и советская политика существенно укрепили национальные идентичности». Беккер С. (2004), Россия и концепт империи // Герасимова И. В., Глебова А. П. и др., ред., Новая имперская история постсоветского пространства (Библиотека журнала *Ab Imperio*), Казань: Центр Исследований национализма и империи, 67–80, с. 79. См. также: Slezkine Y. (1996), *The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism* // Geoff E., Suny R.-G., eds., *Becoming National. A Reader*, New York and Oxford: Oxford University Press, 202–238.

²⁵ Махалов В. (2007), Понаехали тут., М.: НЛО, 2007, с. 50.

²⁶ Фуко говорит о «порядке и процессах присвоения дискурса», понимаемом «как право говорить, как компетентность в понимании, как узаконенный и непосредственный доступ к корпусу уже сформулированных высказываний и, наконец, как способность

но и большинство политиков, писателей, журналистов или признанных экспертов чувствуют себя весьма комфортно, анализируя различные процессы и высказывая оценочные суждения, в которых феноменам нации и этничности отводится роль широко понятных и привычных, все объясняющих категорий. Или, возвращаясь к мысли Брубейкера, принимая «категории практики в качестве категорий анализа»²⁷.

Попытки конструирования общегражданской идентичности в Приднестровье и в Украине, и даже в России («россияне»), вызывают определенный оптимизм. Однако выглядят они весьма непоследовательными, противоречивыми и в ситуации вооруженного конфликта и популярности мобилизационных и милитаристских дискурсов имеют недостаточно шансов на успех. Куда более последовательными кажутся державный национализм, опирающийся на «ведущий русский народ», или попытки украинизации юго-востока, безусловно способствующей превращению этого конфликта в еще один «объективный».

Плакат Российского военно-исторического общества, посвященный «Дню народного единства» – новому государственному празднику, отмечаемому с 2005 г. и отсылающему к событиям 1612 г. и «смутного времени». Москва, сентябрь 2016. Автор: Сергей Румянцев.

облекать этот дискурс в решения, в социальные институты или в практики». Подробнее: Фуко М. (2004), Археология знания, СПб.: Университетская книга, с. 142. Специфика массового образования, распространенного в годы СССР (например, обязательные для всех школьников и студентов подробные курсы истории), и быстрая инфляция доверия к гуманитарному знанию в период распада Союза (когда происходил постоянный «пересмотр истории» и пр.) способствовали тому, что каждый обыватель чувствует себя весьма уверенно, рассуждая по поводу любых (в том числе и весьма сложных) социальных феноменов.

²⁷ См. также: Brubaker R. (2000), *Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe*, Cambridge: Cambridge University Press, p. 15.

Наконец, последнее, о чем стоит упомянуть: влияние языка группизма и этнонационалистических идеологий связана с еще одним широко распространенным методологическим подходом – историцизмом. По словам Карла Поппера, «историцистский метод предполагает сходную социологическую теорию, согласно которой общество изменяется, но при этом движется по предопределенному и неизменному пути, стадии которого предначертаны непреложной необходимостью»²⁸. В контексте такого подхода «исторические границы» определяются через воображение исконных связей между этносом / этничностью и «исторической территорией», которые якобы можно проследить с глубочайшей древности. «Историцизм конструирует единое событие там, где имело место множество разных событий. Эту интеллектуальную процедуру Луи Альтюссер удачно назвал „ретроспективной телеологией“»²⁹.

Все стороны, вовлеченные в упоминаемые в данной публикации конфликты, активно используют методы их историзации. Концепция неизменных во времени отношений («братских или конфликтных») является мощным средством их реификации и эссенциализации. Миф о «вековой народной борьбе за независимость», как и миф о «неблагодарном братском народе», широко используются в политических, медийных и образовательных дискурсах и нарративах. Современные конфликты превращаются в исторические, вновь становясь «объективными». Подобные подходы просматриваются и в политике памяти.

МИЛИТАРИЗМ И МОБИЛИЗАЦИОННЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ

Конкуренцию двух мифов – «бандеровцы» или «ватники» – современный конфликт между Россией и Украиной только обострил. Вооруженное и идеологическое противостояние, как показывают авторы представленных в данной публикации аналитических обзоров, неизбежно влияет на все вовлеченные в него стороны. Мобилизационный дискурс и милитаристская риторика становятся чрезвычайно востребованными в России, где власть пытается с их помощью повысить степень групповости «российского народа», одновременно препятствуя контактам с «Западом» и подавляя инакомыслие через дискурсивную стигматизацию несогласных («пятую колонну»).

В Украине мобилизационный дискурс, доминирующий после 2014 г., требует от политиков и публичных интеллектуалов

²⁸ Поппер К. (1993), Нищета историцизма, М.: Прорепсс-VIA, evolkov.net/PopperK/Poverty.of.Historicism/

²⁹ Малахов В. (2005), Национализм как политическая идеология, М.: KDU, с. 54.

отрицания какого бы то ни было раскола, в том числе и регионального. Популярность приобрела сомнительная гипербола, в стиле черной иронии выражающая благодарность Путину, своими действиями (аннексия Крыма, вторжение в восточные области и пр.), наконец, заставившему украинцев почувствовать себя солидарным национальным сообществом.

Безусловно, правы многие исследователи, утверждающие, что проблема украинского «запада-востока» очень часто упрощается. Как всегда и случается, региональные границы во многом прозрачны и не всегда очевидны. Активная и мобильная часть постсоветского поколения пересекает их с большей легкостью, чем люди среднего возраста. Понятны и опасения украинской власти, ведь немало правды в том, что политизация региональных различий стала мощным препятствием для внутренней стабильности. Но помогут ли преодолеть раскол отрицание и замалчивание?

Мифы и дискурсы памяти, доминирующие на двух территориях, позднее всего оказавшихся в составе Украины, демонстрируют глубину региональных противоречий. Украиноязычный «запад», ставший частью республики по результатам Второй мировой войны, со своей традицией национализма и «бандеровского» мифа. И русскоязычный Крым, с его важнейшим местом героической памяти – Севастополем, «городом русских моряков».

Культурные региональные различия, репрезентирующие богатство и многообразие культуры – это нормальная ситуация для любой большой страны. Проблема не в различиях, а в их интерпретации. Вслед за развалом Союза в 1991-м и после 2014 г. украинская власть могла бы попытаться провести широкий и открытый общественный диалог, направленный на деполитизацию регионализма. Превратить то, что считалось слабостью, в сильную сторону гражданского национального сообщества. Но либо грех молчания оказался сильнее, либо власти не хватало легитимности. Последние годы правление Виктора Януковича и агрессия России существенно подорвали и даже маргинализировали позиции «юго-востока». В ситуации войны многие интеллектуалы или поправили, или просто не идут на риск заведомо непопулярных критических высказываний.

Доминирующий ныне национальный миф («бандеровский») по-прежнему мало помогает политической и культурной интеграции Украины. Хотя и встраивается в более широкий нарратив современного национализма, построенного на полном отрицании памяти о сопричастности украинцев созданию Российской империи и СССР. Многие представители постсоветского поколения убеждены в том, что их страна была только

колонией, а большевики, как некая сугубо внешняя сила, оккупировали независимую Украину. В свою очередь, многие годы коммеморации Второй мировой войны и возвращения к своим «великим» имперским корням убедили многих россиян в сугубо позитивной цивилизаторской и освободительной миссии созданного их предками государства.

Нормализовать противоречивое имперское наследие в контексте постсоветского украинского национализма было невозможно, и украинские власти с этой задачей не справились. Как и с интеграцией населения страны. Однако предпринимающиеся попытки могут еще привести в будущем к позитивным изменениям. В отличие от России и Приднестровья, живущих в полном идеологическом мире со своей имперской историей и откладывающих открытый диалог о своем прошлом на туманное будущее.

Памятник видному большевику Павлу Ткаченко (Антипову) в центре города Бендеры (непризнанная международным сообществом Приднестровская республика). Июль 2017 г. Автор: Сергей Румянцев.

Несмотря на то, что конфликт находится в своей горячей фазе (июнь – июль 2017-го запомнились очередными обострениями на линии соприкосновения), уже давно параллельно проводится его героическая коммеморация. В Киеве можно поклониться памятнику героям АТО. Вторая и третья годовщина освобождения Славянска отмечались и в самом городе, и на Карачун-горе, где располагались главные силы украинской армии. И хотя дискурс травмы весьма популярен, коммеморация носит скорее триумфальный характер прославления победы над «российскими оккупантами» и «террористами».

В рамках официальных национальных дискурсов утверждается, что воевать нужно за страну, территорию, нацию, народ. Как и в годы СССР, беда и боль отдельного обывателя меркнут перед этими «высшими» целями, а войны, как известно, без потерь (в том числе и среди мирного населения) не бывает.

Празднование «трехлетия освобождения Славянска» на Карачун-горе, где располагались главные силы украинской армии. Июль 2017 г. Автор: Сергей Румянцев.

НЕОБЪЕКТИВНЫЕ КОНФЛИКТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ МИРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Молдове и Приднестровью до сих пор удавалось избегать подобного развития событий. Как и повсюду на постсоветском пространстве, и этот конфликт мог быть этнически фреймирован. Со стороны приднестровцев глубокие опасения вызывал румынский национализм, а у молдован – участие в конфликте России и русскоязычные Приднестровья. Но дискурсы историзации конфликта и этнической солидарности не стали доминирующими ни для одной из сторон. А проблемы бедности и обсуждение перспектив лучшей жизни быстро вытеснили конфликт на периферию. И в Молдове, и, в особенности, в Приднестровье коммеморация конфликта стала важной частью постсоветской политики памяти. Но дискурсы памяти по большей части не окрашены в тона реваншизма и милитаризма. Даже при отсутствии серьезных политических инвестиций в мирную трансформацию конфликт, в значительной мере, уже давно утратил свою остроту. Если всем сторонам, вовлеченным в него,

не потребуется его очередное разжигание, то есть все шансы для его мирной трансформации.

Грозит ли подобное развитие событий конфликту на востоке Украины? Нельзя не заметить попытки его этнизации и наличия необходимых для этого ресурсов. Внешняя сила – «оккупационные войска», маркируются как русские («москали»). Но до сих пор политики удерживались от объявления войны всему русскому. Подобное развитие событий может стать очередной катастрофой для востока и юга Украины. Власть, публичные интеллектуалы и крымско-татарские националисты стремятся актуализировать противостояние в Крыму, разыгрывая татарскую патриотическую карту. В случае если этот сценарий реализуется, он может стать еще одной трагедией для крымских татар и всего населения Крыма – де-юре граждан Украины.

В контексте современного русского и украинского национализмов, мобилизационных и реваншистских дискурсов, популярных в двух странах, мирная трансформация конфликта отодвигается в туманное будущее. Если эти тенденции будут преобладать в ближайшие 20–30 лет (что вполне возможно), то наиболее вероятным будет непрерывное углубление конфликта. Определенный ресурс для противостояния этой тенденции можно найти на уровне повседневного сопротивления обывателя. Очевидно, что многие жители России и Украины не готовы к мобилизации и обеспокоены по большей степени социальными проблемами. Связи между Россией и Украиной остаются весьма интенсивными, и многие интеллектуалы готовы инвестировать свои силы в мирную трансформацию конфликта. Данная публикация, в которой специалисты из России и Украины представляют критические обзоры ситуаций в области политики памяти и исторической политики в их связи с конфликтами и предлагают свои рекомендации для исправления ситуации, является еще одним тому доказательством.

**НИКОЛАЙ ПОСЕЛЯГИН
ЯРИНА ЗАКАЛЬСЬКА
АРТЕМ ЕЛИМОВ**

**Государственная идеология в России
как генератор межнациональных
конфликтов**

ВСТУПЛЕНИЕ

Предлагаемый анализ посвящен особенностям государственной идеологии в России в 2010-е годы. Основная гипотеза, сформулированная в данном исследовании, – что с 2012 года в российской государственной политике сформировался резкий правоконсервативный поворот и преобладающей идеологией в официальном дискурсе стала концепция активного милитаризма и изоляционизма. Поначалу она использовалась скорее как эффективное средство для мобилизации населения, однако с 2014 года начала влиять и на внешнюю политику России: с ее помощью российские политики «оправдывали» и аннексию Крыма, и российско-украинский конфликт.

На наш взгляд, изучив внутреннюю логику этой идеологии, можно понять основной внутри- и внешнеполитический курс, которого придерживаются российские политические элиты начиная с 2012 года. Этот курс мы считаем следствием данной идеологии. Она формирует картину мира, в которой подобное конфликтообразующее поведение оказывается не просто оправданным, а единственно возможным. Становясь социальным фактом, идеологическая риторика превращается в рабочий сценарий, который воплощается в жизнь верящими в него политическими элитами.

Вместе с тем мы покажем, что хотя этот идеологический проект и является до сих пор доминирующим в российской официальной и публичной сфере, однако сводить всю политическую ситуацию только лишь к нему одному было бы некорректно. И хотя альтернативные точки зрения в настоящий момент еще недостаточно сильны для того, чтобы развиться в полномасштабные альтернативные политические структуры и идеологические концепции, тем не менее у них есть потенциал для роста. В то же время доминирующая идеология активного милитаризма и изоляционизма слишком ригидна для того, чтобы достаточно долго занимать лидирующее положение в федеральной политике.

НАУКА, КОНСПИРОЛОГИЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ

30 сентября 2015 года Михаил Ковальчук, директор Курчатовского института – одного из крупнейших естественно-научных исследовательских университетов в России, – выступал в Совете Федерации³⁰. На следующий день в новостном разделе сайта Российской академии наук (Курчатовский институт не входит

³⁰ См. опубликованную в тот же день видеозапись его выступления на YouTube «Клеточная война, колонии и „служебные люди“ США», www.youtube.com/watch?v=63nyxhbkp3I

в ее структуру) появился краткий пересказ ряда ключевых тезисов, прозвучавших в его речи³¹. Ковальчук не говорил о физике или химии – основных направлениях исследования подведомственного ему учреждения, – а рисовал конспирологическую картину мира, которую имеет смысл воспроизвести здесь подробно. Он начинает с того, что в современном мире идет война за ресурсы, при этом, в отличие от войн предыдущих поколений, главная ставка сейчас делается не на военную мощь, а на новейшие научные технологии – в том числе «природоподобные». По уверению Ковальчука, современная наука позволяет осуществлять «целенаправленное вмешательство в жизнедеятельность человека, даже в процесс эволюции».

Он выделяет, во-первых, биогенетические угрозы (на базе нанотехнологий). По его мнению, генетика позволяет «создавать искусственные живые системы с заранее заданными свойствами», в частности саморазвивающуюся искусственную клетку, «этногенетически ориентированную на конкретный этнос: это может быть безопасно для одного этноса и вредно, смертельно для другого».

Во-вторых, это когнитивные исследования (к чему Ковальчук относит и изучение сознания, и медицинские исследования мозга), которые, помимо прочего, позволяют управлять индивидуальным и массовым сознанием – например, с помощью интернета. Гражданское и военное применение подобных разработок «почти неразличимы», к тому же данные биотехнологии можно производить практически «кустарным способом», из-за чего нынешняя международная система контроля и предотвращения угроз такого рода оказывается неэффективной. Далее Ковальчук называет основного создателя подобного биотехнологического оружия – им предсказуемо оказываются США.

При этом Соединенные Штаты, по мнению докладчика, не только развивают опасные технологии у себя, но и аккумулируют достижения мировой науки за счет того, что:

- 1) *научные исследования выкладываются в интернете в открытый доступ;*
- 2) *активно развиваются международное сотрудничество институций и международная миграция ученых;*
- 3) *американские «представители сидят во всех управляющих комитетах» научно-исследовательских учреждений по всему миру.*

³¹ Клеточная война, колонии и „служебные люди“ США // Российская академия наук. 2015, 01 октября, <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=3de3096d-88a3-415e-8d04-cc57fa96dd5b>

Например, Германия уже превратилась в «американскую колонию: у них нет стратегических целей, но они за свой бюджет обслуживают глобальные интересы Америки»; такую же политику США проводят и в отношении России. Однако в России еще с 2009 года по специальной президентской программе идет создание «принципиально нового технологического базиса экономики на базе продуктов нанобиотехнологий природоподобия» (важную роль в этом играет Курчатовский институт).

Под конец речи Ковальчук снова возвращается к идее влияния на эволюцию человека, на этот раз как к актуальной угрозе, исходящей, опять же, от США: «Сегодня возникла реальная технологическая возможность [вмешаться] в процесс эволюции человека, и цель – создать принципиально новый подвид *homo sapiens* – „служебного человека“, примитивного, послушного и питающегося дешевыми ГМО-продуктами. В качестве примера он приводит «абсолютизацию свободы личности»: представление, что «личность выше суверенного государства», «дети выше родителей» и т. д.

В этом он видит «лозунг к слову суверенного государства, суверенитета государств, который является единственным инструментом защиты общества и ценностей и соблюдения баланса между правами и свободами человека». Без государства граждане превращаются в толпы людей, которые борются друг с другом и при этом управляются извне. Другой пример – «фактическое сокращение рождаемости путем внедрения в массовое сознание представлений, противоречащих естественным: речь идет об ЛГБТ, о семьях без детей». Ковальчук пессимистически замечает, что помешать созданию «служебного человека» уже не может никто, но «мы с вами должны понимать, какое место в этой цивилизации мы можем занять». Речь завершается аплодисментами.

В целом это выглядит как типичная конспирологическая теория, и от большинства аналогичных ее отличает разве что контекст ее произнесения – это делает директор крупного научно-исследовательского института перед верхней палатой государственного парламента. Аплодисменты в конце дают понять, что федеральные законодатели восприняли картину мира, представленную Ковальчуком, положительно. Эти аплодисменты – пожалуй, чуть ли не самый важный момент во всем сюжете: стало быть, докладчик достаточно точно воспроизвел какие-то важные элементы государственной идеологии.

В речи Ковальчука сочетаются достаточно разнородные элементы. Прежде всего это идеологема осажденной крепости –

представление, что данное общество окружено врагами и что единственный путь к спасению – полная закрытость (предполагается, что от внешних угроз) и тотальная мобилизация (или даже милитаризация) всех включенных в это общество членов.

Другой элемент – соединение мальтузианства и гоббсовской концепции Левиафана. Беспощадная борьба за ресурсы в планетном масштабе и государство (в данном случае Российская Федерация) как единственный защитник человека – эмоционально насыщенная матрица, которая не позволяет всей теоретической конструкции Ковальчука развалиться под бременем внутренних противоречий. Все возможные возражения оно попросту блокирует.

Третий элемент рассматриваемой идеологии – жесткая моральная оценка политических явлений. Так, сами по себе США теоретически могли бы, в соответствии с логикой предыдущего пункта, рассматриваться как чрезвычайно эффективный Левиафан, вероятно, способный справиться с хаосом борьбы за ресурсы лучше, чем Россия («колонизировали» же они Германию!). Но такой прагматичный вариант непредставим в данной системе априорных моральных координат.

США – однозначное зло, и образ внешнего врага, осаждающего родину-крепость, подкрепляет эту оценку. Россия же, соответственно, как антагонист Америки изначально находится на стороне добра.

Наконец, в данной идеологии есть еще один, четвертый элемент, скрепляющий, как цемент, все остальные составляющие, – эссенциализм. Все описываемые в речи события постулируются как происходящие объективно, реально, независимо от отдельных людей; их существование истинно и самоочевидно. В принципе, это не удивительно: крайне трудно построить систему убеждений, способную эффективно работать и мобилизовать общество, если внутри нее существуют сомнения в ее собственной объективности и истинности³². Однако эссенциализм российской идеологии крайне прагматичен. Создатель идеологической концепции считает, что его адресат должен полностью подчиниться эссенциалистскому императиву, в то время как сам

³² В связи с этим ср. рассуждение американского антрополога Клиффорда Гирца, который пытался понять причины действенности и столь сильной привлекательности идеологий: какими бы они ни были сами по себе, они предлагают модели объяснения окружающего мира, делают его понятным адресату и потому гораздо более комфортным. Мысль Гирца можно еще немного развить. Адресат видит стройную сетку категорий, в которую он и сам полностью вписан; это помогает ему ориентироваться в окружающем пространстве и одновременно снимает с него значительную долю ответственности за его собственные решения и поступки. См.: Гирц К. (2004), Идеология как культурная система // Гирц К. Интерпретация культур, М.: РОССПЭН, с. 250.

идеолог относится к своему продукту как конструктивист-экспериментатор – компоует его из разных блоков и не собирается попадать в зависимость от собственного творения.

Такое манипулирование шаблонами и предрассудками очень удобно для идеолога³³. Основываясь даже на одном только стереотипе осажденной родины-крепости, можно создавать идеологические построения какой угодно сложности и невероятности: слушатели воспримут их как необходимый прибавочный элемент, «подтверждающий» и, стало быть, оправдывающий базовую идеологическую схему. В свою очередь, сама данная схема легитимирует эти построения, передавая им часть собственной «самоочевидности». Итак, общая теория выглядит истинной в глазах адресата благодаря использованию привычных стереотипов, а те выглядят истинными благодаря тому, что встроены в эту обобщающую, «объясняющую всё» теорию. Возникает самоподдерживающаяся идеологическая система.

ВОСПИТАНИЕ МИЛИТАРИЗМА

Эта милитаристская и изоляционистская идеология – по сути, единственный нарратив, более-менее подробно и последовательно представленный в российской публичной сфере в последние годы (2012–2017). Доклад Ковальчука – наиболее показательный эпизод, поскольку он вобрал в себя большинство черт данного нарратива; однако можно привести и более яркие примеры того, как эта государственная идеология воплощается в жизнь.

На рубеже 2000–2010-х годов ультраконсервативный публицист Владимир Мединский, в те годы – журналист и депутат Государственной думы, выпустил серию книг «Мифы о России». В нее вошел большой ряд книг: «О русском пьянстве, лени и жестокости» (2008), «О жестокости русской истории и народном долготерпении», «О русской угрозе и секретном плане Петра I», «О русском воровстве, особом пути и долготерпении», «О русской демократии, грязи и „тюрьме народов“», «О том, кто и когда сочинял мифы о России», «О тяге русских к „сильной руке“ и неспособности к демократии» (все – 2010), «Мифы СССР. 1939–1945», «Негодяи и гении PR. От Рюрика до Ивана III Грозного» (обе – 2011)

³³ Работа Ковальчука с популярными стереотипами, предрассудками и обломками прежних политических и философских концепций ради создания своего собственного продукта напоминает работу мифа согласно Ролану Барту. По сути, «миф» у Барта – это та же идеология, и основной принцип ее функционирования (переработку «под себя» любых элементов культуры, попадающих в ее фокус) можно обнаружить и у Ковальчука. Это предполагает, что автор мифа / идеологии действует вполне рационально и осознанно. Поэтому, несмотря на весь эссенциализм и конспирологический пафос, речь Ковальчука можно рассматривать как продукт сознательного идеологического творчества. См.: Барт Р. (2008), Мифологии, М.: Академический проект.

и др. (впрочем, многие из них – слегка видоизмененные копии одних и тех же текстов, изданные под разными заглавиями).

В этой серии Мединский под лозунгом борьбы с негативными стереотипами о России выстраивал систему других, державно-патриотических стереотипов. Получалась полномасштабная картина великого и неизменного в своих основах тысячелетнего государства, постоянно окруженного кольцом врагов, но сопротивляющегося им благодаря собственной сплоченности, силе духа и державной идеологии.

От критики научного сообщества, обвинившего автора в подтасовке исторических фактов и неверных интерпретациях, Мединский отмахивался, говоря, что его книга – «даже не научпоп, а научпоп-поп-поп», и добавляя: «Я же пишу не столько о том, что было или не было на самом деле, а о том, что мы думаем об этом и как это представление влияет на наше мировоззрение и поведение»³⁴. Такое идеологическое производство было оценено в Кремле, и в мае 2012 года Мединский был назначен министром культуры.

(ВОС)СОЗДАНИЕ «РОССИЙСКОГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА»

В декабре того же года он возглавил только что созданное «Российское военно-историческое общество» (РВИО)³⁵, а другой известный российский праворадикальный идеолог националистического толка – заместитель председателя правительства РФ Дмитрий Рогозин – стал председателем его попечительского совета. Основная деятельность общества – пропаганда российской военной истории (в ключе, близком к «Мифам о России»), установка памятников российским и советским военным деятелям в различных городах России и Европы и исторические реконструкции военных сражений. Среди них выделяется ежегодный Крымский военно-исторический фестиваль, проводящийся с 2014 года, где на нескольких площадках реконструируется история Крыма от античности до Второй мировой войны³⁶.

³⁴ Кашин О. Шит и миф // Коммерсантъ. 2009, 16 февраля, www.kommersant.ru/doc/1116086

³⁵ Руководители этой организации, созданной по указу президента Владимира Путина, пытаются сконструировать прямую преемственность с Императорским Русским военно-историческим обществом, созданным по указу императора Николая II в 1907 году. См. подробнее: Историческая справка // Российское военно-историческое общество, rvio.histrf.ru/history/historical-information; Указ № 1710 Президента Российской Федерации «О создании Общероссийской общественно-государственной организации „Российское военно-историческое общество“», rvio.histrf.ru/officially/ukaz-1710

³⁶ Описание первого фестиваля в репортаже Первого канала см.: Германова А. В Крыму проходит военно-исторический фестиваль // Первый канал. 2014. 13 сентября, https://www.1tv.ru/news/2014-09-13/33067-v_krymu_prohodit_voenno_istoricheskiy_festival Описание четвертого фестиваля, 2017 года, см. на специальном сайте: Крымский военно-и-

Вместе с тем РВИО совместно с Министерством обороны организует детские военно-патриотические лагеря, в которых проводит для подростков «курсы молодого бойца» (от военной топографии и оказания первой помощи до обучения огневой подготовке в облегченном режиме). Помимо российских подростков, в этих лагерях принимают участие дети из непризнанной ДНР³⁷.

Осенью 2016 года министр обороны Сергей Шойгу решил не ограничиваться совместными с РВИО лагерями и запустил собственный, более широкомасштабный молодежный проект – военно-патриотическое движение «Юнармия»³⁸. В этом проекте он, как заявлялось, решил объединить различные государственные молодежно-патриотические организации с суворовскими училищами и кадетскими корпусами. По сути же, это аналог скаутского движения с сильным национал-патриотическим уклоном.

1-й слет всероссийского военно-патриотического общественного движения «Юнармия» в парке «Патриот». Министр обороны России Сергей Шойгу вручает флаг начальнику главного штаба движения Дмитрию Труненькову³⁹.

исторический фестиваль на Федюхиных высотах // Ратоборцы. 2017. 15–16 сентября, <http://ratobor.com/calendar/voenno-istoricheskij-festival-2/>

³⁷ Поваго А. Готовы служить Родине: Открыт военно-патриотический лагерь // Вечерняя Москва. 2015. 13 июня, <http://vm.ru/news/2015/06/13/vospitanniki-voenno-patrioticheskogo-lagerya-uchatsya-bit-nastoyashchimi-grazhdanami-svoej-strani-289091.html>

³⁸ В России создано военно-патриотическое движение «Юнармия» // Интерфакс. 2016. 03 августа, www.interfax.ru/russia/521787

³⁹ Источник: mil.ru, commons.wikimedia.org/wiki/Category:Yunarmiya#/media/File:1st_meeting_of_the_youth_military-patriotic_movement_%C2%ABYunarmiya%C2%BB_02.jpg

В свою очередь, «Юнармия» входит в еще более крупную структуру, учрежденную за год до того, в октябре 2015 года, – «Российское движение школьников», которое, по замыслу создателей, должно возродить традиции советского пионерского движения⁴⁰. Спустя почти год после создания «Юнармии» заместитель министра обороны Николай Панков сообщил, что в эту организацию уже вступили порядка 140 тысяч школьников⁴¹. А лидер движения («начальник Главного штаба»⁴²), спортсмен Дмитрий Труненок, в интервью газете «Коммерсантъ» на вопрос: **«Почему патриотическое воспитание должно быть военным? Зачем возвращать методы воспитания молодежи времен Советского Союза, когда пропагандировалось восприятие внешнего мира как потенциально опасного?»** – ответил следующим образом: «В том, что мир полон опасностей, советская пропаганда была не так уж неправа. И сегодня мы не можем закрывать глаза на угрозу международного терроризма, на локальные конфликты и другие проблемы. [...] Основы военного дела помогут ребятам при службе в Вооруженных силах. К тому же многие юнармейцы мечтают связать свою жизнь со службой в армии и других силовых структурах, поступить в военные вузы. Но мы не делаем упор только на военный аспект. Главная цель „Юнармии“ – воспитывать молодежь в ценностях патриотизма, уважения к своим предкам, к своему родному краю»⁴³.

На данный момент самой громкой акцией «Юнармии» стала реконструкция штурма Рейхстага в 1945 году, проведенная 23 апреля 2017 года в Подмоскowie и приуроченная к 72-й годовщине события⁴⁴. В остальном же это движение спустя год после создания отчасти напоминает лагеря РВИО, а отчасти – бюрократическую инициативу, при которой организация в основном занимается собственным расширением кадров и распределением полномочий.

Школьники, вступающие в «Юнармию» добровольно, рассматривают ее в основном как социальный лифт для своей будущей

⁴⁰ Ляликova A., Солопов M. Путин создал аналог пионерской организации // РБК. 2015. 29 октября, www.rbc.ru/politics/29/10/2015/5632253a9a7947a084313544

⁴¹ Около 140 тысяч школьников вступили в «Юнармию» по всей России // Телеканал «Звезда». 2017. 13 июля, tvzvezda.ru/news/forces/content/715c3493822d1f18c6c77487af5521d46e70d23fcc3c5b913ab62bd3db56cd22

⁴² В России создано военно-патриотическое движение «Юнармия» // Интерфакс. 2016. 03 августа, www.interfax.ru/russia/521787

⁴³ «„ЮНАРМИЯ“ может стать хорошей школой жизни» // Коммерсантъ – Огонек. 2017. 02 октября, www.kommersant.ru/doc/3408578

⁴⁴ «Штурм Берлина» в Подмоскowie: кадры масштабной реконструкции взятия Рейхстага // Телеканал «Звезда». 2017. 24 апреля, tvzvezda.ru/news/photo_gallery/content/201704241220-hnd6.htm

военной карьеры⁴⁵. В некоторых регионах России вступление в эту организацию было произведено принудительно⁴⁶, и данное обстоятельство еще больше усиливает впечатление, что эта инициатива, задуманная как милитаристский идеологический проект, превращается в проект чисто административный. И дело тут даже не в том, что движение, организованное как эмоциональный военно-политический манифест, погрузилось в организационную рутину, – подобного рода административная деятельность, разумеется, присуща любым социальным инициативам и обычно не только не подрывает их, но, наоборот, поддерживает их жизнеспособность. Дело скорее в том, что сами «юнармейцы», даже добровольно вступившие в организацию, не рассматривают ее как патриотическую миссию и служение. Для них это – потенциальный трамплин в карьере, возможные льготы при поступлении в военные училища: не столько идейный выбор, сколько что-то вроде курсов профориентации.

КРЫМ И ТЕЛЕВИДЕНИЕ

В числе других резонансных национал-патриотических идеологических проектов можно назвать два фильма, посвященных российской аннексии Крыма. Первый – «Крым. Путь на Родину» (ведущий – Андрей Кондрашов)⁴⁷ был снят медиахолдингом ВГТРК по горячим следам; его премьера состоялась 15 марта 2015 года на телеканале «Россия 1». В нем рассказывалось о Евромайдане и Антимайдане; о том, как российские спецслужбы эвакуировали (на территорию Крыма) Виктора Януковича; демонстрировалась официальная российская версия того, как Крым входил в состав Российской Федерации. Проявилась и идеологема осажденной крепости: так, было рассказано об инциденте с американским военным эсминцем, который якобы приближался к берегам Крыма, но был перехвачен радаром берегового зенитного комплекса. В фильме были приведены фрагменты нескольких интервью с ключевыми участниками крымских событий весны 2014 года: Шойгу, президентом Вла-

⁴⁵ Шарафиев И. Будут настоящих мужчин делать: Год назад министерство обороны запустило патриотическое движение для школьников «Юнармия». Что с ним происходит? // Meduza. 2017. 05 октября, <https://meduza.io/feature/2017/10/05/budut-nastoyaschih-muzhchin-delat>

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ С полной версией фильма можно ознакомиться на YouTube-канале телеканала «Россия 24», где он был выложен в один день с датой телевизионной премьеры; см.: Крым. Путь на Родину. Документальный фильм Андрея Кондрашова // YouTube. 2015. 15 марта, www.youtube.com/watch?v=t42-71RpRgI

Интересна статистика: на 13 октября 2017 года у него 11 224 040 просмотров, при этом 135 тысяч зрителей отметили фильм как понравившийся и еще 29 тысяч – как не понравившийся.

димиром Путиным, генеральным прокурором Крыма Натальей Поклонской⁴⁸, главой республики Крым после ее включения в состав РФ Сергеем Аксеновым.

Особенно резонансным оказалось интервью с Путиным: в нем он допустил возможность привести в состояние боевой готовности ядерные вооруженные силы в том случае, если в ситуацию с Крымом вмешается некая третья сторона. Так милитаристская идеология, созданная политическими элитами как удобный мобилизующий нарратив, превращается в реальную программу конкретных действий в руках исполнительной власти. То, что у идеолога представляло собой набор риторических фигур для воздействия на население, у других представителей той же политической элиты – политиков-практиков, принимающих конечные внутри- и внешнеполитические решения, – становится картиной мира, в которую они верят и в соответствии с которой они сами готовы действовать.

Впрочем, второй фильм о российском Крыме оказался куда менее впечатляющим идеологическим высказыванием, чем проект ВГТРК. Художественный фильм «Крым» (2017; режиссер – Алексей Пиманов), по жанру – боевик и мелодрама, представляет собой рассказ о любви русского и украинки на фоне крымских событий весны 2014 года (в фильме интерпретированных как противостояние положительных сил – российских войск на полуострове и отрицательных сил – украинских националистов). Фильм провалился в прокате, и даже в крупнейшей русскоязычной базе кинофильмов – «КиноПоиске» – рейтинг «Крыма» искусственно завышался, ради чего были взломаны несколько десятков тысяч аккаунтов пользователей сайта⁴⁹. И вновь можно говорить о том, что идеологический проект превратился в административный: «Крым» приходится поддерживать искусственно, и милитаристская идеология, рас-

⁴⁸ Позднее она станет депутатом Государственной думы и активным пропагандистом монархизма (представленного для нее в первую очередь в образе последнего правителя Российской империи, Николая II). На этой почве в 2017 году она поддержит экстремистскую организацию с религиозным уклоном «Христианское государство – Святая Русь», которая шантажом и угрозами поджогов попытается запретить в ряде регионов России прокат художественного фильма «Матильда» (2017; режиссер – Алексей Учитель) о любви Николая II и балерины Матильды Кшесинской. Скандал вокруг «Матильды» окажется настолько громким и вызовет столь бурное общественное обсуждение, что даже в Русской «Википедии» появится отдельная большая статья о нем, ru.wikipedia.org/wiki/Скандал_вокруг_фильма_«Матильда»

⁴⁹ Сурганова Е. На «КиноПоиске» накрутили рейтинг фильму «Крым» Алексея Пиманова. Для этого были взломаны десятки тысяч аккаунтов // Meduza. 2017. 28 сентября, <https://meduza.io/news/2017/09/28/na-kinopoiske-nakrutili-reyting-filmu-krym-alekseya-pimanova-dlya-etogo-byli-vzlomany-desyatki-tysyach-akkauntov> В настоящий момент на «КиноПоиске» у фильма «Крым» – 2,481 балла по 10-балльной шкале на основе 50 587 оценок пользователей, www.kinopoisk.ru/film/krym-2017-984364/votes/

считанная на широкие массы населения, перестает работать в полной мере. Вместе с тем политическая элита из циничного производителя данной идеологии фактически превращается в ее главного некритического потребителя.

ИДЕОЛОГИЯ ИЛИ ИДЕОЛОГИИ?

Однако нельзя сказать, что российской государственной элите присуща одна только эта идеология, – скорее можно сказать, что в России происходит постоянная борьба за реальную и символическую власть между несколькими элитными группировками, и каждая из них использует одну или несколько идеологических рамок для оправдания собственных действий.

Так, во второй половине 2000-х годов, во время президентства Дмитрия Медведева, за лидерство в официальной и публичной сфере боролись два дискурса: национал-патриотический и либеральный, представленный риторикой ускоренной технологической модернизации России и ее активного партнерства в крупных международных научных и бизнес-проектах.

В настоящий момент (с 2016 года) идеологии активного милитаризма и изоляционизма все больше начинает противостоять идеология, которую можно обозначить как технократическую (если о ней вообще можно говорить как о некой связанной идеологии), – прагматический подход, ориентированный на практические потребности сегодняшнего момента и предлагающий не яркую картину мира и взаимосвязанную систему ценностей, а, наоборот, отказ от любых целостных картин ради решения прикладных текущих задач.

Маркером идеологических перемен можно считать кадровые перестановки в администрации президента, происходившие осенью 2016 года: первым заместителем руководителя администрации, традиционно отвечающим за идеологию, стал технократ Сергей Кириенко (а был – Вячеслав Володин, по факту главный куратор всех национал-патриотических идеологических движений в России первой половины 2010-х годов), а руководителем администрации – еще один технократ, Антон Вайно (вместо Сергея Иванова).

Технократический подход более гибок – он позволяет избегать конфликтов и лавировать между самыми различными политическими силами, – однако он не способен мобилизовать ни массы, ни элиты так, как это делает рассматриваемая нами идеология милитаризованного изоляционизма. Вероятно, поэтому у нее все еще сохраняется значительный вес, и технократический подход не заместил ее полностью.

Итак, в течение 2014–2016 годов та рамка, которую в сжатом виде представлял верхней палате российского парламента Ковальчук, была доминирующей и продолжает сохранять существенную часть своего влияния до сих пор. Политические конфликты последних лет, в которых принимает участие Россия, напрямую связаны с картиной мира, представленной с помощью данной национал-патриотической идеологии милитаризованного изоляционизма.

ПРИЗРАК РЕВОЛЮЦИИ

Насколько мы можем судить, в течение практически всей постсоветской истории России идеология милитаризованного изоляционизма присутствовала на политическом горизонте, но зачастую занимала более-менее маргинальные позиции. Однако зимой 2011/2012 года во многих крупных городах России (особенно в Москве и Санкт-Петербурге) прошли массовые протесты против политического режима, в которых российские политические элиты увидели прямую угрозу своему существованию. Радикальная идеология, способная мобилизовать народные массы вокруг элиты и эмоционально настроить их против неких внешних и внутренних врагов, оказалась очень востребована и фактически с 2012 года легла в основу российской внутренней политики. В 2014 году она внесла вклад и во внешнеполитический курс Российской Федерации – в числе последствий этого достаточно назвать политику России в Крыму и на Донбассе. Эта же идеологическая рамка теперь не позволяет начать выход из конфликтов, развязанных Россией в 2014-м, и прийти к их мирному урегулированию.

По ее внутренней логике, любое ослабление конфликта однозначно трактуется как поражение перед лицом сильного внешнего врага, а ее моральная составляющая изображает это воображаемое поражение как национальный позор, чреватый едва ли не угрозой полного распада единой монолитной страны. В этой ситуации об урегулировании любых политических конфликтов – как внутри государства, так и за его пределами – не может идти и речи.

Конфликт может «застыть» в некоем промежуточном состоянии, если его нарастание в данный момент невыгодно той части элиты, которая наделена полномочиями принимать соответствующее решение. Это может быть позиционная война или единичные, но регулярно возобновляемые показательные судебные процессы. Либо конфликт может усиливаться, если его эскалация данной элитарной группе в данный момент выгодна.

Даже несмотря на весь материальный и символический ущерб и на все репутационные потери России на международной арене, вырваться из милитаризованной изоляционистской картины мира и начать политику разрядки оказывается крайне трудно и болезненно.

Однако нет ли здесь противоречия с тем, что мы утверждали чуть выше? Ведь если элита оставляет за собой право не подчиняться собственным идеологическим схемам, если она может при любой текущей необходимости конструировать ту идеологическую картину, которая ей сейчас более удобна прагматически, то почему же она не может просто заместить ее другой, более подходящей для новых изменяющихся условий? Почему просто не отказаться от взрывоопасной идеологии милитаризованного изоляционизма и не сосредоточиться полностью на деидеологизированном технократическом подходе – так, как это по факту и происходило в середине 2000-х годов, когда даже говорили, будто в России совсем нет идеологии?

На наш взгляд, противоречия нет. Конструктивизм и эссенциализм в данном случае переплетены гораздо сильнее, и даже если та или иная элитная группировка видит преимущества ослабления милитаристской идеологии, она боится возможного социального взрыва. При этом представление о социальном взрыве, который произойдет, как только ослабит идеологическое давление, – это тоже своего рода эссенциалистская конструкция, но только ее адресатом теперь уже становится сама элита.

Воображаемая революция в результате оказывается не менее реальной по своим последствиям: она блокирует любые возможные попытки отступления от милитаризма и изоляционизма, изображает общественно опасными любые попытки диалога, нахождения общего языка с другой стороной конфликта⁵⁰. И наоборот, многие формы эскалации – от репрессивных законов и политически ангажированных судебных приговоров до участия российских военных в конфликте на Донбассе – воспринимаются как необходимая защита от призрака воображаемой революции. По этой логике, если взять абсолютно всё внутри

⁵⁰ Впрочем, ситуация несколько сложнее. В российско-украинском конфликте российские политические элиты видят перед собой двух, если не трех, врагов: собственно Украину и условный Запад, который нередко распадается на США («главного врага» – живучий стереотип со времен холодной войны) и «всех остальных». При этом диалог возможен с любым из врагов, если этот враг готов будет безоговорочно согласиться с позицией российской стороны. Вместе с тем технократический подход допускает и более гибкие схемы, где оппоненты могут быть одновременно и партнерами, а уступки могут быть взаимными. Единственное, что остается неизменным в рамках любого из подходов, которыми оперируют российские элиты, – это позиция, что Украина должна оставаться в сфере преимущественного влияния России.

России и на ее границах под жесткий силовой контроль, то революция нигде не сможет «прорасти», ей для этого банально не хватит необходимой «почвы».

Однако откуда – помимо насквозь мифологизированной истории социалистической революции 1917 года – идет этот страх перед социальным взрывом? По нашему мнению, в ближайшей перспективе – из массовых оппозиционных выступлений зимы 2011/2012 года. Разумеется, это не единственный источник – скорее его можно назвать основным катализатором изоляционистского поворота российской политики. Но в любом случае на нем имеет смысл остановиться чуть подробнее.

БОЛОТНАЯ ПЛОЩАДЬ

Массовые протестные выступления декабря 2011-го – мая 2012-го в Москве (на Болотной площади, проспекте Академика Сахарова и др.) и в ряде других крупных городов, наиболее многочисленные из которых, по неофициальным сведениям, достигали ста тысяч человек, формально были спровоцированы большим количеством фальсификаций на выборах в Государственную думу 4 декабря 2011 года. Одной из их особенностей было то, что большинство их участников нельзя было определить как единую политическую силу (например, активистов каких-либо партий): по сути, это было крайне динамичное и в основе своей неполитическое – но резко политизировавшееся, по крайней мере на какое-то время – множество без определенных лидеров, единых систем ценностей и четкой внутренней структуры.

Безусловно, наравне с ними в протестном движении участвовали и многие оппозиционные партии практически любой направленности (анархисты, коммунисты, социалисты, либералы, зеленые, националисты, либертарианцы), со своими программами и лозунгами. Протестные акции нередко завершались митингами, где трибуну делили между собой лидеры этих партий, известные общественные деятели и различные медийные персоны. Однако большинство участников массовых протестов не идентифицировало себя с какой-либо определенной политической платформой – уже сам факт того, с какой легкостью они инкорпорировали в себя столь разнообразные политические движения, говорит об их собственной политической индифферентности.

Протестная акция «Марш миллионов» 6 мая 2012 года. Москва, ул. Большая Якиманка. Автор: Николай Поселягин.

Хотя их высказывания были вполне политическими – они выступали с антипутинскими лозунгами, против партии «Единая Россия» и нечестных выборов, – однако они не предлагали никаких связанных проектов политического переустройства. Их повестка была исключительно негативной: против существующего режима, за глубокие перемены, но не за какой-то иной, новый режим. Оппозиционных политиков они поддерживали только до той степени, пока те не начинали выдвигать себя в качестве их лидеров, говорить от их лица в качестве полномочных представителей, пока не пытались переформатировать множество пришедших на акцию протеста в некое подобие единой политической партии.

И оппозиция, и политическая элита обнаружили рождение какого-то нового социального явления – неструктурированного множества, которое объединяет воедино только сам факт одновременного присутствия в одном месте с одинаковым эмоциональным настроением. Непонятно было, в каких терминах следует определять это явление и какие переговоры с ним можно вести (да и можно ли вообще) – тем более если никакой понятной, традиционной политической программы оно не предлагает.

Неясно было и то, как это множество можно структурировать.

Представление о едином упорядоченном народе, электорате, который дружно голосовал 4 декабря за «партию власти», внезапно сменилось разнообразной толпой, соединившейся в общее целое, по сути, ситуативно – лишь общими эмоциями и общей негативной повесткой. Вероятно, правящим элитам это могло напомнить «естественное состояние» по Гоббсу, состояние всеобщей обобщающей разобщенности⁵¹. После периода растерянности, продлившегося до начала мая, элиты начали подавлять данное явление социальной негативности силой – от разгонов протестных акций (которые в том или ином виде продолжались еще больше года, вплоть до лета 2013 года, но были уже не настолько массовыми и интенсивными) до возбуждения резонансных уголовных дел против отдельных участников («Болотное дело»⁵², дело Pussy Riot⁵³).

На какое-то время, видимо, могло показаться, что силовой подход дал результаты: протестные акции в России постепенно почти сошли на нет, непонятное аморфное протестное множество, казалось, исчезло с политической сцены, внутренняя структура российского общества вновь стала выглядеть упорядоченной, контролируемой и интуитивно понятной.

РОССИЯ И ЕВРОМАЙДАН

Однако Евромайдан в Украине в ноябре 2013-го – феврале 2014 года продемонстрировал, что подобное множество в потенциале способно превращаться в реальную политическую силу. И что такая сила может смещать господствующие элитные группы, активно изменять политический ландшафт государства. Российские политические элиты восприняли это как прямой вызов себе и отреагировали двояким образом: вооруженным

⁵¹ См. описание этого явления у итальянского философа Паоло Вирно, теоретически осмысляющего понятие социального множества. Вирно П. (2013), Грамматика множества: К анализу форм современной жизни, М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», с. 13–14. Вряд ли российские политические элиты в 2012 году мыслили в категориях Вирно, а также его старшего коллеги Антонио Негри, – однако, судя по всему, они весьма схожим образом уловили субверсивный потенциал протестных акций зимы 2011/2012 года, которого не смогли почувствовать сами непосредственные участники протестов.

⁵² Уголовное дело против участников протестных акций 2011–2012 годов; формально – против участников одной из акций («Марш миллионов» 6 мая 2012 года), приуроченной к инаугурации Путина. По обвинению в общественных беспорядках возбудили уголовные дела против более чем 30 человек; часть из них получили условные, часть – реальные сроки; некоторые эмигрировали из страны. Из «Болотного дела» было выделено дело лидера леворадикального движения «Левый фронт» Сергея Удальцова и двух его сторонников. Они тоже получили реальные уголовные сроки.

⁵³ Уголовный процесс против трех участниц панк-группы Pussy Riot (Надежды Толоконниковой, Марины Алексинной и Екатерины Самуцевич). Их обвиняли в том, что 21 февраля 2012 года они исполнили в храме Христа Спасителя «панк-молебен „Богородица, Путина прогони!“» и тем самым оскорбили чувства верующих. Дело было квалифицировано как хулиганство, участницы Pussy Riot получили реальные уголовные сроки.

конфликтом с Украиной и усилением изоляционистской идеологии внутри России.

В Евромайдане и смене государственной власти они увидели матрицу, которая могла бы сработать и на Болотной площади в 2011 году – и теоретически может повториться опять, если только не сломать ее немедленно, демонстративно и сколь угодно жесткими силовыми методами. Включая Крым в состав России и сначала негласно, а позже полуофициально участвуя в военном конфликте на Донбассе, изолируя себя во внешней политике и попадая под международные санкции, правящие политические элиты решали внутривнутриполитическую задачу – подвить внутрироссийский политический протест. На наш взгляд, именно здесь заключается причина участия России в одном из самых сложных вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве, и именно в этом направлении – а не в Украине как таковой – следует искать способы разрешения данного конфликта, по крайней мере с точки зрения российской стороны.

КОЛЛЕКТИВНАЯ ТРАВМА И ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Важной частью идеологической работы в России последних лет стала работа с коллективной памятью – с историческими нарративами, в которых она передается, а также с ритуальными практиками, символическими предметами, памятниками и местами, в которых она воплощается. Вновь стал центральным героико-патриотический нарратив о России, согласно которому русская история представляет собой многовековую череду (военных) побед, начинающуюся в глубине веков, от основания государственности на данной территории, и увенчивающуюся победой в Великой Отечественной войне уже в XX столетии.

Этот нарратив насквозь мифологизирован и ритуализован – это пространство культурной памяти, исключенное из рационального анализа и превращенное в канон. Оно представляет собой плеяду квазиисторических портретов двух типов. Это либо герои, бесстрашно жертвующие жизнью во имя отечества, – воплощение идеального народа, либо руководящие этими героями мудрые полководцы – воплощение идеальной российской государственности. Крайне сложная и запутанная история России со множеством противоречивых исторических фигур и многосоставной системой политических взаимодействий и конфликтов превращается в рамках данного нарратива в простую и ясную линейную магистраль прогресса.

По ней движется монолитное и неизменное государство –

со времен прихода Рюрика на Русь в IX веке (хотя применительно к тому периоду говорить о России в современном смысле некорректно) и вплоть до сегодняшнего дня. Вместе с тем данный нарратив открыто националистический. Путь, по которому проходит Россия, – это «особый путь», изолированный от внешнего мира (прежде всего – от столь же сильно мифологизированного единого «Запада», который представляет вечную угрозу целостности и уникальности Российского государства), замкнутый внутри российских государственных и культурных границ.

Смысл этой особенности заключается в специфической консервативной системе ценностей, базирующейся на квазирелигиозной моральной установке, воплощенной в понятии «духовность». Она означает некое символическое и религиозное избранничество России в мировой истории: именно Россия, по такой логике, продолжает сохранять аутентичную мораль и божественное слово, в то время как все другие государства и культуры от этой морали и этого слова отпали. Соответственно, политическая целостность и неизменность государственного устройства выступают здесь гарантом сохранения данной аутентичности. Эта концепция корнями восходит еще к позднесредневековым религиозно-политическим дискуссиям в Московском государстве, а в современном виде впервые была сформулирована националистически ориентированными русскими философами – славянофилами – в первой половине XIX века и с тех пор неоднократно воспроизводилась в правоконсервативных идеологиях.

Ключевым событием такого историко-мессианского нарратива в позднем СССР, при Брежневе, начала становиться Великая Отечественная война (по крайней мере, в правоконсервативных кругах позднесоветской элиты). В постсоветское время, уже в новых исторических условиях, данный нарратив вновь стал востребован и переосмыслен. Он оказался весьма удобен с точки зрения мобилизации масс под эгидой государственной идеологии. С одной стороны, память о войне еще достаточно жива, эмоциональный отклик на нее у людей гораздо сильнее, чем, например, на Куликовскую битву 1380 года; еще живы ветераны, испытавшие ее на себе. С другой стороны, подавляющему большинству людей она уже не настолько хронологически близка, чтобы стать частью их собственной, индивидуальной памяти. Они ее знают по опосредующим нарративам – фильмам, книгам, рассказам старших родственников. Т. е. превратить ее в миф и идеологему гораздо проще, чем то, что они пережили сами.

Наконец, Вторая мировая война – источник гигантской кол-

лективной травмы, которая, в свою очередь, тоже опосредуется нарративами и представляет собой удобный материал для идеологических манипуляций⁵⁴. В результате Великая Отечественная война в официальных идеологических трактовках последних лет превратилась в центральное событие всей российской истории; современная Россия живет в своеобразной «постистории», под сенью собственного великого недавнего прошлого. Все то главное, ради чего она существовала все эти века, уже свершилось. И теперь остается только свято чтить память об этом.

В рамках героико-патриотического идеологического нарратива любые события Великой Отечественной войны превращаются в миф, а единственный легитимный вид отношения к ним – полное и безоговорочное согласие с их официальной оценкой как с единственно-возможной истиной. Например, миф о 28 героях-панфиловцах, ценой своих жизней остановивших полномасштабное танковое наступление немецких войск на Москву в ноябре 1941 года, официально утверждался лично министром культуры Мединским. Причем тот очень болезненно реагировал, когда исследователи Второй мировой войны указывали, что данный сюжет противоречит реальным историческим фактам⁵⁵.

КОЛЛЕКТИВНАЯ ТРАВМА И СТАЛИН

Сталин в рамках этого же нарратива становится еще одним (причем ключевым – в силу высокой семиотичности 1941–1945 годов в российской и мировой истории) мудрым полководцем, и любая возможная критическая рефлексия в его адрес блокируется⁵⁶. Память о Большом терроре и массовых

⁵⁴ В принципе, схожим образом действует на историческую память любая коллективная травма; см. об этом у одного из ведущих современных теоретиков *trauma studies*, американского историка Рона Айермана. Eyerman R. (2001), *Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African American Identity*. Cambridge: Cambridge University Press.

⁵⁵ «Мое глубочайшее убеждение заключается в том, что даже если бы эта история была выдумана от начала и до конца, даже если бы не было Панфилова, даже если бы не было ничего – это святая легенда, к которой просто нельзя прикасаться. А люди, которые это делают, мрази конченные». См.: Мединский назвал «мразями» тех, кто не верит в подвиг 28 панфиловцев // ВВС. Русская служба. 2016. 04 октября, <http://www.bbc.com/russian/news-37557282>

⁵⁶ Примечательно данные социологических опросов. Так, в опросе «Выдающиеся люди», проведенном «Левада-центром» 7–10 апреля 2017 года среди 1600 совершеннолетних человек из 48 регионов страны и опубликованном 26 июня, первое место занял Сталин с 38 % голосов; причем это результаты ответов на открытый вопрос: «Назовите, пожалуйста, десять самых выдающихся людей всех времен и народов?», www.levada.ru/2017/06/26/vydayushiesya-lyudi

На втором месте оказался Путин с 34%, на третьем – Пушкин с тем же процентом голосов. В том же материале для сравнения даются результаты аналогичного опроса, проведенного «Левада-центром» в 2012 году, – там Сталин победил даже с еще большим результатом – 42%. В то же время в другом опросе «Левада-центра» – «Сталинские

репрессиях отныне ставится под подозрение вместе с научными и общественными институтами, профессионально занимающимися изучением этих событий. А установка памятников Сталину, непредставимая в России со времен Хрущева и развенчания культа личности, вновь оказывается возможной.

НАЗОВИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, ДЕСЯТЬ САМЫХ ВЫДАЮЩИХСЯ ЛЮДЕЙ ВСЕХ ВРЕМЕН И НАРОДОВ? *(открытый вопрос; респонденты сами называли имена) **

	1989	1994	1999	2003	2008	2012	2017
1. СТАЛИН	12	20	35	40	36	42	38
2. ПУТИН	-	-	-	21	32	22	34
3. ПУШКИН	25	23	42	39	47	29	34
4. ЛЕНИН	72	34	42	43	34	37	32
5. ПЕТР I	38	41	45	43	37	37	29
6. ГАГАРИН	15	8	26	33	25	20	20
7. ТОЛСТОЙ Л.	13	8	12	12	14	24	12
8. ЖУКОВ	19	14	20	22	23	15	12
9. ЕКАТЕРИНА II	-	10	10	11	8	11	11
10. ЛЕРМОНТОВ	5	5	9	10	9	8	11
11. ЛОМОНОСОВ	20	13	18	17	17	15	10
12. СУВОРОВ	17	18	18	16	16	12	10
13. МЕНДЕЛЕЕВ	13	6	12	13	13	12	10
14. НАПОЛЕОН	6	19	19	13	9	13	9
15. БРЕЖНЕВ	-	6	8	12	9	12	8
16. ЭЙНШТЕЙН	9	5	6	7	7	7	7
17. ЕСЕНИН	-	2	3	5	6	5	7
18. КУТУЗОВ	10	11	11	10	11	12	7
19. НЬЮТОН	6	3	4	6	6	6	7
20. ГОРБАЧЕВ	-	10	4	8	6	6	6

Опрос «Левада-центра» «Выдающиеся люди» (7–10 апреля 2017 года, опубликован на сайте 26.06.2017)⁵⁷.

репрессии» (проведен 21–24 апреля 2017 года, результаты опубликованы 23 мая; выборка – снова 1600 совершеннолетних человек из 48 регионов) – большинство респондентов, 39%, скорее согласилось бы с утверждением: «Это было политическое преступление, и ему не может быть оправдания», в то время как ответ «Это была политическая необходимость, они были исторически оправданы» набрал 25%, www.levada.ru/2017/05/23/stalinskije-repressii

⁵⁷ Скриншот фрагмента страницы сайта, www.levada.ru/2017/06/26/vydayushhiesya-lyudi

Впрочем, проблематичность отношения к Сталину проявлялась и до 2012 года. Например, еще в 2008 году, за несколько лет до консервативного поворота в российской государственной идеологии, он едва не выиграл первое место в телевизионном конкурсе «Имя Россия» (в результате занял третье место после Александра Невского и Петра Столыпина – еще двух фигур, имеющих большое символическое значение для консервативного лагеря российских политических элит). Хотя тут же пошли споры о том, насколько честно было организовано голосование. Популярность Сталина в народе мало кем была поставлена под сомнение.

То, что популярность Сталина может обуславливаться совсем иными социальными тенденциями: не поддержкой официальной государственной исторической политики, а, наоборот, нарастающим общественным недовольством, чреватым социальным взрывом⁵⁸, – в расчет не принималось. А после 2012 года представление о «Сталине – любимце русского народа» оказалось тем более востребовано политическими элитами, что фактически давало необходимую легитимацию для идеологемы «Сталин – мудрый главнокомандующий на самой великой войне». Пусть даже эта идеологема противоречила историческим фактам – главное, что она основывалась (предположительно) на народной вере. Так в очередной раз два мифа в связке подкрепили друг друга.

Впрочем, интерес к мифологизированной фигуре Сталина у политических элит связан не только с тем, что она удобно поддерживает их историографическую конструкцию. Сталин для них также – наиболее хронологически близкий и эффективный пример имперского правления, с помощью так называемого «ручного управления» создававший такую геополитическую

⁵⁸ В качестве характерного примера см. одну из наиболее недавних подборок, где ученые рассуждают о десталинизации и о том, что же именно стоит за популярностью фигуры Сталина в социологических опросах: «Даже почитатели Сталина не хотели бы жить в те времена»: Специалисты рассуждают, произошло ли в России развенчание сталинского мифа // Meduza. 2017. 30 июля, <https://meduza.io/feature/2017/07/30/dazhe-pochitateli-stalina-ne-hoteli-by-zhit-v-te-vremena>

Особенно важной нам представляется здесь реплика социолога Эллы Панеяк: «Мифический Сталин олицетворяет для своих поклонников общественный уклад, в котором неравенства (и, в первую очередь, демонстративной роскоши „верхов“) гораздо меньше, чем в той реальности, в которой они сегодня живут. [...] Они не хотят сказать: „Мы хотим репрессий. Мы хотим, чтобы больше людей сидело в тюрьме. Мы хотим плановой распределительной системы. Мы хотим репрессированных народов. Мы хотим, чтобы наше правительство развязало еще одну мировую войну“. Они хотят сказать: „Мы хотим меньше неравенства. Мы хотим меньше коррупции. Несколько более социальное государство, чем имеем. И нам очень не нравится то, что есть, оно у нас болит – поэтому мы выбираем самую жесткую и пугающую из возможных фигур, чтобы заявить об этом“. Примерно это они имеют в виду, когда объявляют Сталина лучшим правителем России».

карту мира на доступной ему территории, какую хотел, и проводивший активную экспансию вовне, на близлежащие регионы. Он вернул внутрь государственных границ СССР почти все регионы, входившие в состав Российской империи (за исключением Финляндии и Польши), а после Второй мировой войны расширил ареал непосредственного внешнеполитического влияния России на всю Восточную и часть Центральной Европы. Именно в результате сталинской предвоенной экспансии в состав СССР вошла Западная Украина – что создало источник межнациональных конфликтов на многие десятилетия вперед. Сегодняшним политическим элитам импонирует и тот колонизаторский пафос, который стоял за этой экспансией. Многие идеологемы, включенные в современный официальный дискурс, также восходят к нему: скажем, ту же идеологему «осажденной крепости» текущая государственная идеология усваивает не прямо от Александра III (1881–1894), а сквозь сталинский дискурс.

В интересе к Сталину как создателю и лидеру империи российским политическим элитам оказались близки радикально левые оппозиционные партии. Например, многие члены партии Эдуарда Лимонова «Другая Россия» почти сразу после начала военного конфликта на Донбассе поехали участвовать в ней добровольцами на стороне самопровозглашенных пророссийских республик ДНР и ЛНР. Сергей Удальцов, лидер другой оппозиционной партии – «Левого фронта», был активным участником массовых протестных акций 2011–2012 годов и одним из фигурантов «Болотного дела», однако активно поддержал аннексию Крыма и российское присутствие в Донбасском конфликте (кажется, это едва ли не единственное решение властей, нашедшее его поддержку)⁵⁹.

В этом партии крайне левой части политического спектра находят общий язык с крайне правыми. Так, один из наиболее известных радикально правых российских идеологов, Александр Дугин, разрабатывал сценарий возможной российской аннексии Донбасса еще в 2000-е годы, задолго до 2012–2014 годов и консервативного (а также можно сказать – имперского) поворота в российской государственной идеологии⁶⁰. И в крайне

⁵⁹ См., например, интервью Удальцова, данное почти сразу после освобождения из тюрьмы по «Болотному делу» (точнее, по делу, выделенному из общего «Болотного»): «Изменились нюансы. Будем к ним приспосабливаться»: Интервью Сергея Удальцова – о первых днях на свободе и событиях, которые произошли, пока он сидел // Meduza. 2017. 11 августа, meduza.io/feature/2017/08/11/izmenilis-nyuansy-budem-k-nim-prisposablivatsya

⁶⁰ См. об этом, в частности: Laruelle M. (2016), The Three Colors of Novorossiia, or The Russian Nationalist Mythmaking of the Ukrainian Crisis // Post-Soviet Affairs, Vol. 32, № 1, 55–74.

левой, и в крайне правой частях спектра возможность мирного урегулирования конфликта на Донбассе исключается. Точнее, предполагается, что единственно возможным (и единственно желательным) вариантом окончания конфликта должен быть переход Донбасса если не в состав России, то по крайней мере под ее протекторат.

Другими словами, колониально-имперское представление о том, что за чертой официальных государственных границ России существуют регионы ее преимущественного влияния, протранства с ее непосредственным и полномасштабным политическим участием, делает крайне затруднительным диалог, где, помимо российских, были бы представлены и чьи-либо иные интересы.

Похожим образом имперские амбиции реализовались и раньше – например, в войне с Грузией 2008 года, – тем не менее идеологическое оформление того конфликта было гораздо более слабое и непоследовательное. А в случае Донбасса крайне левые и крайне правые идеологи фактически уже сделали всю мифотворческую работу загодя – оставалось лишь воспользоваться ею, переведя из разряда маргинальных геополитических теорий в сценарий актуального внешнеполитического курса.

КОНСТРУКТИВИЗМ ПОД МАСКОЙ ЭССЕНЦИАЛИЗМА

В последней части предлагаемого анализа мы бы хотели еще раз вернуться к структуре российского официального идеологического дискурса, который способен сочетать эссенциализм и мифотворчество с вполне осознанным и прагматичным конструктивизмом. Для примера мы возьмем еще один показательный кейс.

В 2011 году Владимир Мединский, тогда еще не министр культуры, защитил докторскую диссертацию «Проблемы объективности в освещении российской истории второй половины XV–XVII веков» по специальности «Отечественная история».

О роли России в политическом кризисе в Украине, включая захват Крыма и участие в Донбасском конфликте (не только военное, но и в еще большей степени идеологическое – включая создание полномасштабного мифа о Новороссии), см.: Karagiannis E. (2016), *Ukrainian Volunteer Fighters in the Eastern Front: Ideas, Political-Social Norms and Emotions as Mobilization Mechanisms* // *Southeast European and Black Sea Studies*, Vol. 16, № 1, 139–153; Malyarenko T., Galbreath D. J. (2016), *Paramilitary Motivation in Ukraine: Beyond Integration and Abolition* // *Southeast European and Black Sea Studies*, Vol. 16, № 1, 113–138; Wilson A. (2016), *The Donbas in 2014: Explaining Civil Conflict Perhaps, but not Civil War* // *Europe-Asia Studies*, Vol. 68, № 4, 631–652. См. также: Кіпень В. (2014), *Трамована свідомість як наслідок і фактор нестабільності: (Дослідження масових настроїв жителів Донецька)* // *Схід*, № 2 (128), 5–9; Щербак А. Н., Комин М. О., Соколов М. А. (2016), «Отверженные»: Сравнительные биографии украинских и «новороссийских» полевых командиров // *Полития*, № 1 (80), с. 73–89.

Вскоре ряд историков выступил с критикой этой работы⁶¹. Предметом критики были как многочисленные случаи плагиата, так и концептуальные построения самого Мединского, которые не соответствовали нормам научности. По сути, автор вместо исторического анализа исторических свидетельств о России эпохи раннего Нового времени, которые оставили посещавшие страну иностранцы, выстраивал тенденциозный нарратив, где громил зарубежных «врагов» за, по его мнению, сознательную клевету на Россию.

В 2016 году трое ученых выступили с официальным требованием лишить его степени доктора исторических наук⁶². Текст диссертации передали в другой диссертационный совет, и уже в июле 2017 года, накануне заседания совета, Мединский опубликовал в «Российской газете» статью «Интересная история»⁶³, где высказал свое историческое кредо⁶⁴. В ней автор не столько опровергал доводы оппонентов, сколько демонстрировал свои принципы работы с историческими источниками и коллективной памятью.

По предыдущим текстам Мединского можно было сделать вывод, что их автор – историкософ правоконсервативного толка, интерпретирующий исторические документы в соответствии с некой объективной и единственно верной истиной (так, как он ее понимает), в какую он сам безоговорочно верит. Другими словами, и его публицистика, и диссертация были выполнены в последовательном эссенциалистском ключе. Однако из статьи в «Российской газете» выясняется, что Мединский разделяет

⁶¹ См.: Лобин А. Пещерное источниковедение // Полит.ру. 2012. 13 марта, polit.ru/article/2012/03/13/medinsky; Пенской В. Без навыков историка // Полит.ру. 2012. 01 апреля, polit.ru/article/2012/04/01/medinsky; Козляков В. Рецензия на диссертацию В. Р. Мединского «Проблемы объективности в освещении российской истории второй половины XV–XVII вв.» (М., 2011), представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности – 07.00.02 // Диссернет. [2014], wiki.dissert.net.org/tools/Medinsky.html; и др.

⁶² «[...] тот факт, что во введении своей диссертации он [...] объявляет абсолютным стандартом истинности и достоверности исторического труда „взвешивание на весах национальных интересов России“ и эксплицитно признаёт „положительную или отрицательную оценку“ событий с этой точки зрения задачей исторической науки, говорит сам за себя. Текст, написанный в соответствии с подобными принципами, с очевидностью может быть признан чем угодно, но только не научным исследованием, и все дальнейшие претензии автора на „объективность“ тут ничего не меняют. Историческая наука тем и отличается от пропаганды, что не оценивает события положительно или отрицательно в зависимости от их соответствия чьим-либо национальным интересам, а ограничивается беспристрастным анализом». Козляков В. Н., Ерусалимский К. Ю., Бабицкий И. Ф. Заявление о лишении Владимира Ростиславовича Мединского ученой степени доктора исторических наук // Диссернет. 2016, 25 апреля, wiki.dissert.net.org/tools/vsyakosyak/MedinskyVR_ZoLUS.pdf

⁶³ Мединский В. Интересная история // Российская газета. 2017. № 145 (7311). 04 июля, rg.ru/2017/07/04/vladimir-medinskij-vpervye-otvechaet-kritikam-svoej-dissertacii.html

⁶⁴ Совет не стал лишать его ученой степени.

скорее уж ценности постмодерна, чем той идеологии, которую проповедует.

Во-первых, он релятивист – никакой единой исторической истины для него не существует, а любые прочтения исторических документов – это лишь культурно обусловленные интерпретации: «Не бывает „объективного Нестора“. Нет вообще никакой „абсолютной объективности“. Разве что с точки зрения инопланетянина. Любой историк всегда – носитель определенного типа культуры, представлений своего круга и своего времени». Данное утверждение относится не только к рядовому читателю, но и к профессиональному историку, который точно так же зависит от социокультурных рамок, внутри которых работает: «Историк – всегда заложник своих убеждений. Да, профессиональная этика и правила требуют от ученого стремиться быть объективным. Однако, увы, любой ученый-гуманитарий, как бы ни старался, есть плод своего воспитания, своей школы, он зависим от теоретических рамок, от выбранной методологии, даже от того языка, каким привык пользоваться. Он сам конструирует объект своего исследования, базирясь на знаниях, идеологемах, свойственных его времени»⁶⁵. Научной объективностью такой радикальный релятивизм, конечно, тоже не предполагает: «Нет в истории никакого „беспристрастного подхода“. Он всегда пристрастен и персонифицирован».

Во-вторых, Мединский сам признает, что работает как прагматичный идеолог: «Иначе говоря, всякая история, если по-честному, есть современная история. Ибо каждый смотрит в прошлое с позиции своего дня». Соответственно, история – просто удобный инструмент для решения современных социальных

⁶⁵ Подобный релятивизм, в принципе, предполагает демократичность подхода и толерантность к иным историческим концепциям: ведь если ни одна из них не более истинна или ложна, чем твоя собственная, то и любые ценностные споры становятся бессмысленными. Это плохо сочетается с догматизмом и эссенциализмом. Понимая это, Мединский использует следующий риторический прием – он переадресует обвинения в нетерпимости самим своим оппонентам, представляя себя как обычного носителя альтернативного мнения и жертву профессиональной травли: «Классическая либеральная идея в современном евро-атлантическом мире давно уже трансформировалась в своего антипода – абсолютную нетерпимость к инакомыслию, готовность с решимостью крестомощев – огнем и мечом – выжигать любые иные мнения. [...] Присвоившие себе ныне право именоваться „либеральной интеллигенцией“, „либеральной прессой“, „либеральными учеными“ любят поговорить о свободе мнений, но имеют в виду свободу только для себя. Говорят о толерантности – и абсолютно нетерпимы к чужой точке зрения. Говорят о защите прав и собственности – но имеют в виду только свои права и только свою собственность». Любопытно, что одновременно он использует и эссенциалистский ход, аналогичный тому, который использовал Ковальчук: угроза приходит извне, из западного «евро-атлантического мира». Антилиберальный дискурс тоже весьма характерен для официальной и полуофициальной риторики последних нескольких лет, с 2012 года.

и политических проблем. Историк работает с коллективными травмами и коллективной памятью так, как этого требует текущая ситуация: «И мы прекрасно осознаем, настоящий историк не просто изучает прошлое, не просто пытается его понять, осмыслить, извлечь и систематизировать уроки прошедшего. Он сквозь призму опыта прошлого осмысливает настоящее. Предлагает программу на будущее».

Если же требования текущей ситуации противоречат историческим данным, то эти данные можно игнорировать или даже исказить. Вспоминая заодно другую полемику – вокруг мифа о 28 панфиловцах, – Мединский неожиданно соглашается со своими оппонентами, доказывавшими несоответствие мифа фактам, и тут же противопоставляет этим фактам идеологическую целесообразность. «Что более повлияло на ход Великой Отечественной? Сам бой 4-й роты политрука Клочкова под Волоколамском, уничтоженные 28 (или 128?) бойцами 17 (или 10?) – да какая, к черту, разница! – фашистских танков? Или тот самый миф-образ, созданный журналистами „Красной звезды“? Образ 28 панфиловцев, выкованный в сознании миллионов? Эта легенда стала материальной силой – страшнее и прекраснее любого факта любого реального боя. Ибо в ней воплотилась вся боль и вся мечта советского человека – защитника своей семьи и своей земли».

Наконец, в-третьих, Мединский – радикальный конструктивист (что, в принципе, логично вытекает из релятивистской установки). «История не существует без фактов. Но факты – это не только события, не только объекты материальной культуры – курганы, черепки и пирамиды. Идеи и мифы – тоже факты. Идеи и мифы, овладевшие массами, исторически весомее любых коллизий и виадуков. [...] Все исторические факты существуют не сами по себе. Мы с вами лично в Куликовской битве не участвовали и свечку при много чем еще не держали. То есть для нашего сознания история не есть непосредственно нами наблюдаемое событие, а всегда отражение в восприятии других людей. Все исторические факты существуют для нас как уже преломленные через сознание и социальные интересы своего класса, нации, времени. Религии. Мироззрения. Идеологии. То есть история всегда субъективна и опосредована»⁶⁶.

⁶⁶ Эту позицию легко сравнить с позицией одного из классиков конструктивизма, американского социолога Бенедикта Андерсона. В классической работе «Воображаемые сообщества» он показывает, как идеологические конструкты, изначально представлявшие собой лишь тексты с определенными философскими представлениями и пристрастиями их авторов, позднее превращаются в социально-политические программы и воплощаются в конкретных политических решениях правящих элит. Будучи продуктом чьего-то субъективного воображения, в конечном счете они становятся

Итак, за тенденциозной эссенциалистской картиной мира, которую создает российский пропагандист (будь то Мединский, Ковальчук, Дугин и т. д.), стоят отнюдь не эссенциалистские взгляды. Постмодернистское представление об относительности истины и отсутствии объективности сочетается с конструктивистской установкой, что любые средства коллективной идентичности – это лишь тексты, которые отражают только субъективные взгляды их авторов. Тем не менее такие тексты способны переформатировать окружающую реальность, если найдется достаточно влиятельная социальная группа, которая объединится вокруг них и решит воплотить их ценности в жизнь. В отличие от социологов и антропологов одноименного направления, конструктивисты-идеологи не останавливаются на анализе идеологических конструктов, а стремятся воплотить их на практике, экспериментируют с ними как с потенциально рабочими политическими программами. Эссенциалистские установки они оставляют адресатам – объектам пропаганды, чтобы тем было проще сплотиться в монолитную группу, чьей коллективной идентичностью и станет пропагандируемая идеология.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: НИ ШАГУ НАЗАД ОТ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДОГМЫ

Тем не менее в какой-то момент эти идеологи и сами превращаются в объекты собственного идеологического воздействия. Адресат, постулируемый как носитель эссенциалистского сознания, – это точно такой же конструкт, как и все остальные идеологемы, которыми они оперируют; но это единственный конструкт, от которого государственным пропагандистам не удается абстрагироваться. Как мы кратко показывали выше на примере восприятия фигуры Сталина, реальные адресаты могут вкладывать в предлагаемые им идеологемы совсем иной смысл, не считываемый авторами пропагандистских нарративов. В результате возникает когнитивное искажение. Идеологу кажется, что вся общественная поддержка созданного им конструкта (а стало быть, и его самого как члена одной из правящих группировок политической элиты) базируется на том, что адресат догматично верит в пропагандируемую концепцию. И если отступить от догмы, то может последовать социальный взрыв любой степени интенсивности и непредсказуемости. Поэтому единственное, что в результате остается

столь же реальными, как и факты материального мира. Андерсон Б. (2001), Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма, М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле.

идеологу, – это пропагандировать свою концепцию и дальше, по возможности не отходя от нее и не ослабляя (а лучше – наращивая) интенсивность ее воздействия на адресата.

Такое наращивание идеологической напряженности со стороны напоминает экономический пузырь. Идеолог предлагает обществу все более тенденциозный и агрессивный товар и одновременно наращивает интенсивность сделок, стремясь заработать еще больше символического капитала. В данном случае этим капиталом является прежде всего принадлежность к элите и собственная укорененность внутри правящей элитной группировки, хотя зачастую она связана и с реальной финансовой заинтересованностью. Правящая элитная группировка представляет себе, что сможет контролировать пузырь достаточно долго, а если возникнет опасность того, что он начинает лопаться, – она успеет подавить этот процесс силовыми методами.

В результате конфликт с якобы агрессивно настроенным внешним миром («осажденная крепость») и с внутренними врагами, представленный в нынешней российской государственной идеологии, не может быть исчерпан изнутри. Такая функция в нем заблокирована до тех пор, пока на внутрироссийском идеологическом рынке продолжает расти пузырь. Попытки диалога с участием третьих сил, внешнего арбитра, тоже затруднительны. В любой момент очередной виток интенсивности способен превратить арбитра в нового врага, если вдруг поставщикам идеологии покажется, что воздействие прежних идеологов (включая галерею официально санкционированных «врагов») на адресата начинает ослабевать. Единственная возможность мирного урегулирования конфликтов, возникающих под влиянием пузыря, – это выход за его пределы, до того как он лопнет, и серьезная перестройка всего политического и идеологического ландшафта в России.

Р. С. ПУТИН?

Как наверняка уже заметил читатель этой работы, мы старались по минимуму использовать в тексте фамилию «Путин». Это не случайное стечение обстоятельств, а сознательный жест. На наш взгляд, индивидуальной роли президента Путина в российской политике придается чрезмерно большое значение. Безусловно, в его руках сосредоточены важнейшие рычаги реальной власти. Т. е. именно он – тот, кто принимает окончательные политические решения, лоббирует принятие законов, выгодных текущим элитам, и определяет политический

и экономический курс страны. Другими словами, он главный исполнитель решений политических элит.

Но мы не думаем, что вся российская политика сводится исключительно к его личной воле. Наоборот, если бы сегодня вместо него президентом стал кто-либо еще из группы наиболее приближенной к государственной власти элиты, политика России вряд ли бы как-то ощутимо изменилась. В отличие от агентов идеологической политики – Мединского, Ковальчука, Дугина, Rogozina, Шойгу, Володина и др., – он не столько субъект, сколько объект идеологии, возможно, сам во многом верящий в ту картину мира, какую она предлагает.

РЕКОМЕНДАЦИИ

Какие выводы позволяющие сформулировать ряд рекомендаций, могут быть сделаны из сложившейся ситуации? Идеология милитаризированного изоляционизма – конструкт достаточно герметичный и выходы за пределы самой себя не предполагает. Она во многом ответственна за те международные конфликты, в которые вступила Россия с 2014 года, и за тот уровень внутренней социальной напряженности, который неуклонно растет с 2012-го; и значительная часть элит продолжает в нее верить.

Она же ответственна и за то, что многие общественные некоммерческие организации, либо транслирующие повестку, альтернативную официальной идеологии, либо даже совсем не касающиеся политики (но и, соответственно, не поддерживающие публично официальную картину мира), в последние годы были объявлены «иностранными агентами». Этот двусмысленный статус по факту значит, что получившей его некоммерческой организации становится крайне проблематично существовать: ее могут закрыть по любому формальному поводу по итогам дополнительных внеплановых проверок, а сотрудники, работающие в ней, в глазах официальных идеологов и праворадикальных активистов превращаются в «национал-предателей».

Кроме того, 11 международных политических организаций – таких как фонд и институт «Открытое общество» и движение «Открытая Россия», – были включены в перечень «нежелательных организаций»⁶⁷, что означает полный запрет их деятельности на территории России.

Однако, как мы пытались показать, это не единственная возможная идеология, на которую ориентируются политические элиты. Технократический подход, с одной стороны, оставляет некоторую надежду на то, что установки на агрессивную изоляцию и поиск врагов сменятся поисками диалога и партнерства. С другой стороны, сам он настолько ориентирован на решение текущих прикладных задач и, по сути, деидеологизирован, что с ним может сомкнуться любая идеология – в том числе и изоляционистская, милитаристская, национал-патриотическая. А диалог и партнерство при технократическом подходе непостоянны, поскольку зависят от слишком многих частных факторов.

Тем не менее, как нам кажется, мы смогли констатировать разлом между государственной идеологией (пусть даже она

⁶⁷ Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации, minjust.ru/ru/activity/nko/unwanted

окупировала большую часть публичной сферы, включая наиболее массовые российские медиа) и настроениями основной части населения России, когда даже за использованием одних и тех же символов теми и другими – например, имени Сталина – стоят совершенно разные смыслы.

Сама публичная сфера сегодня в России гораздо более дифференцирована и открыта, чем во времена Советского Союза. Так, интернет продолжает предлагать точки зрения, альтернативные официальной, даже несмотря на досудебные блокировки сайтов и политически мотивированные судебные дела об экстремизме (за репосты материалов с запрещенных на территории РФ информационных ресурсов). Социальные сети, блоги, YouTube-каналы – серьезные и достаточно влиятельные площадки для формирования альтернативных идеологических проектов⁶⁸, у которых есть потенциал для развития в полноценные политические программы⁶⁹.

Альтернативные точки зрения транслируются университетской средой – включая такие крупные учебные заведения, как НИУ ВШЭ, ЕУСПБ⁷⁰, МГУ, РАНХиГС, РЭШ и др., – и неофициально поддерживаются в бизнес-сообществе. Продолжают существовать крупные независимые информационные издания – «Ведомости», «Коммерсант», Meduza, Republic, телеканал «Дождь» и др.

Научные и культурные элиты в значительной степени ориентированы на открытость, готовность к социальным и политическим реформам и на диалог с внешним миром. В больших городах формируется большая прослойка интеллектуального класса⁷¹, также открытого к диалогу, не считающего внешний

⁶⁸ Самый яркий из них – безусловно, антикоррупционный проект Алексея Навального и созданного им Фонда борьбы с коррупцией (сайт – fbk.info). Начавшийся как цикл ярких частных расследований о взяточничестве и иных видах уголовных преступлений отдельных чиновников, на данный момент он превратился в политическую платформу с критикой правящей элиты. Наиболее резонансный на данный момент пример – расследование о коррупции председателя правительства РФ Дмитрия Медведева, опубликованное 02 марта 2017 года в виде документального фильма «Он вам не Димон» на личном YouTube-канале Навального (www.youtube.com/watch?v=qrwk7_GF9g), а также в текстовом виде – специальным подразделом на его личном сайте (dimon.navalny.com). Статистика фильма на 13 октября 2017 года: 24 966 923 просмотра, 713 тысяч пользователей сайта проголосовали в поддержку фильма, 64 тысячи – против.

⁶⁹ Помимо Навального, можно также привести в пример такие политические инициативы, собирающие аудиторию прежде всего через интернет, как деятельность оппозиционных партий «Яблоко», «Партия народной свободы» (ПАРНАС) и «Левый фронт», а также «Открытую Россию» Михаила Ходорковского, деятельность которой, впрочем, стала сильно осложнена после включения ее в перечень «нежелательных организаций».

⁷⁰ Впрочем, сейчас Европейский университет проходит процедуру лишения лицензии по крайне сомнительным основаниям; хронику этого процесса см. в специальном разделе на официальном сайте университета: eu.spb.ru/news/18050-litsenziya-khronika.

⁷¹ Аналогичного тому, что Ричард Флорида описывает как «креативный класс»: Флорида Р. (2011), Креативный класс: Люди, которые меняют будущее, М.: Классика-XXI.

мир угрозой себе.

Все это создает иную социальную среду, в которой в ближайшее время политические протесты вряд ли возможны (память о неудачах протестного движения и о «Болотном деле» достаточно сильна, а рефлексия по поводу этих неудач до сих пор еще весьма слаба), однако более глубокие социальные изменения уже происходят. Все это создает почву для формирования новых идеологий, новых политических элит и, следовательно, новых политических курсов, с большей склонностью к диалогу и взаимовыгодному разрешению политических конфликтов.

Взгляд из перспективы герметичного конструкта идеологии милитаризованного изоляционизма заставляет думать, что любые альтернативные пространства уже прекратили или в ближайшем будущем обязательно прекратят свое существование. Но все вышесказанное позволяет утверждать, что подобное заключение становится существенным упрощением. В постсоветской России сформировались свои альтернативные пространства (информационные издания, университеты, неправительственные организации), обладающие определенной степенью устойчивости и влияния. Для их появления и становления понадобились почти три десятка лет и серьезные усилия международных фондов. В настоящей ситуации их необходимо как минимум поддерживать и сохранять.

Эту поддержку следует ждать со стороны как крупного российского бизнеса, так и различных международных организаций и фондов, европейских университетов, неправительственных организаций.

1. В случае с организациями – «иностранными агентами» сохраняется возможность прямого финансирования разного рода проектов со стороны университетов, фондов и государственных институтов ЕС. Если политики и научное сообщество в ЕС считают важным сохранение альтернативных пространств в России, то поддержку «иностранных агентов», пытающихся выжить в России, необходимо продолжать в первую очередь.
2. Прямая финансовая поддержка разного рода независимых информационных изданий или университетских центров может быть заменена более интенсивным развитием образовательных программ и разного рода форматов, специально нацеленных на Россию, в рамках которых возможен постоянный международный диалог (конференции и форумы, публичные лекции и дискуссии). Необходим постоянный

обмен идеями и мнениями: российские журналисты, публичные интеллектуалы, ученые могут чаще приглашаться с лекциями и выступлениями в страны ЕС. И наоборот, необходимо поддерживать более частые визиты ученых и журналистов из ЕС в российские университеты и их участие в работе альтернативных информационных изданий.

3. В Европейском союзе ныне проживают интеллектуалы, покинувшие Россию, но готовые работать в информационных и аналитических изданиях, ориентированных на их родину. Было бы важно поддержать создание новых медиаплатформ и исследовательских центров, к работе в которых могут привлекаться не только мигранты, но и исследователи и журналисты, продолжающие работать в России.
4. Одним из больших проектов могла бы стать попытка создания русскоязычного телевизионного канала, который мог бы стать альтернативой не только Russia today, но и всему официальному российскому телевидению.

В нынешней ситуации следует сохранять и развивать каналы обмена, связи и программы, которые не позволят российскому режиму закрыть страну от внешнего мира новым идеологическим «железным занавесом».

**ГЕОРГИЙ КАСЬЯНОВ
СВЕТЛАНА ОСИПЧУК**

**Историческая
политика в Украине
в контексте конфликта
с Россией, 1990–2017**

Часть 1. Исторический контекст и конфликтные темы

Данный анализ посвящен исторической политике в Украине в 1990–2000-е годы и ее влиянию на внутривнутриполитическое развитие страны и международные отношения. Центральная тема – взаимоотношения Украины и России в контексте исторической политики и конфликта. В рамках предлагаемого анализа мы попытались привести наиболее показательные примеры конфликтов по поводу прошлого и инструментализации истории для достижения политических и геополитических целей.

В тексте анализируются политические предпосылки конфликта между Украиной и Россией по поводу прошлого, рассматриваются практики использования исторических аргументов в обеспечении войны и аннексии. Приведены данные о развитии исторической политики в Украине после «революции достоинства»⁷² зимы 2013–2014 годов. Предлагаются практические рекомендации для выработки политики в сфере истории и памяти, направленные на консолидацию академического сообщества в европейском регионе с целью предупреждения и нейтрализации негативных последствий исторической политики.

БАЗОВЫЕ ПОНЯТИЯ

«Историческая память» – это целенаправленно сконструированный, относительно устойчивый набор взаимосвязанных коллективных представлений о прошлом того или иного сообщества или группы, кодифицированный и стандартизированный в публичных, культурных, политических дискурсах, стереотипах, мифах, символах, мнемонических и коммеморативных практиках.

Историческая политика осуществляется в интересах политических, культурных, этнических и других социальных групп в ситуации борьбы за власть, за ее удержание или перераспределение. Историческая политика является средством обеспечения политической, культурной или иных форм лояльности крупных социальных групп, а также удержания идеологического и политического контроля над ними.

⁷² Революция достоинства – официально принятое в Украине название общественных протестов против президента Виктора Януковича и его «режима». Началась 23 ноября 2013 года с протестов молодежи на майдане Независимости (центральной площади Киева) против решения Януковича отложить подписание договора об ассоциации с Европейским союзом. После силового разгона мирной акции силами специальной полиции протесты перешли в насильственную фазу и распространились на города Западной, Центральной и частично Юго-Восточной Украины. Датой окончания революции считается 22 февраля 2014 года.

Национальный/националистический нарратив исторической памяти основан на идее уникальности, самобытности и независимости сообщества, именуемого нацией. Эксклюзивная модель такого нарратива предполагает отождествление нации с гомогенным этническим/культурным/языковым сообществом, этносом. Отличительной чертой этого нарратива является тяга к архаичным культурным формам и репрезентациям исторического опыта. В украинском случае националистический нарратив в некоторых случаях приобретает радикальные формы, культивируется организациями, называющими себя националистическими.

Советско-ностальгический нарратив не имеет четко выраженной центральной идеи, поскольку в нем утерян базовый принцип советской модели истории – классовый подход. В нем можно найти сюжеты, связанные с «ведущей» ролью русской культуры и русского языка. Этот нарратив настаивает на наднациональном единстве исторического опыта как общего для «народов СССР». Вследствие политической инструментализации он переориентирован на отрицание националистических идеологий, и прежде всего их радикальных проявлений.

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

После распада СССР украинско-российские межгосударственные отношения характеризовались «постоянством нестабильности», частыми конфликтами между политическими и культурными элитами двух стран. Можно четко определить следующие конфликтные зоны:

- 1) *территориальные споры (Крым, статус Севастополя и Черноморского флота, вопросы эксплуатации Керченского пролива, остров Тузла);*
- 2) *торгово-экономические проблемы («газовые» и «торговые войны», таможенные и тарифные споры);*
- 3) *политические проблемы (функционирование Содружества Независимых Государств (СНГ), противоречия по поводу геополитических проектов (Единое экономическое пространство, Евразийский союз и т. п.);*
- 4) *гуманитарная сфера (проблемы функционирования русского языка в Украине, вопросы толкования общего прошлого).*

Анализируя причины, ход и следствия украинско-российского противостояния по поводу прошлого, следует принимать во внимания целый ряд особенностей восприятия соседа политическими и культурными элитами двух стран.

Начнем с России. Во-первых, нужно помнить о том, что Украина не воспринимается российскими элитами и правящим классом как исторический Другой (в отличие, например, от стран Балтии). Языковая, культурная и религиозная приближенность, долгая совместная история, бесчисленные родственные связи – все это заставляет воспринимать Украину и украинцев как часть русского мира, обладающую некими региональными особенностями. Стремление украинцев к «отделению» от этого мира, к культурной самобытности, утверждению себя в качестве Другого, в особенности если оно сопровождается уходом в иное политическое и культурное пространство («Запад»), порождает «когнитивный диссонанс», раздражение и неприятие. Факт государственного самоопределения Украины воспринимается как злая шутка истории и недоразумение. В наиболее радикальном варианте продвигается тезис о неестественности, искусственности украинской государственности.

Кроме того, в историческом сознании российских элит доминирует идея государственности как системообразующего фактора. Претензии украинских элит на самостоятельность украинской истории воспринимаются как абсурдные и провокационные. Именно из-за отсутствия восприятия украинцев и Украины как Другого, способного на самостоятельное государственное существование. Ведь Украина веками была частью «государства Российского».

В этом смысле отсутствие континуитета в истории украинской государственности воспринимается как свидетельство некой неполноценности Украины без присутствия России как системообразующего фактора и наоборот. Украина и Россия – части единого исторического тела, отделение одной из частей уродует, калечит все тело.

Кроме того, претензии украинцев на культурную и государственную самостоятельность традиционно рассматриваются как следствие интриг внешних сил начиная с девятнадцатого века. Можно увидеть последовательную смену мифов о «польской», «австрийской», «немецкой» интриге в процессе национального самоопределения украинцев. Сейчас их место заняла «американская», «евросоюзная» интрига, или вообще: интрига «Запада»⁷³.

Наконец, стоит обратить внимание на глубокие противоречия в отношении к оценке «общего прошлого». Для российских политических и культурных элит имперское и советское прошлое

⁷³ Наиболее представительный набор таких штампов собран в публицистическо-пропагандистском фильме канала «Россия-1» под красноречивым названием «Проект „Украина“», снятом в 2014 году. См: russia.tv/brand/show/brand_id/58921/

является важным элементом их исторической легитимации⁷⁴. Для украинских – центральным аргументом в историческом обосновании существования государства и нации было отрицание имперского и советского прошлого как чуждого, привнесенного и навязанного извне.

Стоит заметить, что украинские политические и культурные элиты не столь единодушны в отношении к амбициям российских коллег и к России как таковой. Можно выделить два полюса: от откровенно антироссийского (правые и правоцентристские партии) до откровенно пророссийского, вплоть до ассимиляционистского (Коммунистическая партия Украины, которая в настоящей момент запрещена, Партия регионов). Между ними располагаются политические силы, выступавшие за «славянское единство» (включающее Беларусь). А также те, кто проповедовал принадлежность Украины к евразийской цивилизации (где ведущая роль отводилась России). Вследствие аннексии Крыма и войны на востоке страны в настоящее время все пророссийские силы политически маргинализированы и разрознены (что не исключает возможности их консолидации и мобилизации в ближайшее время).

Следует учесть и то обстоятельство, что содержание исторической политики в обеих странах существенно отличалось. В Украине в 1990-е годы утвердился стандартный национальный этноцентрический нарратив, отделяющий историю страны от ранее общего нарратива, превращающий украинцев в самостоятельный субъект истории. В России такого рода этноцентрические нарративы возникали в различных субъектах Федерации. На уровне же федерального центра отстаивался «государственнический» объединительный нарратив, предполагающий общность прошлого в рамках единого государства. Для российских элит федерального центра поддержание единого, интегрирующего исторического нарратива было главной задачей внутри страны. Украинская официальная версия истории, сложившаяся в 1990-е, отрицала имперское и советское прошлое как период угнетения, ассимиляции и подавления национальных устремлений украинцев. Российская официальная версия, окончательно сложившаяся в 2000-е, представляла имперское и советское прошлое как времена величия, выдающихся побед и мировых достижений.

В настоящее время в общественном сознании и в репрезентациях прошлого в Украине доминируют образы России

⁷⁴ Разумеется, следует различать период конца 1980 – 1990-х, когда советское прошлое в России также было предметом осуждения и отрицания, и 2000-е, когда оно стало объектом «нормализации».

как извечного поработителя и угнетателя и россиян – как носителей имперского синдрома. Социологические опросы⁷⁵ 2014–2017 годов демонстрируют неуклонное уменьшение количества респондентов, позитивно относящихся к россиянам, с 44,9% до 28,8%. Доля тех, кто относится негативно, возросла с 16,6% до 20,7%⁷⁶.

Подобная ситуация программирует перманентный конфликт по поводу оценки, интерпретации и репрезентации прошлого, переходящий в войну памяти из-за спорных вопросов.

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ

Список спорных вопросов составлялся постепенно. Первоначально в основном на научных форумах. Впервые он был озвучен в 2003 году, когда по инициативе российской стороны было предложено создать совместную межправительственную комиссию по школьным учебникам истории. Официальный Киев отреагировал на это предложение положительно, национал-демократическая интеллигенция и националисты⁷⁷ восприняли это как посягательство на суверенитет.

Памятник легендарным основателям Киева, установленный в начале 2000-х. Майдан Незалежности (Независимости), ноябрь 2016 г. Автор: Сергей Румянцев.

⁷⁵ Данные опросы, на которые ссылаются авторы здесь и далее, охватывали только жителей территорий, контролируемых украинской властью.

⁷⁶ Негативне ставлення до Росії досягло свого апогею в Україні – опитування, uapress.info/uk/news/show/163886

⁷⁷ В данном случае речь идет о политических партиях и движениях, называющих себя националистическими

Список спорных вопросов можно представить следующим образом:

1. Вопрос о принадлежности Киевской Руси⁷⁸. В основном эта проблема обсуждалась историками-медиевистами, однако периодически она выходила на поверхность политической жизни и становилась предметом публичных дебатов. В Украине Киевская Русь на уровне официальной исторической политики однозначно трактуется как начало украинской государственности. В России в начале 2000-х и в конце президентства Дмитрия Медведева предпринимались попытки найти новый центр древней государственности – то ли в Старой Ладогге, то ли в Новгороде⁷⁹. Тем не менее история Киевской Руси в школьных учебниках стандартно подается как часть российской истории.
2. Интерпретация конфликтов прошлого.
 - a. *1659 год – битва под Конотопом казацкого войска в союзе с крымскими татарами против московского войска, завершившаяся разгромом москвитов, представляется в современной Украине как победа украинского оружия над Россией. Официальное празднование годовщины этого события в Украине в 2009 году было воспринято в России как недружественный шаг.*
 - b. *1708 год – Батури́нская резня – уничтожение в ходе Северной войны⁸⁰ войсками под предводительством Александра Меншикова столицы украинских казацких гетманов – города Батурина, сопровождавшееся гибелью значительной части его мирного населения. На официальном уровне (во время коммеморации годовщины события в 2008 году) во времена президента Виктора Ющенко это событие было представлено как «геноцид украинцев». По этому поводу также было официально задекларировано недоброжелательство России.*
 - c. *1709 год – Полтавская битва. В Украине это событие,*

⁷⁸ Киевская Русь – общепринятое название конгломерата княжеств, находившихся в подчинении киевского князя в раннефеодальное время (early medieval times), существовавшего в 11 – начале 12 веков. Вопрос о наследии «Киевской Руси» существует с 16 века. В 19 веке Киевская Русь была «присвоена» российской историографией как начало российской государственности. С конца 19 века право на историческое наследие Киевской Руси оспаривается украинской историографией.

⁷⁹ См. подробнее материал А. Толочко в книге: Касьянов Г., Смолий В., Толочко О. (2013), Україна в російському історичному дискурсі: проблеми дослідження та інтерпретації. Київ: Інститут історії України, 109–124.

⁸⁰ Северная война (1700–1721) – династический конфликт, переросший в масштабную войну между Шведским королевством и союзом государств Северной и Восточной Европы. В войне деятельное участие принимала Россия. Военные действия проходили и на территории современной Украины, включая крупное сражение шведов с российскими войсками под Полтавой (1709).

в котором на стороне шведского короля Карла XII принимали участие сторонники гетмана Ивана Мазепы, представляется как трагический эпизод, потеря перспективы независимости от России. В России Полтавская битва традиционно – один из наиболее ярких эпизодов, подтверждающих мощь и величие страны, героизм российской армии и лично Петра Великого.

- d. Январь 1918 года – бой под Крутами. Возле станции Круты ополчение, состоявшее преимущественно из юнкеров, студентов и гимназистов, было разгромлено большевистскими отрядами, наступавшими на Киев. Первоначально этот эпизод представлялся как трагедия и свидетельство неспособности украинской Центральной Рады к организации военного сопротивления. В 1920 – 30-е годы в среде националистов был сформирован миф об «украинских 300 спартанцах», погибших в неравном бою за независимость Украины. Возложение цветов на могилу «героев Крут» в годовщину события является обязательным государственным ритуалом со времен Ющенко. Во время «революции достоинства» участники протестов и стокноветий с правительственными силами писали на баррикадах: «Здесь наши Круты». В настоящее время миф о «героях Крут» актуализирован войной на востоке страны как прецедент героической борьбы против российской агрессии.*
- e. 1918–1920-е годы – военные действия Советской России против Украинской Народной Республики (1918–1920). В современных официальных репрезентациях в Украине речь идет о взаимосвязи событий этого периода и нынешней агрессии России против Украины.*
3. Голод 1932–1933 годов (Голодомор) в Украинской ССР и общая оценка советского периода. Попытки политического руководства Украины начиная с 2003 года добиться признания Голодомора актом геноцида против украинского народа на уровне международных организаций (ООН, ЮНЕСКО, Парламентская ассамблея Совета Европы) последовательно блокировались российской дипломатией. Вопрос о трактовке Голодомора как геноцида украинцев был центральной темой войн памяти 2007–2009 годов. Оценка советского периода в двух странах радикально расходится.
- В России после радикальной критики сталинизма в 1990-е акценты сменились. Советский период признан трагическим, но важным периодом в развитии страны.

- Владимир Путин неоднократно называл распад Советского Союза крупнейшей геополитической катастрофой XX столетия. В Украине советский период в официальном историческом дискурсе представлен преимущественно как период утрат, трагедий и страданий украинцев. Эта тенденция стала частью официальной политики после начала официальной «декоммунизации» (с апреля 2015 года)
4. Вторая мировая война и украинское националистическое движение в 1939–1954 годах: Организация украинских националистов (ОУН) и Украинская повстанческая армия (УПА)⁸¹. Российская официальная позиция гласит, что Великая Отечественная война – это величайшее событие двадцатого столетия. Миф о «Великой Победе» – системообразующий в исторической политике российского правящего класса. В Украине он до сих пор сохраняет привлекательность для значительной части населения, особенно в восточных и юго-восточных регионах. На официальном уровне с 2015 года говорят только о «победе над нацизмом во Второй мировой войне». При этом указывая на то, что Украина оказалась в эпицентре схватки двух тоталитарных режимов: гитлеровского и сталинского. В России Организация украинских националистов и Украинская повстанческая армия представлены как коллаборационисты, пособники оккупационного режима, ответственные за преступления против человечности (что является продолжением традиций советской пропаганды). В Украине миф ОУН и УПА представляет их как безукоризненных борцов за свободу и независимость Украины, сражавшихся против тех же тоталитарных режимов. Первоначально этот миф культивировался в Западной Украине, но с середины 2000-х стал продвигаться в Центральную и даже Восточную Украину, порождая серьезные культурные и политические конфликты. Начиная с 2014 года продвижение героического мифа ОУН и УПА на общенациональном уровне стало частью государственной исторической политики.

⁸¹ ОУН – Организация украинских националистов, создана в 1929 году как объединение праворадикальных украинских организаций Западной Украины и эмиграции. Организация придерживалась идеи перманентной национальной революции, понимаемой как подпольная и вооруженная борьба за освобождение украинской нации и создание независимого государства. В своей деятельности ОУН использовала методы политического террора. УПА – Украинская повстанческая армия, партизанская армия, созданная по руководством ОУН в октябре 1942 года в Западной Украине. УПА провозглашала своей целью создание независимого украинского государства. В годы Второй мировой войны УПА воевала против польского подполья и Армии Крайовой, периодически выступала против немцев. С приходом в Западную Украину советской власти принимала участие в боевых действиях и против нее. Активно действовала до 1949 года.

5. Персоналии. Самые яркие примеры: Иван Мазепа, Степан Бандера, Роман Шухевич. В российской исторической мифологии гетман Мазепа – предатель, перешедший на сторону врага – шведского короля Карла XII. Еще в имперский период Мазепа был предан анафеме. Традиция считать его антигероем сохранилась в советское время и была унаследована современными российскими элитами. Напротив, в современной Украине Мазепа – одна из главных фигур национального пантеона. Его портрет размещен на банкноте номиналом в 10 гривен. Его именем называют улицы.

Степан Бандера, лидер радикальной фракции ОУН (революционной), и Роман Шухевич, член ОУН и главнокомандующий УПА в 1943–1950 годах, – usual suspects в российской исторической политике. Эти имена символизируют все худшее, связанное с деятельностью ОУН и УПА. В Украине эти деятели были культовыми фигурами в западных областях. В 2007–2010-х предпринимались не очень удачные попытки превратить их в деятелей общенационального масштаба. После 2014 года миф о Бандере и Шухевиче, символизирующих собой борьбу украинцев за независимость, получил масштабную поддержку со стороны центральных органов государственной власти Украины. Заметим, что продвижение мифа ОУН и УПА и Бандеры – Шухевича на общенациональном уровне провоцирует конфликты не только с Россией (в данном случае конфликт лишь способствует усилению влияния этого мифа), но также с Польшей и с Израилем – странами, в которых эти организации и люди считаются причастными к геноциду и преступлениям против человечности. «Сожаление» по поводу чествования деятелей ОУН высказывали и общеевропейские структуры⁸².

Часть 2. Примеры

В данном разделе мы приведем примеры генеалогии и развития конфликтов между Россией и Украиной по поводу толкования и репрезентации прошлого, а также проанализируем попытки сотрудничества в сфере «общей истории».

⁸² В резолюции по Украине от 25 февраля 2010 года Европейский парламент высказал «глубокое сожаление» по поводу решения В. Ющенко о присвоении С. Бандере звания Героя Украины. European Parliament resolution of 25 February 2010 on the situation in Ukraine, <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P7-TA-2010-0035+0+DOC+XML+V0//EN>

ГОЛОДОМОР

Главным раздражителем для России была коммеморативная стратегия украинских политических и культурных элит, применявшаяся не только в стране, но и на международной арене, и направленная на репрезентацию голода 1932–1933 годов в Украинской ССР как акта геноцида украинцев, совершенного сталинским режимом. Такое видение сформировалось в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Этот подход содержал скрытые, а иногда и явные обвинения в адрес России, поскольку вписывался в общую тенденцию показа украинско-российских отношений как практик доминирования, колониальной эксплуатации и ассимиляции украинцев Россией. Кроме того, признание Голодомора главной украинской трагедией XX столетия находилось в центре идеи отрицания всего советского опыта. В России правильным толкованием считалось признание голода в СССР общесоюзным явлением. Выделение сюжета Голодомора в «геноцид украинцев» с обвинениями в адрес Москвы рассматривалось как политическая, антироссийская манипуляция.

Российское руководство с его ностальгией по СССР (которую разделяет и значительная часть населения) восприняло усилия украинских властей по интернационализации Голодомора (с упором на геноцидную версию) как попытку, во-первых, получить особый международный статус (нация, наиболее пострадавшая во времена СССР) и как попытку выступить против «общего исторического наследия». Во-вторых, как шаг по дальнейшему отделению от России, попытку выхода из-под ее политических и культурных влияний. В-третьих, как антироссийскую акцию, направленную на дискредитацию России – наследницы СССР. Последнее обстоятельство было особенно болезненным, учитывая, что как раз в 2000-е наблюдались интенсивные действия российского высшего руководства, направленные на восстановление имиджа России как одной из стран – мировых лидеров и создание положительного образа в глазах «Запада».

Особое недовольство российских чиновников и политических деятелей всех уровней, разделяемое подавляющим большинством публичных интеллектуалов и ученых, вызывали заявления украинских политиков (преимущественно «национал-демократического» и правого толка) об особой исторической вине России перед Украиной с требованиями извинений. А в некоторых случаях и с требованиями материальной компенсации за утраты, причиненные Советским Союзом

зом⁸³. Весьма болезненно воспринимается наличие этнически негативных стереотипов и антироссийских мотивов не только в высказываниях политиков, но и в исследованиях, претендующих на научный статус, в учебных пособиях, в разного рода визуальных репрезентациях Голодомора⁸⁴.

⁸³ Приведем наиболее выразительные примеры такой риторики. Выступая на парламентских слушаниях, посвященных памяти жертв голода 1932–1933 годов, известный украинский поэт из поколения шестидесятников, член фракции «Наша Украина» Иван Драч сказал следующее:

«И если говорить вплотную обо всем этом, об этом страшном событии прошлого века, переломившем хребет украинской нации, так что она до сих пор не может встать на ноги, то прежде всего нужно говорить об одном государстве – России. Она все время посылая сюда волны, от петровского Меншикова до того же Муравьева, который расстреливал наших студентов под Крутами и расстреливал дом Грушевского. Если мы этого всего не поймем и будем скрывать, и заворачивать все это в бумажки, то мы ничего не поймем. И мы должны знать, что этот 349-й год России в Украине, а не первый, – это годовщина голодомора 1932–1933 годов. (Аплодисменты.) И элементарно понятно, что государство, перед началом проведения года своей культуры, должно принести какое-то извинение, покаяние за все то, что произошло на протяжении веков, ведь именно такие были отношения между украинским и русским народами. И вот этого покаяния мы не услышали. К сожалению, мы не услышали его и десять лет назад от Ельцина, хотя там были предприняты попытки сделать это. Этого всего не произошло. Не сделал этого, конечно, и Путин, который настроен более воинственно и шовинистически, чем его предшественник. И это мы должны понимать. Если мы этого всего не понимаем, то о каких нормальных отношениях между Россией и Украиной можно говорить, уважаемые мои друзья? (Аплодисменты.) См.: Парламентські слухання щодо вшанування пам'яті жертв голодомору 1932–1933 років (Стенографічний звіт), lib.rada.gov.ua/static/LIBRARY/povni_text/parlament_sluhan/golodomor.html#ДРАЧ

Депутат Верховной Рады Украины Ярослав Кендзьор, участник диссидентского движения 1960 – 70-х годов, соавтор одного из законопроектов о криминализации отрицания Голодомора как геноцида, член президентской фракции в парламенте, в августе 2008 года высказывался так: «Имея такое решение, принятое на уровне ООН, Украина будет иметь все основания требовать от России как единственного правопреемника СССР соответствующей моральной и материальной компенсации. Так, как это сделал Израиль по отношению к Германии». См: НУНС: если ООН назовет Голодомор геноцидом, с России можно требовать денег, <https://www.segodnya.ua/ukraine/nunc-ecli-oon-nazovet-holodomor-henotsidom-c-roccii-mozhno-trebovat-deneh.html>

⁸⁴ Несколько примеров. В публицистике второй половины 1990-х – начале 2000-х можно найти, например, следующие публикации: А. Куліш. Книга пам'яті українців: Україна 1932–1933 рр. Короткий перелік злочинів московського імперіалізму в Русі-Україні. Харків, 1996. В одном из научно-популярных изданий (тираж 3000 экземпляров) указывается (без ссылок на обобщающие фактические данные), что среди пролетариев, «направленных в украинские села за хлебом», большинство составляли этнические русские – для «проведения насильственной коллективизации, раскулачивания, реквизиции продовольствия в Украине в период Голодомора применялись военные подразделения и другие силовые структуры, в состав которых входили преимущественно этнические русские». См: Панченко П., Вівчарик М., та ін. (2003), Смертю смерть подолали: Голодомор в Україні 1932–1933, Киев: Україна, с. 48.

В учебнике для 10 класса в разделе, посвященном коллективизации и голоду 1932–1933 годов, содержался такой пассаж: «Еще не рассеялся трупный запах в опустевших украинских домах, а из других республик СССР, особенно из России, уже направлялись эшелоны с переселенцами». См: Турченко Ф. Г. (2002), Новітня історія України (10 клас). Ч. 1., Киев, с. 282.

В комментариях к фотоземлеустройству, помещенной на стене Михайловского Златоверхого собора, возле которого стоит памятный знак жертвам Голодомора, содержатся прямые напоминания о том, что опустевшие в результате голода 1932–1933 годов украинские села заполнялись переселенцами из России. Попутно заметим, что в тогдашней политике переселения в села, пострадавшие от голода, не было этнической

Ющенко, инициатор кампании по превращению Голодомора в символ, равноценный Холокосту, неоднократно в выступлениях и публичных заявлениях подчеркивал, что ни он, ни Украина как государство не выдвигают претензий к России. 24 ноября 2006 года Ющенко в интервью российским средствам массовой информации прямо заявил, что Украина не обвиняет Россию в голоде 1932–1933 годов. «Речь не идет об адресном осуждении, – сказал он, – поскольку государства и режима, который стал причиной этой трагедии, на сегодня не существует. Украинский и российский народы являются жертвой этой трагедии»⁸⁵. 8 июля 2008 года во время визита в Австрию на пресс-конференции он вновь подчеркнул, что Украина не обвиняет Россию в трагедии 1932–1933 годов. Выступая на общих дебатах 63-й сессии Генеральной ассамблеи ООН 24 сентября 2008 года, он заявил, что стремление Украины почтить память жертв голода 1932–1933 годов «не направлено против какого-либо народа или государства».

Большую обеспокоенность у российских политиков вызывали попытки украинского руководства интернационализировать «геноцидную» версию Голодомора. В начале ноября 2006 года министр иностранных дел России Сергей Лавров сообщил украинской прессе, что в российско-украинских отношениях существуют две острые проблемы: статус русского языка и Голодомор⁸⁶. Через три недели украинский парламент голосами оппозиции и примкнувших к ним депутатов-социалистов принял закон, квалифицирующий Голодомор как геноцид украинского народа.

В 2007 году началась подготовка к масштабной кампании коммеморации Голодомора, проходившей под лозунгом: «Украина помнит, мир признает». Уже на первом заседании международного Координационного совета по подготовке кампании Ющенко заявил: «...нашей целью я вижу мировое признание Голодомора геноцидом. Прежде всего, речь идет о принятии соответствующих резолюций или решений ООН, Европейского парламента, Европейского союза, ОБСЕ». 28 марта 2007 года в указе «О мероприятиях в связи с 75-й

направленности и применялась она во всех регионах СССР. Наконец, документально-публицистический фильм «Голодомор. Україна ХХ ст. Технологія геноциду» (2005 год), который используется в учебном процессе в средних общеобразовательных школах, содержит немало высказываний, которые действительно можно охарактеризовать как русофобские.

⁸⁵ Ющенко: Страны, виновной в голодоморе, уже не существует, www.rbc.ru/politics/24/11/2006/5703bd079a7947afa08cb1ff

⁸⁶ Лавров: у Украины и России две проблемы – Голодомор и языки, podrobnosti.ua/365437-lavrov-u-ukrainy-i-rossii-dve-problemy-golodomor-i-jazyki.html

годовщиной Голодомора 1932–1933 годов в Украине» Ющенко потребовал «осуществить дополнительные мероприятия относительно признания международным сообществом, в частности Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций и Европейским Парламентом, Голодомора 1932–1933 годов в Украине геноцидом Украинского народа».⁸⁷

Мемориал жертвам Голодомора (2008–2009). Киев, июль 2017. Автор: Сергей Румянцев.

В 2007–2010 годах развернулась настоящая дипломатическая война между Украиной и Россией. 1 ноября 2007 года 34-я сессия Генеральной конференции ЮНЕСКО (193 страны-участницы), отвечая на инициативу украинской делегации, единогласно приняла резолюцию «Памяти жертв Голодомора в Украине». Но усилия украинской стороны, направленные на то, чтобы внести в резолюцию термин «геноцид», не имели успеха. Первый вариант резолюции этого термина не содержал⁸⁸, и говорилось исключительно о Великом Голоде в Украине. Более того, в резолюции упоминались другие регионы СССР, пострадавшие от голода. Изменения были внесены в резолюцию в результате усилий российской делегации. Россия документ не подписала.

30 ноября того же года на заседании Совета министров ОБСЕ

⁸⁷ См., например: Президент Украины обратился к мировому украинству по случаю 75-й годовщины Голодомора, <https://www.ostro.org/general/society/news/40954/>

⁸⁸ United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. October, 2007. Remembrance of victims of the Great Famine (Holodomor) in Ukraine, unesdoc.unesco.org/images/0015/001538/153838e.pdf

в Мадриде по инициативе Украины было обнародовано совместное заявление «О 75-й годовщине Голодомора 1932–1933 годов в Украине», также не содержащее термина «геноцид»⁸⁹. Российская делегация это заявление не подписала, а выступила со своим, в котором говорилось, что жертвами голода были миллионы советских граждан разных национальностей и было бы несправедливо заявлять об уничтожении только этнических украинцев⁹⁰.

Далее, в апреле 2008 года во время подготовки сессии Парламентской ассамблеи Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ПА ОБСЕ) украинская сторона предложила принять документ, квалифицировавший голод как геноцид⁹¹. И вновь против выступили представители Российской Федерации. В мае подготовительная комиссия приняла компромиссную редакцию заявления ПА ОБСЕ. В конце концов, в августе 2008 года была принята резолюция, в которой выражались сочувствие трагедии украинцев в 1932–1933 годах, а также поддержка усилиям Украины относительно популяризации знаний о голоде. ПА ОБСЕ призвала парламенты стран мира принять меры к признанию Голодомора. Одно из украинских русскоязычных интернет-изданий откликнулось на эту резолюцию так: «Проиграли Голодомор?».

В мае 2007 года постоянный представитель Украины при ООН Юрий Сергеев, выступая на неформальных тематических дебатах 61-й сессии Генеральной ассамблеи ООН, призвал откликнуться на 75-ю годовщину Великого Голода (Голодомора) принятием «соответствующего документа». Желаемый статус документа он не упомянул, но заметил, что Украина не выдвигает обвинений в адрес какой-либо конкретной страны, речь идет об обвинении тоталитарного режима⁹².

В октябре 2007 года представитель МИД Украины в ООН Петр Доценко сообщил, что Украина будет добиваться признания голода 1932–1933 годов геноцидом против украинского народа⁹³. 22 сентября 2008 года украинская делегация сняла вопрос с повестки дня, «учитывая, что этот вопрос рассматривается на других мировых форумах»⁹⁴, а по утверждению российской

⁸⁹ Statement by the delegation of Ukraine, www.osce.org/mc/33180?download=true

⁹⁰ Ibid.

⁹¹ Более чем за полгода до этого президент Украины Ющенко обратился к президенту ПА ОБСЕ Г. Леннмаркеру с просьбой посодействовать в признании этой организацией Голодомора актом геноцида.

⁹² Ukraine calls upon the United Nations, women.lucorg.com/news.php/news/2441/popup/true

⁹³ Президент України закликав членів ООН визнати Голодомор геноцидом, gazeta.ua/articles/politics/_ukrayina-prosit-oon-viznati-golodomor-genocidom/187482

⁹⁴ МЗС глибоко обурився, що Росія зневажливо посміялась з їх доброти, www.pravda.

стороны – из-за полного отсутствия поддержки со стороны других делегаций.

24 сентября 2008 года, выступая на общих дебатах 63-й сессии, украинский президент в конце речи, в целом посвященной обострению общеполитической ситуации в мире, вспомнил о голоде 1932–1933 годов, отметив, что «он имел характер геноцида» (озвучив цифру в 10 млн жертв), упомянул он и другие пострадавшие народы и призвал ООН почтить «каждую национальную трагедию».

Российский МИД обнародовал заявление, в котором говорилось, что проект резолюции «Память о Голодоморе 1932–1933 годов в Украине» был снят украинской делегацией из-за отсутствия поддержки со стороны других стран. «МИД России вновь подчеркивает, – говорилось в заявлении, – что попытки руководства Украины закрепить на международном уровне трактовку событий 1932–1933 годов на территории бывшего СССР как геноцида украинского народа носят политизированный характер и направлены на сеяние раздора между братскими народами России и Украины. Считаем кощунством политические спекуляции Киева на памяти миллионов жертв трагедии, которая постигла народы бывшего Советского Союза»⁹⁵.

МИД Украины представил свою версию происходящего: «Российская Федерация, – говорилось в заявлении министерства, – используя рычаги влияния постоянного члена Совета Безопасности ООН, путем откровенного давления и шантажа пытается лишить государство – члена ООН права поставить важный для нее вопрос на повестку дня ООН – наиболее представительной всемирной организации [...]. Неконструктивная позиция Российской Федерации противоречит подходам мирового сообщества в оценках природы Голодомора»⁹⁶.

Апофеозом украинско-российского противостояния в деле интернационализации Голодомора можно считать отказ российского президента Дмитрия Медведева посетить официальные мероприятия по случаю 75-й годовщины голода, проводившиеся в Киеве. Этому поступку был придан характер показательной политической акции.

Российский президент не просто отказался, но и обнародовал «послание» к президенту Ющенко. Текст этого документа можно считать своеобразным компендиумом всех стандартных

com.ua/news/2008/09/25/3568450/

⁹⁵ МИД России: Украина отозвала из ООН резолюцию по Голодомору, news.bigmir.net/world/51941

⁹⁶ МЗ звинувачує Росію у перешкоджанні розгляду Голодомору в ООН, www.pravda.com.ua/news/2008/10/24/83412.htm

заявлений российского МИДа относительно общесоюзного характера трагедии. В нем представлена и соответствующая риторика с употреблением выражений вроде «циничные и аморальные» и указаниями на то, что позиция высшего украинского руководства сеет раздор между «братскими народами». Коммеморация Голодомора была упомянута в контексте усилий Украины по вступлению в «подготовительный класс НАТО»⁹⁷.

Конфликт по поводу Голодомора прекратился, когда в 2010 году Виктор Янукович, сменивший Ющенко на посту президента Украины, публично отказался от идеи признания голода актом геноцида украинцев. 27 апреля 2010 года, выступая на сессии Парламентской ассамблеи Совета Европы в Страсбурге, Янукович заявил, что «признавать Голодомор как факт геноцида против того или иного народа будет неправильно, несправедливо»⁹⁸. Заявление было сделано за день до рассмотрения сессией доклада про голод 1932–1933 годов и принятия резолюции, по поводу которой украинские участники сессии еще вели дискуссии с российскими оппонентами, добиваясь употребления термина «геноцид». В мае этого же года Медведев посетил Киев с официальным визитом и вместе с Януковичем возложил цветы к мемориалу жертв Голодомора.

ОУН, УПА И «УКРАИНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ»

Тема украинского национализма, организаций и личностей, представляющих это движение, – наиболее острая и конфликтная в украинско-российских отношениях. В Украине уже в начале 1990-х годов тема ОУН и УПА вошла в школьные учебники как позитивный пример национально-освободительной борьбы. В 1990-е – начале 2000-х годов героически-жертвенный миф ОУН и УПА доминировал в основном в мемориальном пространстве Западной Украины. Во всех областных центрах этого региона появились топонимы и мемориалы, связанные с националистическим движением. Было создано двадцать пять музеев, посвященных движению и его деятелям⁹⁹.

Приход к власти Ющенко совпадает по времени с попытками вывести миф об ОУН и УПА на общенациональный уровень. По инициативе президента и при активной поддержке националистов и национал-демократов отмечаются годовщины деятелей ОУН и УПА. Звания героев Украины достаиваются

⁹⁷ Медведев написал послание Ющенко, forum.md/ru/837594

⁹⁸ Янукович сказав депутатам ПАСЕ, що Голодомор – не геноцид, eunews.unian.net/ukr/detail/193461

⁹⁹ Хархун В. (2016), Радянська спадщина як об'єкт політики пам'яті в Україні (музейний аспект), Агора, Вип. 17, с. 86.

Памятник Степану Бандере. Львов, октябрь 2016.
Автор: Сергей Румянцев.

Роман Шухевич и его сын Юрий Шухевич. Государственный орден получает Ярослава Стецько, в 1991–2001 2001 годах глава «бандеровской» фракции ОУН. Выпускаются марки и памятные монеты, посвященные деятелям ОУН. 1 января 2008 года в Киеве проходит первое факельное шествие в честь Степана Бандеры, организованное партией «Свобода». С тех пор подобный ритуал проводится ежегодно. Наблюдаются попытки уравнивать статус ветеранов ОУН и УПА со статусом ветеранов Второй мировой войны. Подготовлен проект закона об «участниках национально-освободительного движения».

Все эти попытки наталкиваются на сопротивление носителей и промоутеров советско-ностальгического нарратива памяти, прежде всего коммунистов и Партии регионов. У них появляется внешний союзник – Россия.

Российские политические и культурные элиты в 2000-е годы избрали миф о Великой Отечественной войне и «Великой Победе» центральным конституирующим местом памяти. Унаследованный от советского прошлого, он стал важной составляющей оценки всего исторического опыта этого периода. В его рамках ОУН, УПА и деятели украинского националистического движения были представлены исключительно как коллаборанты нацистов, предатели украинского народа, бандиты, стрелявшие в спину борцам с нацизмом, военные преступники.

Как и в случае с Голодомором, продвижение в Украине героически-жертвенного мифа об ОУН и УПА как о борцах с двумя тоталитаризмами (гитлеровским и сталинским) представлялось Москвой как попытка «вбить клин» между Россией и Украиной, русскими и украинцами. Как и в случае с Голодомором, российские государственные структуры (прежде всего МИД) заняли проактивную позицию.

14 декабря 2007 года МИД России выступил с заявлением об «антироссийских проявлениях в Украине». В качестве примеров указывались переименование улиц во Львове, антироссийские высказывания при открытии памятника жертвам Голодомора в Запорожье, акты вандализма в отношении памятников советским воинам в западных областях, бюста Пушкина во Львове, поджог Российского культурного центра в том же Львове¹⁰⁰.

¹⁰⁰ Переименование улицы Лермонтова в улицу Дудаева и улицы Пушкина – в генерала Чупринки состоялась в 1996 году. Поджог дверей Российского культурного центра произошёл в мае 2001-го. Ответственность взяла на себя некая организация, назвавшаяся «Галицкими волками», – ни до инцидента, ни после нигде больше не появлявшаяся. Сообщение о якобы имевших место антироссийских и антисемитских высказываниях представителя Конгресса украинских националистов на открытии памятника жертвам Голодомора в ноябре 2007 года оказалось дезинформацией. Указанный представитель

Практически в заявлении была составлена хроника «анти-российских проявлений» за десять лет, репрезентированная как усиление «откровенно националистических, антироссийских и русофобских настроений и проявлений на Украине. Речь идет фактически о попытках использования сложных периодов нашей общей истории для получения сиюминутных политических выгод в угоду сомнительным идеологическим установкам».

В заявлении упоминались «определенные политические силы на Украине, которые намеренно поощряют подобного рода действия и тем самым идут на обострение российско-украинских отношений». Высказывалась надежда на то, что «не только власть, но и интеллигенция Украины, ветераны и молодежь скажут свое веское слово. Время дать отпор подобным националистическим выходкам»¹⁰¹.

В июне 2008 года МИД России выступил с более пространном «комментарием». В этом случае был использован повод «защиты прав соотечественников». Заявление касалось обращения старосты русской общины Ивано-Франковской области, обратившегося к президенту. Но не к президенту Украины, а к президенту России – Дмитрию Медведеву, по поводу чествования ветеранов дивизии войск СС «Галичина». Торжества в местном музыкально-драматическом театре состоялись в конце мая.

Событие в Ивано-Франковске было названо в комментарии российского МИД «кошунственным актом» украинских радикальных националистических организаций, грубым оскорблением русских жителей Ивано-Франковска, «которые кровью заплатили за освобождение Украины от немецко-фашистских захватчиков». В заявлении высказывалось крайнее удивление позицией местных «официальных структур», фактически поддержавших чествование «бывших эсэсовцев, на совести которых сотни тысяч казненных украинцев, русских, евреев, белорусов, людей других национальностей».

Далее высказывался целый ряд претензий к официальной исторической политике в Украине: присвоение звания Героя Украины «капитану войск СС» Шухевичу, войны с памятниками «нашей общей истории, могилами советских воинов-освободителей», намерения уравнивать в правах «нацистских преступников и боевиков ОУН-УПА» с ветеранами Великой Отечественной войны, инициативы «украинских национали-

на церемонии, по данным прокуратуры, отсутствовал. Бюст Пушкина, размещенный на фасаде Российского культурного центра во Львове, действительно подвергался атакам вандалов в 2005 и 2007 годах.

¹⁰¹ Заявление МИД России в связи с антироссийскими проявлениями на Украине, www.mid.ru/press_service/spokesman/official_statement/-/asset_publisher/t2GCdmD8RNIr/content/id/354198

стов и их покровителей» отменить празднование Дня Победы над фашистской Германией».

«В России надеются, – отмечалось в документе, – что официальные власти Украины, которые декларируют приверженность демократическим европейским ценностям, осознают всю пагубность линии на возвеличивание эсэсовцев и положат конец попыткам пересмотра итогов Второй мировой войны»¹⁰².

Заявление содержало призыв об обращении в международные организации (ООН, ПАСЕ). Именно в это время МИД России вступил в многолетнюю эпопею разработки и продвижения резолюции, направленной против прославления тех, кто «сотрудничал с нацистами». В ноябре 2008 года был представлен проект такой резолюции в ООН, утвержденный в декабре 2012 года. Сама резолюция принята в 2015-м¹⁰³.

В документе указывался конкретный адресат: «на официальном сайте Президента Украины растет количество распоряжений, вдалбливающих в сознание граждан Украины радикально обновленный перечень „знаменательных дат“ из истории Украины». Далее приводился их перечень: указ «О дополнительных мерах по признанию украинского освободительного движения XX века», в котором перечислялись Украинская военная организация (одна из основательниц ОУН), Карпатская Сечь (вооруженные формирования Карпатской Украины), ОУН, УПА, Украинский главный освободительный совет (УГВР). Предлагаемый перечень заканчивался следующим высказыванием: «Удивительно, что до сих пор не издан указ в защиту И. Демьянюка, ожидающего в ФРГ судебного вердикта по обвинению в уничтожении евреев в гитлеровских концлагерях. Ведь за военного преступника официально ходатайствует Львовский областной совет»¹⁰⁴.

¹⁰² Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с обращением старосты Русской общины Ивано-Франковской области (Украина) А. Н. Волкова к Президенту России Д. А. Медведеву, 23 июня 2008 года, www.mid.ru/kommentarii/-/asset_publisher/2MrVt3CzL5sw/content/id/333128

¹⁰³ Glorification of Nazism: inadmissibility of certain practices that contribute to fuelling contemporary forms of racism, racial discrimination, xenophobia and related intolerance, www.un.org/en/ga/67/resolutions.shtml

¹⁰⁴ В августе 2009 года Львовский областной совет обратился к Ющенко с просьбой выступить в защиту Ивана Демьянюка. В 1980-е дело Демьянюка было своего рода показательным случаем поиска нацистских преступников, совершивших преступления против человечности. Его обвиняли в том, что он в качестве охранника в лагере смерти Трелинка принимал участие в уничтожении евреев. В 1988 году Демьянюка, депортированного из США, приговорили в Израиле к смертной казни. Однако в 1993 году Верховный Суд Израиля отменил этот приговор. Появились данные, что Демьянюка перепутали с другим человеком. В 1998 году было восстановлено его американское гражданство. Однако в 2001 году его опять обвинили в совершении преступлений против человечности в лагерях Собибор, Майданек и Флоссенбург. В 2009 году его экстрадировали в Германию и осудили к пяти годам лишения свободы. Демьянюк

Зимой 2010 года российское высшее политическое руководство получило еще одну возможность высказаться по поводу исторической политики в Украине. Присвоение Бандере звания «Герой Украины» премьер-министр Путин прокомментировал как плевок «оранжевой власти» в лицо своим спонсорам. Видимо, имелись в виду американцы и Евросоюз¹⁰⁵.

Тема «украинского национализма» в контексте войн памяти не ушла с повестки дня и в период относительного потепления российско-украинских отношений после прихода к власти Виктора Януковича и Партии регионов. Янукович несколько ослабил напряжение в украинско-российских отношениях как действиями в «реальном секторе» (Харьковские соглашения по Черноморскому флоту России, принятие нового закона о языках), так и в сфере символической.

В марте 2010 года Янукович публично пообещал «принять решение» по поводу указов Ющенко о присвоении звания Героя Украины Бандере и Шухевичу. Вскоре после Дня Победы он действительно принял решение, но не то, которое от него ожидали. 14 мая 2010 года, выступая на заседании Общественного гуманитарного совета при президенте Украины, он заявил, что необходимо достичь взаимопонимания в отношении исторических фигур, вызывающих противоречия в обществе, и высказался за «постепенность и деликатность» в решении таких вопросов¹⁰⁶. Проявить постепенность и деликатность было несложно. Ведь еще в апреле донецкие суды отменили упомянутые указы Ющенко.

Часть 3. После «революции достоинства»: история как практика

Евромайдан, начавшийся в ноябре 2013 года как протест против проявленного Януковичем нежелания подписывать соглашения об ассоциации с ЕС, в декабре 2013-го перерос в более широкое протестное движение против его власти. Одним из главных раздражителей была его слишком явная пророссийская политика. Харьковские соглашения¹⁰⁷ и неподписанный договор об Ассо-

подал апелляцию, но не дождался ее результата, умерев в возрасте девяноста двух лет. В связи с этим его приговор был аннулирован.

¹⁰⁵ Путин назвал плевок в лицо объявление Бандеры героем, gazeta.ua/ru/articles/life/_putin-nazval-quotplevkom-v-licoquot-ob-yavlenie-bandery-geroem/327384?mobile=true

¹⁰⁶ Янукович назвал «наибольший деструктив» в Украине, <https://www.unian.net/politics/356955-yanukovich-nazval-naibolshiy-destruktiv-v-ukraine.html>

¹⁰⁷ Соглашение между Российской Федерацией и Украиной по вопросам пребывания Черноморского флота РФ в Крыму. Подписаны 21 апреля 2010 года в Харькове. Денонсированы Россией в апреле 2014 года, после аннексии Крыма.

циации воспринимались значительной частью украинцев как утрата суверенитета в пользу России. Уже в декабре 2013 года на Майдане антиправительственные лозунги соседствовали с антипутинскими.

ИСТОРИЯ НА МАЙДАНЕ

Участники протестов обращались к историческому опыту как средству идеологической поддержки. Важным следствием Майдана был переход от жертвенного нарратива к героическому. Голод 1932–1933 годов, ранее доминировавший в репрезентациях прошлого в исполнении оппозиции, упоминался мало. На первый план вышли элементы, связанные с военной мобилизацией и активной борьбой.

Едва ли не самым популярным был казацкий миф. В его контексте самооборона Майдана наследовала казацкие традиции. Ее участники были разбиты на сотни¹⁰⁸ – название военных единиц казацкого войска. Они называли друг друга побратимами – казацкий термин. В практиках репрезентаций сотен присутствовала казацкая символика. В протестах принимала участие и собственно казацкая сотня. Один из наиболее известных персонажей Майдана – казак Гаврилюк, – был членом этой сотни. Одна из баррикад на Крещатике называлась «Казацкий редут». Некоторые сотни назывались «Сечь».

Не менее важную мобилизационную функцию выполнял националистический миф. Националисты были представлены на Майдане разными организациями: «Свобода», «бандеровская» ОУН, Трезубец имени Бандеры (организация, основавшая «Правый сектор»), Украинская национальная самооборона, Конгресс украинских националистов. С декабря 2013 года в центральной части Майдана был установлен большой портрет Бандеры. Лозунг ОУН – «Слава Украине – героям слава!», был принят участниками протестов как общий лозунг всего движения. Другой лозунг националистов – «Слава нации – смерть врагам!» – остался достоянием националистов. Обращение к опыту партизанской войны УПА со сцены Майдана было каждодневной практикой.

Отличительной особенностью исторической политики периода правления Януковича было интенсивное продвижение в публичное пространство советско-ностальгического дискурса. Поэтому частью протестов была его критика. Наиболее выра-

¹⁰⁸ Слово «сотня» в данном случае не обязательно означала наличие ста человек, их могло быть больше или меньше. Всего к моменту окончания протестов (конец февраля 2014 года) на Майдане насчитывалось 42 сотни.

Цоколь памятника Ленину на Бессарабской площади. Киев, июль 2017.
Автор: Сергей Румянцев.

памятников Ленину. «Ленинопад» был спровоцирован правыми организациями, прежде всего «Свободой», принимавшей активное участие в актах вандализма против памятников Ленину и в предшествовавшие Майдану годы. Именно активисты «Свободы» возглавили действия толпы 8 декабря 2013 года, когда был разбит памятник Ленину в Киеве. Этот акт стал примером для подражания. По непроверенным данным, с декабря 2013 по 20 февраля 2014 года было снесено 142 памятника. Одиночные случаи сноса имели место на Волыни и на юге страны. После бегства Януковича была зафиксирована самая массовая вспышка сноса монументов. 21–23 февраля было повержено 158 памятников¹⁰⁹.

ИСТОРИЯ КАК ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АРГУМЕНТ: КРЫМ И «НОВОРОССИЯ»

Впервые высшее политическое руководство России обратилось к историческим аргументам на саммите НАТО в Бухаресте 4 апреля 2008 года, когда обсуждался вопрос о перспективах вступления в организацию Грузии и Украины.

Основные пункты речи премьер-министра России Путина, касающиеся Украины, можно свести к следующим: 1) Украина получила земли от других государств – Польши, Чехословакии, Румынии и «огромные территории» на востоке и юге – от России; 2) «Крым просто получен Украиной решением Политбюро ЦК КПСС. Даже не проведено было государственных процедур по передаче этой территории»; 3) Украина – «это сложное государственное образование». Если внести туда «натовскую проблематику» и «другие проблемы», это может поставить данное «образование» на грань существования; 4) «в Украине живет семнадцать миллионов русских. Кто нам может сказать, что у нас там нет никаких интересов? Юг Украины полностью, там только одни русские»¹¹⁰.

Нетрудно заметить, что все упомянутые сюжеты были развиты в 2014–2015 годах. 18 марта 2014 года, выступая с так называемой «крымской речью» в Государственной думе, Путин по сути прочитал лекцию по истории Крыма и России. В ней он изложил свое видение событий прошлого и настоящего. Назвав русский народ самым большим разделенным народом в мире (как следствие распада СССР), он заявил, что в 1991 году

¹⁰⁹ Географія та хронологія «Ленинопаду» в Україні у 2014 році: інфографіка, 4vlada.com/rivne/33700

¹¹⁰ Выступление В. Путина на саммите НАТО в Бухаресте 4 апреля 2008 года, www.unian.net/politics/110868-vystuplenie-vladimira-putina-na-sammite-nato-buharest-4-aprelya-2008-goda.html

Крым передали Украине «как мешок картошки», совершив этим «вопиющую историческую несправедливость». Решение 1954 года было охарактеризовано как незаконное. Речь была вступлением к процедуре подписания «Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов».

В августе 2014 года Путин вновь обратился к крымской теме. На форуме «Селигер-2014» он сообщил, что присоединение Крыма к России было восстановлением «исторической справедливости»¹¹¹. В годовщину аннексии, официально называемую в России «воссоединением», президент Путин на концерте на Красной площади сообщил собравшимся, что Крым – это не просто стратегически важная территория, а место, где живут миллионы соотечественников и находятся истоки российской духовности и государственности¹¹². Через год он повторил тезис о том, что миллионы россиян годами ждали восстановления исторической справедливости: воссоединения Крыма и Севастополя с Россией.

Упражнения с историей не ограничились Крымом. Еще в «крымской речи» 18 марта 2014 года Путин упомянул о том, что после революции большевики включили в состав «Украинской союзной республики значительные территории исторического Юга России. Это было сделано без учета национального состава жителей, и сегодня это современный Юго-Восток Украины». Вскоре пассаж об «историческом юге» трансформировался в идею «Новороссии».

Меньше чем через месяц после этой речи на Донбассе развернулась так называемая «русская весна»: вооруженные захваты административных зданий, государственных учреждений и зданий силовых органов. В некоторых случаях их осуществляли хорошо организованные и экипированные профессионалы. Некоторые из них прибыли из Крыма. Проводились митинги и демонстрации под лозунгами «Путин приди!», «Украина – это Русь!».

7 апреля 2014 года в Донецке была провозглашена «Донецкая народная республика» (ДНР). 17 апреля 2014 года в эфире передачи «Прямая линия с Владимиром Путиным» российский президент впервые озвучил свои идеи о «Новороссии», включив в ее состав Харьков, Луганск, Донецк, Херсон, Одессу

¹¹¹ Путин назвал аннексию Крыма «восстановлением исторической справедливости», www.unian.net/politics/956925-putin-nazval-anneksiyu-kryima-vosstanovleniem-istoricheskoy-spravedlivosti.html

¹¹² Путин выступил с речью на концерте в честь годовщины присоединения Крыма, www.interfax.ru/russia/430798

и Николаев¹¹³. Президент России заявил, что эти области были отданы Украине большевиками и озаботился правами русских и русскоязычных граждан, живущих на этих территориях. Говоря о готовности помочь им защитить свои права, Путин напомнил о том, что Совет Федерации наделил его правом использовать вооруженные силы в Украине.

24 апреля 2014 года была провозглашена «Луганская народная республика» (ЛНР). В начале мая 2014 года в ДНР и ЛНР были проведены референдумы о независимости. Украинская власть и международное сообщество признали их нелегитимными. 24 мая руководство ДНР и ЛНР заявило о создании федерации с многозначительным названием «Новороссия». Был даже избран «парламент», возглавленный заместителем председателя Партии регионов Олегом Царевым, жившим в тот момент в Москве. На съезде в Донецке 24 мая 2014 года, где был создан «Народный фронт Новороссии», присутствовали делегаты из Днепропетровска, Запорожья, Одессы, Луганска, Николаева, Харькова, Херсона. Только Днепропетровск выпадал из географии региона, предложенной Путиным.

О том, как на «Новороссию» смотрели приближенные к власти историки и общественные деятели, можно составить суждение по выступлению на круглом столе «История и культура Новороссии», организованном Российским историческим обществом. Главный редактор журнала «Эксперт» В. Фадеев, открывая собрание, сообщил, что «имя „Новороссия“ для многих открылось недавно, но его история насчитывает уже 250 лет». По его мнению, без обращения к истории края невозможно понять «глубинные причины сегодняшнего нежелания жителей юго-востока Украины жить в составе Украины»¹¹⁴. Декан Высшей школы телевидения МГУ В. Третьяков заявил, что Украина – это искусственное образование, где украинское меньшинство навязывает свою волю русскому большинству Юго-Востока.

Директор Института российской истории РАН Юрий Петров объявил о планах создания к концу 2015 года «большого труда» по истории Новороссии. В интервью корреспонденту Би-би-си он также рассказал о том, что этот труд станет основой для учебного пособия по истории «для учителей региона». Эти планы он объяснил «чисто академическим интересом», упомянув, впрочем, о том, что они были инициированы вой-

¹¹³ Прямая линия с Владимиром Путиным, www.kremlin.ru/events/president/news/20796

¹¹⁴ Состоялся круглый стол «История и культура Новороссии» в Царицыно, rushistory.org/sobytiya/kruglyj-stol-istoriya-i-kultura-novorossii-v-tsaritsyno.html

ной в «регионе». Историк также объяснил корреспонденту, что «Новороссия объективно существует как исторический и культурный феномен»¹¹⁵.

«Объективно существующему феномену» посвятил свой труд историк Александр Шубин, за месяц написавший «Историю Новороссии»¹¹⁶, по его собственному выражению, «от Таргитая до Бородая» (то есть от скифов до сентября 2014-го). Книга была написана по заказу Российского военно-исторического общества. Несмотря на очевидную политическую конъюнктурность создания труда, историк, по его словам, сделал все возможное, чтобы удержаться в рамках академического повествования. «Мне дали повод, – писал он, – не только поговорить о дилемме историческом пути, но и высказаться о событиях 2014 г. языком историка, а не пропагандиста»¹¹⁷. Язык пропагандиста очевидно присутствует в предисловии к этой книге, подготовленном от имени Военно-исторического общества.

Украинские историки оценили как достижения и планы своих коллег, так и политическую подоплеку актуализации термина «Новороссия». Книга Шубина подверглась резкой критике – не столько за содержание, сколько за контекст ее появления¹¹⁸. Сам «проект Новороссии» подвергся острополюмической критике Федора и Галины Турченко как «последнее проявление российского империализма»¹¹⁹.

Впрочем, организовать «массовую поддержку» проекту по образцу референдумов в Крыму, Луганске и Донецке не удалось. Неудачной была попытка повторить донбасский вариант захвата помещений органов власти в Харькове в апреле 2014 года, сопровождавшаяся провозглашением «Харьковской народной республики». Эта попытка была подавлена силовым путем при поддержке проукраинских сил. Еще один пример неудачной попытки реализации проекта «Новороссии» – это трагические события 2 мая 2014 года в Одессе¹²⁰. Российское высшее руководство после договоренностей в Минске перешло к тактике сохранения в составе Украины ДНР и ЛНР как территорий с особым автономным статусом, но полностью

¹¹⁵ Институт истории РАН возрождает понятие «Новороссии», www.bbc.com/russian/russia/2014/07/140716_russia_ukraine_history_paper.shtml?print=1

¹¹⁶ Шубин А. (2015), История Новороссии, М.: ОЛМА Медиа Групп.

¹¹⁷ 19 декабря вышла моя книга «История Новороссии», shubinav.livejournal.com/65433.html

¹¹⁸ Український науковець відреагувала на видання в РФ «Історії Новоросії», <https://www.5.ua/suspilstvo/ukrainskyi-naukovets-vidreahuvala-na-vydannia-v-rf-istorii-novorossii-71517.html>

¹¹⁹ Турченко Ф., Турченко Г. (2014), Проект Новороссии: 1764–2014. Юбилей на крови, Запорожье: ЗНУ, с. 136.

¹²⁰ Уличные столкновения в Одессе между пророссийскими и проукраинскими демонстрантами привели к гибели более пятидесяти человек.

подконтрольных России. Проект «Новороссия» утратил свою привлекательность. В мае 2015 года Царев сообщил, что деятельность «органов Новороссии» заморожена¹²¹.

Слабым отголоском истории с «Новороссией» можно считать недавние заявления руководителя самопровозглашенной ДНР Александра Захарченко о планах создания государства «Малороссия»¹²². Этот «проект» не получил поддержки в Кремле.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПОСЛЕ 2014 ГОДА

Аннексия Крыма и более широкий набор действий России в «украинском вопросе» – информационно-пропагандистские кампании как в России, так и за рубежом, поддержка сепаратистов оружием, техникой, продовольствием и прямая военная поддержка, поддержка зон нестабильности в Украине, сама война на Донбассе и т. п. – актуализировали ряд вопросов исторической политики в Украине. Говоря об основных тенденциях, можно выделить следующие:

1. *«Декоммунизация» символического пространства на уровне государственной политики, в ряде случаев понимаемая и как «дерусификация».*
2. *Форсированное продвижение на общенациональном уровне националистического исторического нарратива.*
3. *Коммеморация знаковых дат новейшей истории, в том числе «революции достоинства».*

Содержание исторической политики в Украине до 2014 года во многом определялось соперничеством двух нарративов исторической памяти: советско-ностальгического и национального/националистического¹²³. После 2014 года носители и промоутеры советско-ностальгического нарратива оказались или политически маргинализированными, или локализовались на территориях, неподконтрольных Киеву. Сложилась благоприятная среда для маргинализации самого нарратива.

Организационно-технически эта тенденция была подкреплена изменениями в институтах государственной власти и в законодательстве. Правительственный орган, отвечающий за разработку и реализацию государственной исторической политики, – Украинский институт национальной памяти (УИНП) – возглавил

¹²¹ Дергачев В., Кириллов Д. Проект «Новороссия» закрыт, www.gazeta.ru/politics/2015/05/19_a_6694441.shtml

¹²² Захарченко объявил о создании Малороссии, lenta.ru/news/2017/07/18/maloros/

¹²³ Здесь имеется в виду, что национальный нарратив – стандартная версия этноцентрической истории. Националистический – та его часть, которая сосредоточена на мифологизации и пропаганде националистического движения – ОУН, УПА и родственных движений, организаций.

Володымыр Вятрович. Его заместителем стала Алина Шпак. Оба они были создателями и руководителями общественной организации – львовского Центра исследований освободительного движения (украинская аббревиатура ЦДВР), имеющего тесные связи с «бандеровской» частью украинской диаспоры Северной Америки и отличавшегося апологией ОУН и УПА.

УИМП стал инициатором и координатором разработки четырех мемориальных законов, принятых Верховной Радой (ВР) 9 апреля 2015 года¹²⁴. На разработку законов ушло около полугода, приняты они были «пакетом» в течение сорокаминутного заседания, больше напоминавшего митинг. Законы внесли существенные изменения в государственную историческую политику.

- 1. Декоммунизация стала официальной политикой украинского государства. Позитивные публичные оценки советского периода и его деятелей были запрещены, в том числе под угрозой уголовного преследования.*
- 2. Прославление организаций и личностей, участвовавших в «национально-освободительной борьбе украинского народа», стало государственной политикой. В список таких организаций были внесены ОУН и созданные ею структуры, а также УПА. «Неуважительное отношение» к участникам упомянутой борьбы объявлено противоправным и подлежит административному наказанию.*
- 3. Изменено название и содержание главной коммеморативной даты советского и постсоветского времени – Дня Победы (9 мая). «Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» превратилась в «победу над нацизмом во Второй мировой войне 1939–1945 гг.». Соответственно менялось содержание Дня победы, празднование которого, как и раньше, назначалось на 9 мая, официальным названием праздника стало: «День победы над нацизмом во Второй мировой войне». Новшеством стало введение Дня памяти и примирения (8 мая), долженствующее обозначить приближение украинской исторической политики к европейским практикам.*

¹²⁴ Закон України Про увічнення перемоги над нацизмом у Другій світовій війні 1939–1945 років, від 9 квітня 2015 р., № 315–19, zakon5.rada.gov.ua/laws/show/315-19; Закон України «Про правовий статус та вшанування пам'яті борців за незалежність України у XX столітті», № 314–19, від 9.04.2015, zakon5.rada.gov.ua/laws/show/314-19; Закон України «Про засудження комуністичного та націонал-соціалістичного (нацистського) тоталітарних режимів в Україні та заборону пропаганди їхньої символіки», від 09.04.2015, № 317–19, zakon5.rada.gov.ua/laws/show/317-19; Закон України Про доступ до архівів репресивних органів комуністичного тоталітарного режиму 1917–1991 років, від 09.04.2015, № 316–19, zakon3.rada.gov.ua/laws/show/316-19

4. На уровне закона обеспечен доступ к архивам «репрессивных органов коммунистического тоталитарного режима». Предусмотрено создание при УИНП специализированного архива, где будут сконцентрированы материалы Министерства внутренних дел, Министерства обороны, Министерства юстиции, Службы безопасности Украины, Службы внешней разведки, Генеральной прокуратуры, Государственной судебной администрации, Государственной пенитенциарной службы, Администрации государственной пограничной службы. На данный момент обеспечен доступ только к материалам архива Службы безопасности Украины, который возглавил еще один бывший сотрудник ЦДВР Андрей Козут.

День Победы (9 мая) остается одним из значимых мест памяти, несмотря на политику декоммунизации. «Родина-мать» на территории Музея истории Украины во Второй мировой войне. Киев, июль 2017. Автор: Сергей Румянцев.

Политика «декоммунизации» по сути свелась к двум главным сюжетам: фактическому запрету Коммунистической партии Украины и масштабному переформатированию символического пространства (переименованию топографических объектов и устранению мест памяти «коммунистического режима»). В июле 2015 года министр юстиции П. Петренко подписал приказы, исключаящие КПУ из избирательного процесса¹²⁵.

¹²⁵ В Україні офіційно заборонили КПУ, <http://tsn.ua/politika/v-ukrayini-oficiyno-zaboronili-kpu-462089.html>

В декабре 2015 года КПУ подала иск в Европейский суд по правам человека.

«Декоммунизация» публичного пространства в основном была завершена к концу 2016 года. Согласно отчету УИНП за 2016 год переименовано 987 населенных пунктов и 25 районов, 51,5 тысяч топонимов, демонтировано 2389 памятников и памятных знаков, содержащих «пропаганду тоталитарного режима»¹²⁶. В основном это были памятники Ленину.

Отношение к «декоммунизации» в обществе было неоднозначным. Начинаясь она в условиях, когда по крайней мере треть населения согласно социологическому опросу (май 2014 года) сожалела о распаде СССР. При этом ностальгия по СССР возрастала по мере продвижения на восток: если в Центральной Украине сожаление высказывали 33 % респондентов, то в Восточной и Южной – почти половина, а на Донбассе – 60 %¹²⁷. В августе 2015 года согласно опросам социологического агентства ФАМА почти 90 % респондентов высказали негативное отношение к декоммунизации. В основном недовольство вызывали административный характер и «несвоевременность» этого процесса (по мнению респондентов, существовали более актуальные проблемы), отсутствие публичной дискуссии¹²⁸.

Смену названия праздника 9 мая поддержали 57 % респондентов в Западной Украине и 42 % в центральных областях. В остальных регионах не поддерживали эту идею 47–50 % респондентов. Осуждение «коммунистического тоталитарного режима» и запрет его символики поддерживают 82 % респондентов в Западной Украине и 58 % в Центральной. На востоке и юге в поддержку высказываются 34 % и 30 % соответственно, а не поддерживают эти действия 36 % и 38 %.

¹²⁶ Звіт українського інституту Національної пам'яті з реалізації державної політики у сфері відновлення і збереження національної пам'яті у 2016 році, <http://memory.gov.ua/page/zvit-ukrainskogo-institutu-natsionalnoi-pam-yati-z-realizatsii-derzhavnoi-politiki-u-sferi-vidnovлення>

¹²⁷ Про розпад СРСР досі жалкує третина українців, <http://eu-bridge-ua.org/pro-rozpad-srsr-dosi-zhalkuye-tretina-ukrayintiv/>

Стоит заметить, что ностальгия по СССР вряд ли была связана с идеологическими мотивами. Ностальгия относилась прежде всего к некоему идеальному образу, связанному со стабильностью, социальной справедливостью, ощущением перспективы. Жаление о распаде СССР не означало автоматического желания восстановить его. Свидетельством может служить то, что количество сторонников Содружества Независимых Государств (СНГ) неуклонно уменьшалось все 2000-е годы. Согласно опросу центра им. А. Разумкова (сентябрь 2016-го) сторонников создания союзного государства в составе Беларуси, России и Украины как равноправных субъектов было 18 %, противников – 69 %. См.: Українці визначились щодо членства в НАТО, ЄС, СНД та майбутніх відносин з РФ – опитування, tyzhden.ua/News/174867

¹²⁸ Конфлікт в медіа і медіа в конфлікті, <http://journalism.ucc.edu.ua/wp-content/uploads/2015/11/Konflikt-v-media-i-media-v-konflikti-Fama-Serpen-Veresen-2015.pdf>

Признание борцами за независимость обозначенных в тексте одного из декоммунизационных законов организаций (в частности, ОУН и УПА) поддерживают 76 % респондентов на западе и 46 % в центре. На востоке эту идею поддерживают 26,8 %, не поддерживают – 39,6 %, на юге это соотношение составляет 20,1 % и 24,4 %, на Донбассе – 21,1 % и 37,5 %¹²⁹.

В ноябре 2016-го еще один социологический замер подтвердил наличие ощутимых региональных расхождений в отношении к политике «декоммунизации». Согласно опросу группы «Рейтинг» в целом по Украине поддержку переименованию населенных пунктов и улиц высказали 35 % респондентов, не поддержали эту политику 57 %. И если в Западной Украине сторонники переименований составили 63 %, то в Центральной Украине – 32 % (противники – 45 %), в южных регионах – 19 % (противники – 54 %), в восточных – 18 % (противники – 65 %) ¹³⁰. По состоянию на конец 2016 года именно в центральных и юго-восточных регионах наблюдались попытки оспорить переименования через суды ¹³¹.

Тогда же, согласно результатам другого опроса, проведенного в Украине Институтом политических исследований Польской академии наук и Национальным центром культуры Польши, негативное отношение к «декоммунизации» высказали 58 % респондентов. Позитивное отношение – 34 % респондентов ¹³².

«Декоммунизация» сопровождается все более интенсивным продвижением националистического нарратива, ранее локализованного в западных областях страны. Например, в 2015–2016 годах улицы и проспекты, названные в честь Бандеры, появились в Белой Церкви, Киеве, Сумах, Броварах, Житомире ¹³³, Коростене, Хмельницком, Шепетовке и Умани.

¹²⁹ Ідентичність громадян України в нових умовах: стан, тенденції, регіональні особливості. Інформаційно-аналітичні матеріали до фахової дискусії «Формування спільної ідентичності громадян України: перспективи та виклики», old.razumkov.org.ua/ukr/news.php?news_id=754

¹³⁰ Ставлення до окремих історичних постатей та процесу декомунізації в Україні, ratinggroup.ua/ru/research/ukraine/otnoshenie_k_otdelnym_istoricheskim_lichnostyam_i_processu_dekommunizacij_v_ukraine.html

¹³¹ Звіт Українського інституту національної пам'яті з реалізації державної політики у сфері відновлення і збереження національної пам'яті у 2016 році, http://memory.gov.ua/page/zvit-ukrainskogo-institutu-natsionalnoi-pam-yati-z-realizatsii-derzhavnoi-politiki-u-sferi-vidn

¹³² Ukraińcy o historii, kulturze i stosunkach polsko-ukraińskich. Raport. Narodowe Centrum Kultury, www.nck.pl/projekty-badawcze-nck/318944-raport-ukraincy-o-historii-kulturze-i-stosunkach-polsko-ukrainskich/

¹³³ Житомир оказался едва ли не самым «оуновским» в Центральной Украине: здесь зимой 2016 года кроме улицы Бандеры появились улицы О. Телиги, Е. Коновальца, В. Кука, М. Сциборского, Р. Шухевича. См: Сергій Сухомлин підписав розпорядження про перейменування вулиць у Житомирі, http://zt-rada.gov.ua/news/p5840

В последнем городе жители переименованной улицы выступили против. Дискуссии о «бандеризации» одной из улиц идут в Полтаве и Черкассах. В 2016 году памятные знаки Бандере были установлены без согласования с местной властью представителями Всеукраинского объединения «Свобода» в Черкассах и Хмельницком¹³⁴.

Символическая дата основания УПА (14 октября) указом президента Порошенко установлена как «День защитника отечества» и заменяет «советскую» дату – 23 февраля. В феврале 2017 года УИМП объявил о начале «национальной информационной кампании в память об УПА»¹³⁵. Ее смысл в продвижении идеализированного образа членов УПА как борцов, сражавшихся против двух тоталитаризмов, сталинского и гитлеровского. В социальных сетях и на YouTube распространяется ролик с записью марша бандеровской ОУН в исполнении популярного певца Олега Скрипки и военного оркестра. Марш представляется как новый гимн украинской армии¹³⁶.

Как и в случае с «декоммунизацией», продвижение националистического нарратива воспринимается в обществе весьма противоречиво. Согласно опросу социологической группы «Рейтинг» в целом по Украине негативно и «скорее негативно» к Бандере относились 48 % респондентов. Позитивно и скорее позитивно – 31 %. Стоит отметить? однако, что доля этой группы возросла за два года на 9 %. В Центральной Украине негативное отношение к нему высказали 39 %, а позитивное 28 %. В южных регионах эти цифры составили соответственно 69 % и 15 %, а в восточных (кроме Донбасса) – 70 % и 8 %. Поляризация мнений проходила не только по географическим линиям, но и по этническим. Позитивное отношение к Бандере высказывали только этнические украинцы¹³⁷.

«Декоммунизация» в значительной мере проводится административно-бюрократическими методами, нередко без учета, а часто и вопреки мнению населения. Например, переименование двух крупных транспортных магистралей столицы – Московского проспекта и проспекта Ватутина в проспекты Бандеры и Шухевича произошло без какой-либо общественной дискуссии, под давлением депутатов ВО «Сво-

¹³⁴ Данные швейцарского историка Оксаны Мышловской.

¹³⁵ Лютого стартує національна інформаційна кампанія в пам'ять про УПА, www.memory.gov.ua/news/8-lyutogo-startue-natsionalna-informatsiina-kampaniya-v-pamyat-pro-upa

¹³⁶ Музиканти записали новий гімн української армії, www.youtube.com/watch?v=WDDDXFv8rA; www.youtube.com/watch?v=qfgVmSv7mIU; www.youtube.com/watch?v=2kRTi-yvqA

¹³⁷ За два роки позитивне ставлення до Бандери зросло, zaxid.net/news/showNews.do?za_dva_roki_pozitivne_stavlennya_do_banderi_zroslo_opituvannya&objectId=1307967

бода» в Киевском городском совете. Переименование многих населенных пунктов в Украине осуществлялось парламентом. Иногда из-за того, что местные власти и значительная часть населения отказывались от переименования или предлагали неприемлемые для центральной власти названия¹³⁸. Все переименования населенных пунктов и административных единиц утверждаются парламентом. С ноября 2015 по июль 2016 года Верховная Рада приняла тринадцать постановлений, посвященных переименованию 987 населенных пунктов и 25 административных районов¹³⁹.

Ареал сопротивления «декоммунизации» или недовольства ею достаточно четко совпадает с юго-восточными регионами, где сконцентрировано русскоязычное население и где поддержка нынешней власти не слишком высока. Нетрудно прогнозировать, что административно-бюрократические крайности «декоммунизации» будут использованы оппонентами при первом же удобном случае. Уличные столкновения 9 мая 2017 года в ряде городов Украины можно считать первым явным симптомом.

«Декоммунизация» фактически является символической. Кроме того, содержит антироссийский компонент, поскольку Россия рассматривается инициаторами этой политики как оплот советско-ностальгического нарратива. Масла в огонь подливает то, что лидеры и значительная часть населения непризнанных республик действительно культивируют советскую модель прошлого. Вплоть до использования советских практик и дискурсов в идеологическом обеспечении войны. Центральной идейной опорой здесь является миф о «Великой Отечественной войне».

С самого начала боевых действий на Донбассе представители военных формирований использовали риторику советских времен. Украинские вооруженные силы и добровольческие формирования назывались «карателями» и «бандеровцами». В символических практиках использовался опыт 1941–1945 годов: на танках и другой боевой технике писали «На Киев!». Так же как в 1945-м писали «На Берлин!». В Донецке был органи-

¹³⁸ Классический пример – Кировоград. На местном референдуме большинство жителей высказалось за возвращение городу исторического названия – Елисаветград. Однако название, напоминающее об империи, оказалось неприемлемым для УИИП. Город был переименован в Кропивницкий, по имени украинского драматурга, жившего здесь. Другой известный пример – Комсомольск. Этот город был заново построен именно под таким названием, и жители и местная власть отказывались от переименования. Парламент переименовал его в Горишні Плавні.

¹³⁹ Декомунізація назв населених пунктів та районів України: підстави, процес, підсумки, <http://memory.gov.ua/page/dekomunizatsiya-nazv-naselenikh-punktiv-ta-raioniv-ukraini-pidstavi-protses-pidsumki>

зован «парад» военнопленных украинской армии – своего рода копия парада немецких военнопленных в Москве в 1944 году.

Наиболее выразительным советским символом, взятым на вооружение, была гвардейская ленточка, повторяющая цвета ордена Славы и царского ордена/медали Святого Георгия. Этот символ был создан в 2005 году в агентстве РИА «Новости»¹⁴⁰ и стал очень популярным у населения России и части жителей Украины. В ходе войны на Донбассе с 2014 года ленточка превратилась в идеологически важный символ сепаратистов. Напротив, в Украине стала восприниматься как знак поддержки «колорадов» – так называют сторонников самопровозглашенных республик (практика дегуманизации врага через сравнение с жуками-вредителями, окрас которых напоминал цвета ленты). Попытки ношения георгиевской ленты на День победы 9 мая провоцировали публичные скандалы, обычно раздуваемые правыми.

В мае 2017 года украинский парламент специальным законом запретил георгиевскую ленточку в Украине. Этот закон вносил изменения в Кодекс об административных правонарушениях. За ношение ленты (за исключением оговоренных в тексте случаев) полагался административный штраф, за повторное нарушение штраф удваивался и предполагался административный арест на 15 суток. Комментируя решение парламента, президент Порошенко заявил, что георгиевская ленточка не является для Украины символом Второй мировой, «это символика агрессии против Украины 2014–2017 годов. Ведь обвешанные этими ленточками боевики убивают наших воинов каждый день, прямо сейчас»¹⁴¹.

Суммируя развитие исторической политики в Украине в контексте украинско-российских отношений, можно сделать следующий вывод: войны памяти между двумя странами стали неотъемлемой частью вооруженного конфликта, в котором Россия играет роль агрессора, а Украина вынуждена искать симметричный ответ. Симметрия, помимо прочего, предполагает обращение к историческому опыту, связанному с борьбой против России и Советского Союза. В результате популярным становится обращение к тем сюжетам, в которых Россия в наиболее очевидной форме фигурирует в качестве поработителя, агрессора и оккупанта. Коммеморативные мероприятия, по-

¹⁴⁰ Более подробно см: Миллер А. О георгиевской ленте и других символах в контексте исторической политики, carnegie.ru/proEtContra/?fa=49074

¹⁴¹ Порошенко пояснив, чому в Україні заборонили георгіївську стрічку, ukr.segodayna.ua/politics/pnews/poroshenko-obyasnil-pochemu-v-ukraine-zapretili-georgievskuyu-lentochku-1022786.html

Мемориал героям «Небесной сотни». Киев, ноябрь 2017. Автор: Сергей Румянцев.

священные столетию украинской революции 1917–1920 годов, осуществляются именно в контексте борьбы с российской агрессией и даже столетней борьбы украинцев против России и за свободу¹⁴².

Историческая политика в Украине после «революции достоинства» не ограничивается обращением к далекому прошлому. Предпринимаются усилия по мемориализации «революции достоинства». Улица Героев Небесной Сотни¹⁴³ на данный момент есть в 41 населенном пункте. В ряде городов появились улицы Героев Майдана. Устанавливаются памятники Героям Небесной Сотни. Под эгидой УИИП начато создание мемориального комплекса Героев Небесной Сотни – музея революции Майдана. Этот проект финансируется из государственного бюджета¹⁴⁴. В ноябре 2014 года учреждена государственная награда – орден «Героев Небесной Сотни».

¹⁴² Інститут національної пам'яті розпочинає інформаційну кампанію до 100-річчя Української революції 1917–1921 років, www.kmu.gov.ua/control/uk/publish/article?art_id=249805754&cat_id=244276429

¹⁴³ Небесная сотня – собирательное название погибших во время «революции достоинства» с декабря 2013 по февраль 2014 года

¹⁴⁴ Звіт українського інституту Національної пам'яті, <http://memory.gov.ua/page/zvit-ukrainskogo-institutu-natsionalnoi-pam-yati-z-realizatsii-derzhavnoi-politiki-u-sferi-vidn>

РЕКОМЕНДАЦИИ

Историческая политика в Украине последних 30 лет фокусируется на конфликтных сюжетах. Поскольку эта политика является частью процесса и средством борьбы за власть или ее удержание, она будет и далее носить весьма конфликтный характер.

Постсоветская историческая политика является источником не только внутренних, но и внешних конфликтов. История украинско-российских отношений в сфере интерпретаций и репрезентаций прошлого может служить классическим примером сложного «развода» и его последствий¹⁴⁵.

Нынешнее состояние общества в Украине, изнуряемой социально-экономическим кризисом и войной, и состояние украинско-российских отношений суживают «окно возможностей» для спокойной, паритетной дискуссии по вопросам прошлого. Историки, социальные исследователи и аналитики поддаются под давление политической конъюнктуры. Те из них, кто хочет и способен относиться к прошлому как к предмету исследования или настроен на взвешенный диалог с коллегами за рубежом, могут стать объектом общественного остракизма и травли со стороны праворадикальных элементов (в Украине) или давления со стороны государства (в России). Тем не менее возможности для взаимодействия сохраняются.

1. «Отдать историю историкам». Эта стандартная формула нуждается в уточнении: каким именно историкам? В обеих странах есть историки, старающиеся действовать в рамках аналитической историографии, избегающие участия в пропаганде и контрпропаганде. Их легко идентифицировать, и они сами находят возможности для сотрудничества. Последние примеры: выход в свет российского-украинского исторического разговорника¹⁴⁶ и большая встреча украинских и российских историков в Хельсинки в начале сентября 2017 года (инициатива «Историков без границ»).

¹⁴⁵ Отдельная тема: украинско-польские отношения, постоянно омрачаемые войной памяти между правыми и популистами обеих стран.

¹⁴⁶ Аристов В., Баканов А., и др. (2017), Русско-украинский исторический разговорник. Опыты общей истории, М.: Новое издательство.

В качестве удачного примера индивидуального сотрудничества и диалога можно вспомнить такой проект: Касьянов Г., Миллер А. (2011), Россия – Украина: как пишется история. Диалоги, лекции, статьи. М.: РГГУ.

2. Создание постоянно действующего форума (площадки) на нейтральной территории. В нынешних условиях визиты украинских историков в Россию и российских в Украину затруднены как в техническом, так и в политическом смысле. Финансирование совместных проектов за счет государственных средств также вряд ли приемлемо. Необходима «третья сторона», которая предложит площадку, финансирование и правила диалога, приемлемые для обеих сторон.
3. Транснациональные/ международные проекты. Необходима реализация международных проектов, посвященных проблемным вопросам прошлого, в которых будут принимать участие ученые не только из России и Украины, но и специалисты из других стран. Такие проекты позволяют нейтрализовать нежелательные политические контексты и вывести проблему с уровня «выяснения отношений» на уровень всестороннего анализа. С их помощью создается благоприятный психологический и общественный фон. Кроме того, они способствуют консолидации тех агентов исторической политики, которые заинтересованы в диалоге, взаимопонимании и нейтрализации конфликтов по поводу прошлого.
4. Междисциплинарность. Проблемы обсуждения прошлого не должны быть делом только историков. К дискуссиям следует привлекать политологов, социологов, политических философов, психологов, компетентных журналистов.
5. Медиарепрезентации. Как правило, медиа концентрируются на негативных, скандальных аспектах исторической политики. Любой конфликт, даже самый незначительный, немедленно получает широкое медиаосвещение. Любой позитивный опыт диалога, обсуждения, как правило, игнорируется (в лучшем случае). Возможно, необходима разработка медиастратегии, включающей выработку алгоритма репрезентаций позитивного опыта (дискуссий, форумов, публикаций), способной демонстрировать не только и не столько конфликт как таковой, но и способы его обсуждения в поле диалога.

6. Необходимы объединение сил, координация действий негосударственных агентов исторической политики (НГО), заинтересованных в адекватном освещении и репрезентации прошлого. Такие организации есть, однако они разрознены и часто действуют в разных пространствах, не пересекаясь и мало зная о деятельности друг друга.
7. Научное сообщество и общественные организации в сотрудничестве с государственными и транснациональными институтами должны занимать проактивную позицию в вопросах исторической политики и коллективной памяти. В странах региона (ЕС и постсоветское пространство) накоплен немалый опыт анализа и общественных дискуссий по вопросам прошлого. Этого опыта достаточно, чтобы своевременно выявлять тенденции и формировать повестку дня для тех, кто принимает решения.

АНДРЕЙ ДЕВЯТКОВ

**Спустя поколение:
Что помнят и забывают
о приднестровском конфликте
на двух берегах Днестра**

ВВЕДЕНИЕ

В 2017 году и в Республике Молдова, и в Приднестровье отмечают трагическую годовщину – 25-летие вооруженного конфликта на Днестре. В 1989–1991 годах конфликт был в основном политическим. В начале марта 1992 года произошли первые вооруженные столкновения в районе города Дубоссары. Кульминации конфликт достиг в июне – июле в ходе боев за контроль над городом Бендеры, который мог послужить плацдармом в случае наступления молдавских сил на Тирасполь. 21 июля 1992 года было подписано «Соглашение о принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова», в соответствии с которым между конфликтующими сторонами была создана демилитаризованная зона. В «зону безопасности» вводились трехсторонние миротворческие силы (России и самих сторон конфликта). В таком формате, но с включением на более позднем этапе военных наблюдателей от Украины, миротворческая операция осуществляется по сей день.

Уже с конца 1992 года приднестровский конфликт утратил свою остроту. На Днестре не звучат выстрелы. Приднестровье и Молдова открыты друг для друга. Приднестровцы свободно посещают правый берег для прохождения лечения в молдавских больницах, обучения в учебных заведениях, для шопинга. У жителей региона свободный доступ к кишиневскому аэропорту. Между сторонами конфликта действует большое количество соглашений, обеспечивающих относительно свободное передвижение людей и транспортных средств. Тем не менее, несмотря на долгий переговорный процесс, политически конфликт так и не был разрешен. Приднестровье заявило о строительстве своего государства, пусть и не признанного международным сообществом.

Коммеморация событий 1989–1992 годов стала важнейшим элементом государственного строительства и в Кишиневе, и в Тирасполе. В Молдове эти события ассоциируются с борьбой за независимость и территориальную целостность страны. В Приднестровье – это борьба «приднестровского народа» за право говорить на родном языке и, в конечном счете, за свободу и выживание.

Цель данного анализа – понять, во-первых, насколько внутренне гомогенными и взаимоисключающими являются дискурсы исторической памяти на обоих берегах Днестра. Во-вторых, насколько эти дискурсы вписываются в современные политические и социально-экономические контексты, как они развивались

в период после завершения вооруженного противостояния. И наконец, в-третьих, насколько дискурсы памяти могут содействовать или препятствовать мирной трансформации конфликта.

Экспозиция, посвященная приднестровскому конфликту, в Тираспольском историко-краеведческом музее. Июль 2017 г. Автор: Сергей Румянцев.

Процесс формирования политики памяти в Кишиневе и в Тирасполе разделяется по меньшей мере на два основных периода: *1990-е – первая половина 2000-х годов и вторая половина 2000-х – настоящее время*. Каждый из этих этапов определялся характером внутривнутриполитической ситуации, динамикой отношений между Молдовой и Приднестровьем, а также международно-политическим контекстом. Первый этап, как в Тирасполе, так и в Кишиневе, характеризуется отсутствием политического заказа на последовательную политику памяти в отношении приднестровского конфликта, которая могла бы служить инструментом полного размежевания между двумя берегами Днестра. С середины 2000-х годов политические обстоятельства постепенно приводят к тому, что в Кишиневе и Тирасполе возникают два герметичных, симметричных друг другу историко-политических нарратива, подразумевающих фактически взаимоисключающую память о конфликте.

РЕСПУБЛИКА МОЛДОВА В 1992–2008 ГОДАХ ОТ ДИАЛОГА С ПРИДНЕСТРОВЬЕМ К ДИСКУРСУ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Бендерская трагедия лета 1992 года привела к дискредитации Народного фронта Молдовы и, шире, политических партий и движений, ассоциировавшихся с расколом страны, в контексте не только приднестровской, но и гагаузской проблемы. Произошла маргинализация унионизма – движения за воссоединение с Румынией. К власти пришли силы, выступавшие за строительство независимой «молдавской государственности», в виде либо самостоятельного национального проекта, либо «второго румынского государства».

Основным политическим императивом того времени было стремление к мирному воссоединению двух берегов Днестра, где жили люди, как считалось, принадлежавшие к «одному народу». Почти всегда диалог и взаимные уступки рассматривались в качестве приемлемых механизмов урегулирования территориальных конфликтов. Во многом благодаря такому подходу через создание в 1994 году автономно-территориального образования Гагауз Ери был решен гагаузский вопрос¹⁴⁷. Петр Лучинский, президент Республики Молдова в 1997–2001 годах публично заявлял:

«Надо начинать с восстановления доверия между сторонами. Тем более что состояние подозрительности между двумя приднестровскими берегами возникло не в 1990 году, у нее исторические корни и весьма разветвленная крона [...]. Для начала закопаем глубже политический топор, ибо, если снова ввязаться в политический спор, ничего не решим, – и начнем диалог по-новому: с торговли, экономики и социальных проблем»¹⁴⁸.

Молдавские власти еще в 1996 году пошли на предоставление Приднестровью свободы внешнеэкономической деятельности (через собственные таможенные печати для Тирасполя). А в 1997 году Петр Лучинский подписал «Меморандум об основах нормализации отношений между Республикой Молдова и Приднестровьем», в котором, в частности, речь шла о том,

¹⁴⁷ Гагаузия – территория на юге Молдовы с компактным проживанием гагаузов, тюркоязычной этнической группы православного вероисповедания. Гагаузия провозгласила себя автономной республикой в составе СССР еще раньше, чем Приднестровье, – в августе 1990 года. Избежать кровопролития удалось, в первую очередь, за счет своевременного вмешательства союзного Центра, среди прочего направившего в регион войска МВД СССР. Стоит также отметить, что экономический потенциал аграрной Гагаузии гораздо слабее, чем промышленно развитого Приднестровья.

¹⁴⁸ Лучинский П. (2011), Молдова и молдаване, Кишинев: Biblion SRL, с. 354.

что «стороны строят свои отношения в рамках общего государства в границах Молдавской ССР на январь 1990 г.»¹⁴⁹. Владимир Воронин, сменивший его на посту президента, поначалу продолжил эту линию, подписав в мае 2001 года протокол о взаимном признании большого количества документов (свидетельств о регистрации актов гражданского состояния, паспортов и т. д.). Этот шаг существенно облегчил жизнь простых граждан и бизнеса.

Что касается российского военного присутствия в Приднестровье, а именно частей бывшей 14-й советской армии¹⁵⁰, то в октябре 1994 года Кишинев и Москва подписали соглашение о правовом статусе и порядке их вывода. Статья вторая этого соглашения гласила, что «практические шаги по выводу воинских формирований Российской Федерации с территории Республики Молдова [...] будут синхронизированы с политическим урегулированием приднестровского конфликта и определением особого статуса Приднестровского региона Республики Молдова»¹⁵¹. Следовательно, забегая вперед, можно отметить, что, в отличие от сегодняшних требований, в те годы Кишинев давал свое принципиальное согласие на то, что российские войска должны выводиться только после достижения прогресса в окончательном урегулировании приднестровского конфликта.

К середине 2000-х годов ситуация начинает радикально меняться, что было связано с несколькими ключевыми событиями и процессами. Республика Молдова стала превращаться в зону геополитической конкуренции России и коллективного Запада, одним из первых проявлений которой стала ситуация вокруг т. н. «Меморандума Козака». Данный документ, появившийся во многом как ответ Москвы на предложение Брюсселя о замене российских миротворцев на международный контингент, предполагал создание «асимметричной федерации» и размещение исключительно российских миротворцев в регионе до 2020 года. Этот план был воспринят политической и интеллектуальной элитой Молдовы как инструмент подчинения страны интересам России. В итоге молдавский президент Воронин в ноябре

¹⁴⁹ Меморандум об основах нормализации отношений между Республикой Молдова и Приднестровьем, polit.ru/article/2006/03/23/memorand/

¹⁵⁰ Российское военное присутствие в регионе имеет две составляющие. Во-первых, это миротворческие войска, присутствующие в регионе на основании заключенного в 1992 году российско-молдавского соглашения об урегулировании конфликта. Во-вторых, это войска и вооружения бывшей 14-й советской армии, не имеющие юридического статуса и так или иначе подлежащие выводу.

¹⁵¹ Соглашение между Республикой Молдова и Российской Федерацией о правовом статусе, порядке и сроках вывода воинских формирований Российской Федерации, временно находящихся на территории Республики Молдова, www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-309/48270

2003 года отказался подписывать «Меморандум Козака», что привело к ухудшению российско-молдавских отношений. В 2005–2006 годах Москвой впервые был введен запрет на импорт молдавских вин, что нанесло серьезный ущерб винодельческой отрасли Молдовы. Постепенно применение торгово-экономических ограничений со стороны России стало нормой. В этом кроется одна из главных причин распространения в Кишиневе убеждения в том, что Москва не полностью признает независимость Молдовы и готова к оказанию политического и экономического давления для реализации собственных интересов.

В то же время усиление влияния ЕС и США было воспринято в Молдове с большой надеждой. Еще при Воронине интеграция в Европу, пусть и только на декларативном уровне, стала репрезентироваться в качестве национальной идеи. Молдавские элиты, ощущавшие отсутствие поддержки со стороны Запада на протяжении всех 1990-х годов, начали воспринимать присутствие ЕС и США в регионе как главный внешнеполитический ресурс. С его помощью, как считали многие политики и публичные интеллектуалы, помимо многого другого, можно было бы добиться реинтеграции страны, причем без каких-либо уступок Тирасполю и Москве.

Президент Воронин, лидер Партии коммунистов, выступал в начале 2000-х годов за участие Молдовы в Союзе России и Беларуси, а также за предоставление русскому языку статуса официального. После же выборов 2005 года, когда Москва после срыва подписания «Меморандума Козака» демонстративно не поддерживала кандидатуру Воронина, он вошел в коалицию с унионистской Христианско-демократической народной партией. Его главный оппонент – мэр Кишинева Серафим Урекян – выступил с еще более радикальными лозунгами (выход Молдовы из СНГ, вывод российских миротворцев, объявление курса на интеграцию в ЕС и НАТО и т. д.)¹⁵². Таким образом, молдавская политика постепенно проникалась антироссийскими настроениями.

Вскоре стало очевидным влияние этих событий на память о конфликте. 2 марта 2006 года президент Молдовы, предпочитавший встречаться с ветеранами Второй мировой или Афганской войн, впервые за свое президентство посетил митинг, посвященный 14-й годовщине начала вооруженного конфликта на Днестре. В своей речи он заявил: «Сегодня уже ясно, что военные действия были спланированы силами, чуждыми национальным интересам, а главная цель режима,

¹⁵² Ярцев И. Самый христианский коммунист, politcom.ru/868.html

„экспортированного“ в восточные районы Республики Молдовы, состоит в подрыве любыми средствами власти в государстве»¹⁵³.

В июле 2005 года молдавский парламент принял закон «Об основных положениях особого правового статуса населенных пунктов левобережья Днестра (Приднестровья)». Данный документ, по сути, до сих пор является для Молдовы законодательной основой для урегулирования конфликта, подразумевая, что приднестровский вопрос должен решаться по гагаузскому сценарию¹⁵⁴. Однако в рамках своего специального постановления парламент Молдовы выдвинул при этом ряд условий о скорейшем выводе российских войск, реформировании военной миссии в гражданскую, расформировании министерства госбезопасности Приднестровья, реформе судебной системы региона, допуске молдавских партий к участию в его политической жизни и т. д.¹⁵⁵ Эти требования замораживали процесс урегулирования на неопределенный срок.

Еще одним примечательным документом того периода является принятая в конце 2007 года парламентом Молдовы «Национальная стратегия развития на 2008–2011 годы». В ней говорится, что «в сфере безопасности главной угрозой является иностранное военное присутствие на территории Республики Молдова (в левобережных районах Днестра), которое подрывает статус нейтралитета Молдовы, установленный в Конституции, а также существование военизированных формирований в регионе»¹⁵⁶.

Позднее президент Воронин попытался смягчить этот жесткий подход, видя неготовность Брюсселя предоставить Кишиневу какие-либо гарантии возможного членства в ЕС и слишком большие экономические потери от российского винного эмбарго. В итоге Воронин вернулся к идее «стратегического партнерства» с восточным соседом. В 2008 – начале 2009 года он активизировал переговоры с Москвой, пытаясь договориться о воссоединении с Левобережьем. Однако эти попытки

¹⁵³ Глава государства принял участие в митинге, организованном по случаю 14-й годовщины начала вооруженного конфликта на Днестре, <https://point.md/ru/novosti/politika/glava-gosudarstva-prinyal-uchastie-v-mitinge-organizovannom-po-sluchayu-14-j-godovschini-nachala-vooruzhennogo-konflikta-na-dnestre>

¹⁵⁴ Закон № 173 от 22.07.2005 «Об основных положениях особого правового статуса населенных пунктов левобережья Днестра (Приднестровья)», lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=313004&lang=2

¹⁵⁵ Постановление № 117 от 10.06.2005 «Об инициативе Украины по урегулированию приднестровского конфликта и мерах по демократизации и демилитаризации приднестровского региона», lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=307472&lang=2

¹⁵⁶ Закон № 295 от 21.12.2007 «Об учреждении Национальной стратегии развития на 2008–2011 годы», lex.justice.md/ru/326734/

ни к чему в итоге не привели. Воронин уже утратил доверие как в Москве, так и в Тирасполе. Да и ожидания в Приднестровье были гораздо выше тех, которые молдавский президент мог удовлетворить, без угрозы быть обвиненным в предательстве «национальных интересов».

РЕСПУБЛИКА МОЛДОВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ОБРАЗ КОНФЛИКТА КАК ЭПИЗОДА ИМПЕРСКОЙ ПОЛИТИКИ

В апреле 2009 года в Молдове произошла «Твиттер-революция», приведшая к власти партии, позднее сформировавшие «Альянс за европейскую интеграцию». Это было новое поколение политической элиты Молдовы. Если первые президенты Молдовы – Мирча Снегур, Петр Лучинский и Владимир Воронин – являлись выходцами из советской партийной номенклатуры, были связаны с Приднестровьем по рождению (как Воронин) или по прошлой работе и имели хорошие связи в Москве, то молдавские политики 2010-х годов не имели такого багажа. Они учились в Кишиневе и Бухаресте и сделали карьеру в политике или бизнесе уже в независимой Молдове. Даже у Игоря Додона, главного оппонента «роевропейских» партий, нет какой-либо личной связи с Москвой или Тирасполем.

Казалось бы, правительство Влада Филата, сформированное Альянсом, пришло к власти с прагматичными лозунгами, объявив своим приоритетом интеграцию в ЕС, а также выстраивание отношений стратегического партнерства с Евросоюзом, Румынией, Украиной, Россией и США¹⁵⁷. Однако весьма быстро выяснилось, что различные партии Альянса пытаются продвигать свою повестку, стремясь к увеличению собственных электоральных ресурсов.

Унионистская Либеральная партия во главе с Михаем Гимпу особое внимание уделяла исторической политике. Будучи и. о. президента, Гимпу подписал в 2010 году указ об объявлении 28 июня «Днем советской оккупации». Именно в этот день в 1940 году советские войска вошли в Бессарабию, после того как ее покинули румынские войска¹⁵⁸. Акцент на исторической политике, но с противоположным знаком, делала и пребывавшая теперь в оппозиции Партия коммунистов. Защищая позитивную версию памяти о советском прошлом, коммунисты предпочитали вспоминать не о репрессиях или оторванности

¹⁵⁷ Programul de activitate al Guvernului Republicii Moldova «Integrarea Europeană: Libertate, Democrație, Bunăstare», 2009–2013, <http://www.austria.mfa.md/img/docs/programul-activitate-guvernului.pdf>

¹⁵⁸ Молдавия отметит 28 июня День советской оккупации, www.bbc.com/russian/russia/2010/06/100625_moldova_soviet_occupation.shtml

от «матери Румынии», но о «Дне Великой Победы», расцвете молдавской промышленности и сельского хозяйства.

Обе партии активно использовали историческую политику, играя на расколе молдавского общества. Лидер Либерал-демократической партии и премьер-министр Влад Филат попытался примирить два противоборствующих дискурса. В 2010 году глава правительства в канун праздника 9 мая пригласил к себе группу ветеранов, воевавших как в румынской, так и в советской армии, предложил им простить друг друга и всем вручил одинаковые кресты¹⁵⁹. Аналогичное по смыслу мероприятие было проведено и 9 мая 2011 года¹⁶⁰.

Однако со временем и ему пришлось сделать выбор между двумя позициями. В частности, Филат заявил о том, что считает государственным языком не молдавский, а румынский¹⁶¹. 28 июня 2010 года премьер возложил цветы к мемориальному камню в память жертв депортаций, отметив, что считает необходимым почтить жертв сталинского режима¹⁶². А в 2011 году, в канун 9 мая, Лиλιана Палихович, вице-спикер парламента от партии Филата, заявила, что георгиевская лента не соответствует молдавским национальным традициям. Ее заявление вызвало большой скандал и гневные отповеди сторонников «Великой Победы»¹⁶³.

Что касается конкретно приднестровского конфликта, то и в этом случае был сделан значимый шаг. В 2010 году молдавский парламент объявил 2 марта официальным «Днем памяти погибших в вооруженном конфликте 1992 года по защите целостности и независимости Республики Молдова и жертв этого конфликта».

Все эти исторические баталии привели к формированию негативного отношения Москвы к правящему в Молдове парламентскому большинству. Положение вряд ли могли поправить визит Влада Филата в Россию и его подписи под соглашением 2011 года о «Зоне свободной торговли в СНГ». Но окончательно отношения испортились после заключения Молдовой согла-

¹⁵⁹ 9 мая разделило общество и политиков Молдавии, goo.gl/i1jh8j

¹⁶⁰ Власть Молдовы приняла участие в памятном митинге, посвященном Дню Победы 9 Мая, <http://ru.interlic.md/2011-05-09/vlasti-moldovy-prinjali-uchastie-v-pamjatnom-mitinge-posvjacshennom-dnju-pobedy-9-maja-20975.html>

¹⁶¹ Филат за румынский язык в Конституции, www.vedomosti.md/news/Filat_Za_Rumynskii_Yazyk_V_Konstitutsii

¹⁶² Премьер-министр Влад Филат возложил цветы к мемориальному камню в память жертв депортаций, <http://www.allmoldova.com/ru/news/premier-ministr-vlad-filat-vozlolzhl-cvety-k-memorialnomu-kamnyu-v-pamyat-zhertv-deportacij>

¹⁶³ Вице-спикер парламента от ЛДПМ отказалась принести извинения за свои слова о том, что Георгиевская ленточка чужда молдавским традициям, moldnews.md/rus/news/36611

шения об ассоциации с ЕС. Москва отреагировала введением эмбарго на поставки вин, фактическим исключением Кишинева из зоны свободной торговли СНГ с соответствующим повышением таможенных пошлин на ключевые товары молдавского экспорта, а также «заморозкой» приднестровского урегулирования. Кишинев, в свою очередь, ответил избирательными запретами на въезд в Молдову журналистов российских государственных СМИ, прокремлевских экспертов и, что особенно важно, нескольких десятков российских военнослужащих, направлявшихся на ротацию в Приднестровье. Негативно повлияли на отношения также украинский кризис и резкое обострение отношений между Россией и Западом.

Вместе с тем именно правительство Филата добилося серьезных результатов в приднестровском урегулировании. С одной стороны, при нем началось официальное чествование «национальных героев», воевавших в 1992 году за целостность Молдовы. Его правительство регулярно делало заявления о необходимости вывода российских войск из Приднестровья в соответствии со «Стамбульскими обязательствами» 1999 года. Однако, с другой стороны, Филат понимал значимость урегулирования приднестровской проблемы для европейской интеграции Молдовы. Для продвижения в этом направлении он воспользовался хорошими личными отношениями с лидером Приднестровья Евгением Шевчуком, а также «Мезебергским меморандумом» России и Германии 2010 года, предполагавшим углубление российско-европейского диалога на основе прогресса в урегулировании приднестровского конфликта¹⁶⁴. Отложив геополитические споры, Кишинев и Тирасполь договорились о возобновлении железнодорожного сообщения и далеко продвинулись в диалоге о других мерах доверия. Однако ухудшение российско-молдавских отношений на фоне сближения Молдовы с ЕС привело к сворачиванию диалога между двумя берегами Днестра.

После ареста Влада Филата в октябре 2015 года и продолжительной внутривластной нестабильности к власти в Кишиневе в январе 2016 года пришла Демократическая партия, лидером которой является олигарх Влад Плахотнюк. Поначалу Демпартия так же заявила о приоритете европейской интеграции Молдовы, при одновременном сохранении отношений с Россией. Однако новые молдавские власти так и не договорились с Москвой, решившей сделать ставку на Иго-

¹⁶⁴ German Diplomacy Tilts Toward Russia On Transnistria Negotiations, www.moldova.org/en/german-diplomacy-tilts-toward-russia-on-transnistria-negotiations-221612-eng/

ря Додона, лидера Партии социалистов, избранного в конце 2016 года президентом. В ответ Демпартия воспользовалась дискурсом «российской угрозы», для преодоления негативного отношения со стороны Запада и проевропейского электората в Молдове к попыткам любыми способами остаться у власти после очередных парламентских выборов. В том числе за счет изменения в свою пользу избирательного законодательства.

Кульминацией сюжета о «российской угрозе» явились высылка пяти российских дипломатов и объявление вице-премьера России Дмитрия Рогозина, курирующего молдавское направление, персоной нон грата. Эти события произошли в мае и августе 2017 года соответственно. Причем жест с запретом на въезд Рогозину, направлявшемуся в Приднестровье на празднование 25-летия миротворческой операции России на Днестре, можно считать символичным. Фактически впервые Кишинев открыто запретил московским политикам без предварительного согласования участвовать в каких-либо мероприятиях в Приднестровье. В этой связи молдавское правительство выпустило 28 июля 2017 года специальное заявление, посвященное 25-летию прекращения военных действий на Днестре. В нем, в частности, сказано, что российская «миротворческая операция, которую некоторые восхваляют, превратилась в фактор заморозки приднестровского конфликта, поскольку предвзятое отношение и симпатии российских миротворцев к сепаратистскому режиму в Тирасполе очевидны»¹⁶⁵.

Соответственно, главным препятствием для разрешения приднестровского конфликта в современном молдавском дискурсе считается российское военное присутствие. Пока российские войска, вооружения и миротворцы размещены в Молдове, ни о каком урегулировании, по мнению молдавской стороны, не может быть и речи. А так как Россия не собирается уходить из региона, то, по мнению молдавских экспертов, это означает, что приднестровский конфликт неразрешим даже в долгосрочной перспективе. Кишиневу остается только проводить демократические реформы, сближаться с Евросоюзом, чтобы повысить свою привлекательность для жителей Левобережья¹⁶⁶. Любые переговоры об «особом статусе» или «федерации» считаются пагубными для национальных интересов Республики Молдова.

В итоге на сегодняшний момент в Молдове сформировались

¹⁶⁵ Комментарий правительства Республики Молдова к 25-летию прекращения военных действий на Днестре, moldpres.md/ru/news/2017/07/28/17005870

¹⁶⁶ Октавиан Цыку: Приднестровский конфликт не имеет решений в долгосрочном плане, ipn.md/ru/dosar-transnistrean/82498

политические предпосылки для доминирования в публичном пространстве дискурса о приднестровском конфликте как эпизоде имперской политики России. В Кишиневе этот дискурс существовал уже в 1990-х годах, но область его распространения ограничивалась академическим и образовательным пространством. Так, в изданном в 1997 году учебнике «Современная история румын» (а именно такой курс национальной истории изучался и изучается в кишиневских учебных заведениях) сказано следующее:

«Парад суверенитетов, который распространился по СССР после августовского путча, на время парализовал российские власти. Но чуть позже империя начала возвращаться, выбрав себе несколько ключевых стратегических пунктов – Нагорный Карабах, Абхазию, Южную Осетию, прибалтийские страны, Молдову и др., – и начала действовать, используя пришлое население, в первую очередь русских. Настроить русскоязычное население против национального освободительного движения не представляло для Москвы большого труда... Русское население не могло психологически принять утраты своего главенствующего статуса, в особенности в экономической сфере... В Молдавской ССР в 1984 году только 8,6% директоров промышленных предприятий были молдаванами»¹⁶⁷.

Схожие рассуждения можно найти и в изданном в 2013 году учебном пособии «История румын и всеобщая история»:

«Помимо геополитических соображений, развязывание конфликта в Приднестровье имело большие эмоциональные и психологические составляющие, которые привели к вмешательству проимперских сил, особенно во время вступления Республики Молдова в ООН... Проевропейская ориентация внешней политики Республики Молдова в первый год независимости и намерения ее руководства быть на равных в СНГ явно раздражали Москву, которая решила прибегнуть к „наказанию“ этой „мятежной“ республики»¹⁶⁸.

Отличает два нарратива лишь отсутствие во втором упоминания «пришлого населения». Этот геополитический дискурс, который раньше по большей части производился в сфере образования и разделялся только частью политиков и экспер-

¹⁶⁷ Vizer B. (1997), *Istoria contemporana a Romanilor*, Chisinau: Stiinta, p. 141–142.

¹⁶⁸ Мистрянэ Т., Драгнев Д., сост., (2013), *История румын и всеобщая история. Пособие для сдачи экзаменов за гимназический курс*, Кишинев: Civitas, с. 135.

тов, с 2009 года, после прихода к власти Альянса, доминирует в публичной сфере. В его основе лежит убеждение в том, что у приднестровского конфликта были две основные причины.

Первая состояла в том, что русскоязычное население Левобережья составляло большую часть административной элиты Молдавской ССР. В результате «национальное возрождение» 1989–1990 годов было воспринято в регионе не как восстановление «исторической справедливости» в отношении молдаван, которых, как утверждает в рамках официального дискурса, русифицировали и дискриминировали в советской Молдавии. Но, напротив, как процесс, подрывающий их доминирующий статус.

Вторая причина – это желание союзного Центра, а потом и России сохранить контроль над Кишиневом, в том числе с помощью военной, политической и дипломатической поддержки приднестровского сепаратизма. Ион Ставила и Георге Бэлан, высокопоставленные молдавские дипломаты, ответственные за приднестровское урегулирование, полагают следующее:

«Соответствующие обстоятельства были только предлогом для административной номенклатуры с левого берега Днестра, видевшей в складывающихся в то время тенденциях угрозу своему доминирующему положению, для того, чтобы вызвать эскалацию конфликта... Очевидно, что всплывки конфликта на территории „мятежной“ республики были вдохновлены, разжигались и использовались Центром, который был заинтересован в поддержании эффективно контроля над всеми республиками бывшего СССР, с целью помешать их стремлению к суверенитету, свободе и национальному возрождению»¹⁶⁹.

Молдавский исторический мейнстрим склонен рассматривать приднестровский конфликт как эпизод в региональном противостоянии между Россией и Румынией. По этой версии, истоки конфликта восходят к 1791 году, когда российская армия достигла Днестра и начала строительство крепости Тирасполь, ставшей отправной точкой в имперских стратегиях России на Балканах. В 1920-е годы большевики начали создавать «молдавскую нацию» и учредили Молдавскую АССР в составе Украинской ССР. Эта политика проводилась исключительно с целью отвоевания у Румынии Бессарабии. События 1992 года видятся в этом контексте продолжением того, что происходило в 1812 и 1940 годах, частью того же сценария, вызванного желанием России создать плацдарм влияния на Балканы, Румынские княжества, Константинополь.

¹⁶⁹ Stăvilă I., Bălan G. (2010). Conflictul transnistrean: eșecul reglementării unui conflict care poate fi soluționat // Revista Militară. Studii de securitate și apărare, nr. 2(4), p. 5–6.

В рамках молдавского дискурса основными российскими акторами в событиях 1989–1992 годов были Анатолий Лукьянов, председатель Верховного Совета СССР, и депутатская группа «Союз». Принято считать, что они поддерживали приднестровский и гагаузский сепаратизм, чтобы стимулировать Молдову на подписание нового союзного договора. Тирасполь получал также и прямую поддержку от МВД СССР и, позднее, от подразделений расквартированной на Левобережье 14-й армии¹⁷⁰.

В Молдове началом вооруженного конфликта считается 2 марта 1992 года. Данная версия гласит, что в этот день приднестровские гвардейцы и казаки напали на районный отдел полиции в Дубоссарах и разоружили его сотрудников. Принято считать, что это отделение было последним из тех, что контролировались Кишиневом на левом берегу¹⁷¹. Бендерские события в июне 1992 года – основной эпизод войны на Днестре – в большинстве случаев не упоминаются, либо репрезентируются в качестве законной операции по восстановлению конституционного порядка, остановленной открытым вмешательством российской армии¹⁷².

ПРИДНЕСТРОВЬЕ В 1990-Е – НАЧАЛЕ 2000-Х ГОДОВ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ И ОПЫТ ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУССИЙ

В Тирасполе в 1990-е – начале 2000-х годов также надеялись на компромисс с Кишиневом. В своих интервью первый президент самопровозглашенной ПМР говорил о том, что Тирасполь вполне устроила бы модель Татарстана в составе России или Крыма в составе Украины. Приднестровские элиты изначально не были уверены в необходимости строить собственное государство. Первые 10 лет существования Приднестровья Тирасполь лавировал между интересами Кишинева, Киева и Москвы. Поэтому разрыв экономических, инфраструктурных и информационных связей с Молдовой произошел далеко не сразу.

Отказ от амбициозной идеи строительства собственного государства можно объяснить тем, что союзный Центр, к которому Тирасполь апеллировал в ходе конфликта, перестал

¹⁷⁰ Conflictul transnistrean: trecut, prezent, viitor, comentariu de Octavian Țăcu, radiochisinau. <http://radiochisinau.md/conflictul-transnistrean-trecut-prezent-viitor-comentariu-de-octavian-tacu---46681.html>

¹⁷¹ Война между двумя берегами Днестра началась нападением сепаратистских невоенизированных формирований 2 марта 1992 года, <https://point.md/ro/noutati/politika/vojna-mezhdu-dvumya-beregami-dnestra-nachalasi-napadeniem-separatistskih-nevoenizirovannih-formirovanij-2-marta-1992-goda>

¹⁷² Țăranu A., Gribincea M. (2012), Conflictulul Transnistrean: Culegere de documente și materiale (1989–2012) // Introducere, Vol. 1 (1989–1993), p. 24.

существовать. В 1990-е трудно было надеется и на Москву как на надежного геополитического союзника. Игорь Смирнов открыто критиковал Россию за ее позицию в приднестровском конфликте. «Я всегда помню, – утверждал он в своих мемуарах, – как кричал в трубку, когда десятками и сотнями гибли в Бендерах люди: „Сколько еще трупов, сколько трупов вам еще надо, чтобы остановить эту бойню?“ [...] Мне просто обидно за великую Россию, которая может допускать в качестве эксперимента гибель своих сынов и дочерей. И лишь после начинает заниматься миротворческой деятельностью»¹⁷³.

Москва в 1990-е – начале 2000-х годов постепенно выводила свои войска из региона, уменьшив контингент с 10 до 2 тыс. человек и проведя как минимум двукратное сокращение объемов хранящихся на складах в Колбасне вооружений бывшей 14-й армии. Игорь Смирнов пытался бороться с этими сокращениями всеми способами. Он организовывал многочисленные пикеты общественных организаций. Также Смирнов требовал, чтобы Москва, в случае вывода войск, оставила большую часть вооружений приднестровским властям.

В довершение всего, у приднестровских властей произошел масштабный конфликт с командармом 14-й армии генерал-лейтенантом Александром Лебедем, находившимся на службе в Тирасполе в 1992–1995 годах. По всей видимости, это случилось из-за вопроса о том, кто должен был принимать ключевые решения по управлению непризнанной республикой¹⁷⁴. Пока Лебедь был в Приднестровье, о нем и его вкладе в урегулирование конфликта в 1992 году писали следующее: «Исключительную роль в прекращении бендерской бойни, в пресечении агрессии Молдовы сыграл генерал А. И. Лебедь [...] Именно генерал А. И. Лебедь начал разъединение конфликтующих формирований. Его честная, недвусмысленная, четкая и ясная позиция „вооруженного нейтралитета“ показала агрессору, что период безнаказанности закончился»¹⁷⁵. Однако с 1996 года, после отъезда Лебеда из Тирасполя, произошедшего не в последнюю очередь за счет стараний приднестровского руководства, в региональных исторических изданиях его имя начали упоминать лишь мимоходом. Ситуация изменилась только после ухода И. Смирнова с руководящего поста.

¹⁷³ Смирнов И. (2005), Жить на нашей земле, Тирасполь: Литера, с. 80.

¹⁷⁴ Девятков А. (2012), Перед вызовом европеизации: политика России в приднестровском урегулировании, Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, с. 39–42.

¹⁷⁵ Бабилунга Н., Бомешко Б. (1993), Бендеры: расстрелянные, непокоренные, Тирасполь: Приднестровский государственный университет.

Бюст генералу Александру Лебедю, историко-краеведческий музей в Бендерах, июль 2017. Автор: Андрей Девятков.

В официальной приднестровской историографии, в выступлениях приднестровских государственных деятелей доминировала идея о том, как «приднестровский народ» самостоятельно отстоял свою независимость, в противостоянии «агрессии Молдовы»¹⁷⁶. Признавались значительная помощь со стороны казаков, «патриотично» настроенных журналистов из других стран, а также вклад вице-президента России Александра Руцкого в привлечение внимания к войне на Днестре. Роль же России в целом освещалась весьма лаконично. Упомянулось, что Москва подключилась к урегулированию уже в июле 1992 года, когда генерал Лебедь в целях давления на молдавское руководство сделал ряд жестких заявлений. А затем вследствие продолжения перестрелок после подписания соглашения 21 июля принял решение временно, до прибытия военного контингента Миротворческих сил России, ввести свои подразделения на линию разделения войск Молдовы и ПМР в районе г. Бендеры¹⁷⁷.

В условиях, когда Тирасполь мог опираться в основном на собственные силы, вопрос заключался в том, с каких позиций Прид-

¹⁷⁶ См., например: Волкова А. З. Лидер. Глава 6, olvia1.idknet.com/index.php?option=com_content&view=article&catid=67:—qq&id=8820:lider6

¹⁷⁷ Гросул В. Я. (2001), ред., История Приднестровской Молдавской Республики. Т. 2, Ч. 2, Тирасполь: РИО ПГУ, с. 174–175.

нестровье готово вести диалог с Кишиневом. В марте 1993 года стало известно, что парламентские комиссии с обоих берегов Днестра согласовали проект «Основных принципов урегулирования социально-политического конфликта в Приднестровском регионе», по своему содержанию напоминавший гагаузский вариант. Но «Объединенный совет трудовых коллективов» и некоторые другие общественные организации в Приднестровье заняли резко отрицательную позицию в отношении этого документа. Как заявил вице-президент Приднестровья Александр Караман, председатель приднестровской комиссии, разработавшей компромиссный документ, переговорам с Молдовой мешали «сторонники партии войны», которые в «стремлении найти с руководством ПМР точки соприкосновения в мирном урегулировании конфликта видят предательство интересов Приднестровья»¹⁷⁸.

С этого момента приднестровские власти официально придерживались только конфедеративного подхода к разрешению конфликта. По этой логике Молдова сначала должна была признать государственность Приднестровья, и лишь затем два государства могли учредить конфедерацию. Подобный подход усложнил переговоры с Молдовой, но не сделал их менее интенсивными.

Перипетии переговорного процесса напрямую влияли на политику памяти. С одной стороны, в 1990-е годы публичный дискурс формировался вокруг идеи о том, что Кишинев совершил агрессию против «приднестровского народа», а собственная государственность стала инструментом его самозащиты от «румынизирующей» Молдовы. С другой стороны, вследствие того, что мосты в диалоге с Молдовой не сжигались, в приднестровском научно-исследовательском сообществе допускался плюрализм мнений. Так, распространение получила точка зрения на конфликт как на гражданскую войну, развязанную «румынистами», сознательно разжигающими языковой и национальный вопрос, с целью перераспределения власти в Молдове в свою пользу. Авторы, придерживающиеся этой точки зрения, указывали в своих работах на ряд «механизмов торможения» конфликта в Приднестровье. Так, по их мнению, молдаване на фоне усиления прорумынских настроений стремились сохранить свою национальную самобытность, а в ходе конфликта имело место массовое дезертирство из армии Молдовы, указывавшее на нежелание людей воевать. В итоге, считали сторонники идеи «гражданской войны», «румынисты»

¹⁷⁸ Жить в добрососедстве // Днестровская правда, 1993, 14 мая

потерпели поражение и в парламенте Молдовы консолидировались силы «молдавских государственников», что может служить основой для дальнейших переговоров между Тирасполем и Кишиневом¹⁷⁹.

ПРИДНЕСТРОВЬЕ: ПОСТЕПЕННАЯ АБСОЛЮТИЗАЦИЯ ИДЕИ СОБСТВЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

К середине 2000-х годов ситуация стала резко меняться. Президент Молдовы Воронин, не добившись прогресса в урегулировании путем диалога, занял в отношении Приднестровья крайне жесткую позицию. Со ссылкой на обязательство Молдовы перед ВТО Тирасполь лишили в 2001 году собственных таможенных печатей. Это решение не было поддержано Киевом, но было одобрено Москвой. В самом Приднестровье эти действия назвали «экономической блокадой». Новым эпизодом этой «блокады» стало изменение Украиной таможенного режима для приднестровского экспорта, который с марта 2006 года должен оформляться в молдавской таможне.

Таким образом, Кишинев начал проводить политику постепенного перевода всей внешней торговли Приднестровья под свою юрисдикцию. Сегодня в качестве нормативной основы применяется соглашение об ассоциации Молдовы с ЕС, в рамках которого Приднестровье рассматривается как часть Республики Молдова, и на нее должны распространяться соответствующее таможенное регулирование, система сертификации товаров и т.д. Кишинев совместно с Киевом устанавливают совместные таможенно-пограничные посты на приднестровском участке украино-молдавской границы. С помощью этих постов Молдова рано или поздно сможет контролировать весь приднестровский импорт и мобильность населения. А, в конечном итоге – всю приднестровскую систему коммуникаций с внешним миром. В Тирасполе эти действия рассматриваются как враждебные. Другим важным аспектом является политика России, которая после провала подписания «Меморандума Козака», ухудшения российско-молдавских отношений и активизации ЕС и США в регионе стала рассматривать Днестр как собственный геополитический фронтир. Особенно политизировался в России вопрос об «экономической блокаде» Приднестровья в марте

¹⁷⁹ Шорников П. (2003), Приднестровье в контексте гражданского конфликта в Молдавии: взгляд из Кишинева // Феномен Приднестровья, Тирасполь: РИО ПГУ им. Т. Г. Шевченко, 187–226; Бомешко Б. (2007), Молдово-приднестровский конфликт и политическое противостояние в Республике Молдова (1989–1992 гг.) // Бабилюнга Н., Бомешко Б., Шорников П. (2007), Государственность Приднестровья: история и современность, Тирасполь: Полиграфист, 145–177.

2006 года. Москва даже отправила в регион гуманитарный конвой из 24 грузовиков¹⁸⁰. С 2008 года Россия перечисляет в Приднестровье финансовые средства, направляемые, в первую очередь, на доплаты приднестровским пенсионерам. Кроме этого, Приднестровье уже с 2008 года полностью прекратило платить «Газпрому» за поставляемый газ. В итоге, как и Молдова в отношениях с Западом, Приднестровье почувствовало возросшую внешнюю поддержку.

Приднестровье, Тирасполь, июль 2017 г. Автор: Сергей Румянцев

Под влиянием этих событий позиция Тирасполя стала более жесткой. В сентябре 2006 года приднестровские власти организовали референдум, по результатам которого практически все принявшие в нем участие жители региона ответили положительно на вопрос «Поддерживаете ли Вы курс на независимость Приднестровской Молдавской Республики и последующее свободное присоединение Приднестровья к РФ?». Результаты этого референдума репрезентируются приднестровскими властями в качестве окончательного решения «приднестровского народа». Никакого общего государства с Молдовой Тирасполь строить не будет, а сам регион является частью «русского мира» и рано или поздно станет субъектом Российской Федерации.

В публичном пространстве в Приднестровье по этому вопросу наблюдается полный консенсус и уже более 10 лет не происходит никаких значимых дискуссий. Ни один приднестровский

¹⁸⁰ Помощь прибыла в Приднестровье, www.vesti.ru/doc.html?id=77005&tid=34149

политик не может сегодня поставить под сомнение «курс на независимость и вхождение в РФ». В 2015 году президент Приднестровья Евгений Шевчук даже сделал заявление, что Молдове и Приднестровью лучше пойти по пути «цивилизованного развода»¹⁸¹. Нынешний глава Приднестровья Вадим Красносельский, в свою очередь, подтвердил верность этой трактовке «приднестровской идеи».

Политический сдвиг предопределил и существенные перемены в политике памяти в Приднестровье. В этой связи примечательно следующее высказывание Анны Волковой, известного приднестровского общественно-политического деятеля и советника президентов Смирнова и Красносельского, датированное ноябрём 2008 года: «Отдельные авторы исторических исследований сравнительно долгое время применяли термины „гражданская война“, „гражданский конфликт“ либо „Днестровская война“. Однако в рамках проведения научно-практической конференции, посвященной 15-летию отражения агрессии Республики Молдова, историки Приднестровья пришли к единому выводу: термин „Днестровская война“ не позволяет определить сторону, виновную в ее развязывании; термин „гражданская война“ неприменим, так как в 1992 году в ПМР имелись все основы государственной власти, существование двух государств было реальностью. Историки квалифицировали происходившее в 1992 г. как вооруженную агрессию Республики Молдова против народа Приднестровской Молдавской Республики. Хронологическими рамками агрессии условились считать 2 ноября 1990 г. – 31 июля 1992 г.»¹⁸².

В настоящее время в Приднестровье доминирует дискурс о сопротивлении Кишиневу как о «справедливой», «народной» войне. Считается, что пришедшие к власти в Кишиневе на волне распада СССР силы не скрывали своего желания присоединить территорию Молдавской ССР к Румынии. Очистить для румын этот регион от «окупантов» и «пришельцев» – «истинных хозяев этой земли». Принимавшиеся законы о государственном языке и национальной символике Молдовы рассматриваются как дискриминационные инициативы, подтолкнувшие к конфликту.

В Молдове фактически запрещалось публичное использование любых языков, кроме молдавского (румынского). Сама респуб-

¹⁸¹ Евгений Шевчук предложил Кишиневу цивилизованный развод, point.md/ro/noutati/politica/evgenij-shevchuk-predlozhit-kishinyovu-civilizovannij-razvod

¹⁸² Волкова А. К вопросу о политической фальсификации истории агрессии Республики Молдова против Приднестровской Молдавской Республики // Берил С. И., Галинский И. Н., Благодатских И. М. (2007), Политическая фальсификация истории как барьер на пути демократического реформирования международных отношений на постсоветском пространстве, Тирасполь: Литера, с. 57–58.

лика, несмотря на наличие большого количества русскоязычных граждан, объявлялась «вторым румынским государством» с принятием государственной символики румынского толка. Возможное присоединение к Румынии видится в приднестровском историческом дискурсе как пролог к новой «трагедии», ведь в период Второй мировой войны на этой территории именно «румыно-фашистские захватчики» осуществляли геноцид евреев, цыган, русских и других нерумынских народов, рассматривали молдаван как «людей второго сорта»¹⁸³.

Приднестровские историки считают, что Республика Молдова, осудив пакт Молотова – Риббентропа, фактически лишила себя прав на приднестровскую территорию. В свою очередь, в Приднестровье в 1990 году лишь возродилась государственность, существовавшая с 1924 по 1940 год в виде автономной республики в составе Украинской ССР. Создав Приднестровскую Молдавскую Республику, сохранив молдавский (а не румынский) язык на кириллическом шрифте, Тирасполь как бы содействовал сохранению истинной молдавской нации, вопреки «румынизации» молдаван на правом берегу Днестра¹⁸⁴.

Началом вооруженного конфликта в Приднестровье, так же как и в Молдове, считается 2 марта 1992 года. Но трактовка событий иная. По приднестровской версии, в тот роковой день молдавские полицейские, переодетшись в гражданскую одежду, стреляли из толпы по местным милиционерам и один из них погиб. Эта «провокация» вызвала вспышку «народного гнева». В полночь возмущенные жители Дубоссар собрались на площади у горисполкома и направились к зданию полиции с требованием к молдавским должностным лицам покинуть город. В результате переговоров около 30 полицейских покинули здание¹⁸⁵.

Основной акцент в приднестровском историческом нарративе делается на «Бендерской трагедии», «продемонстрировавшей всему миру геноцидарный характер установленного в Молдове режима». «Трагедия» подтверждает, что разговоры о мире были не чем иным, как «обманом», ведь в ходе полутора месяцев боев за Бендеры погибло около 500 приднестровцев. В их числе

¹⁸³ Бабилюнга Н. История ПМР в кратком изложении // Мацузато К., ред. (2008), Приднестровье в макрорегиональном контексте черноморского побережья, Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University: с. 52–58.

¹⁸⁴ Приднестровская Молдавская Республика – шанс на спасение молдавской нации. Интервью заведующего кафедрой Отечественной истории ПГУ им. Т. Г. Шевченко, профессора Николая Бабилюнга газете «Адевэрул Нистрян», <https://novostipmr.com/ru/news/16-08-16/pridnestrovskaya-moldavskaya-respublika-shans-na-spasenie>

¹⁸⁵ 2 марта 1992 года началась широкомасштабная агрессия Молдовы против Приднестровья, <https://novostipmr.com/ru/news/16-03-02/2-marta-1992-goda-nachalas-shirokomasshtabnaya-agressiya-moldovy>

более 130 мирных жителей¹⁸⁶.

Оценка российского вмешательства в конфликт остается неоднозначной. С одной стороны, приднестровский нарратив критически относится к роли советского руководства эпохи позднего Михаила Горбачева. Как и к миротворческим усилиям России вплоть до начала июня 1992 года, когда процессом управляли министр иностранных дел Андрей Козырев и главком 14-й армии Юрий Неткачев. Их критикуют за нерешительность и фактически поддержку Молдовы. С другой стороны, современные приднестровские историки всё чаще освещают роль России в остановке вооруженного конфликта 1992 года. Отмечают, что официальная Россия не только заняла позицию «вооруженного нейтралитета» и жесткими заявлениями принудила Молдову к миру. Но был предпринят и ряд более серьезных мер, остановивших войну. В частности, предупредительное развертывание 14-й армии, демонстрация силы, нанесение превентивных точечных ударов¹⁸⁷.

Политики и историки не забывают упоминать и роль «народного ополчения», но в то же время подчеркивают, что мир на Днестре был установлен и сохраняется благодаря российским миротворцам. В итоге, как утверждают сегодня в Приднестровье, единственная гарантия мира состоит в том, чтобы российские миротворцы оставались в регионе «навсегда».

ГОСУДАРСТВО И ПРАКТИКИ КОММЕМОРАЦИИ КОНФЛИКТА

За 25 лет после окончания вооруженного конфликта на обоих берегах Днестра сложились свои мемориальные традиции. У них есть как общие черты, так и существенные различия. На обоих берегах Днестра историческая политика находится под контролем властей. Какие-либо оппозиционные силы или общественные организации не пытаются предлагать альтернативные интерпретации событий 1989–1992 годов. Так, в 2017 году в Молдове все политическое руководство страны, включая «пророссийского» президента Додона, 2 марта принимало участие в церемонии возложения цветов на мемориальном комплексе «Вечность»¹⁸⁸.

¹⁸⁶ Воспоминания о Бендерской трагедии, <https://novostipmr.com/ru/news/13-06-18/vospominaniya-o-benderskoj-tragedii>

¹⁸⁷ Бомешко Б. (2017), 19 июня 1992 г. // Приднестровский университет. Война и мир на Днестре: 25 лет миротворческой операции в Приднестровье, № 11–12, с. 3.

¹⁸⁸ Руководство страны возложило цветы в память о жертвах приднестровского конфликта (ФОТО), <http://golos.md/rukovodstvo-strany-vozlozhilo-cvety-na-memoriale-vechnost-v-pamyat-o-zhertvah-voyny-na-dnestre-foto---88667.html>

Комплекс «Вечность» (Eternitate), первоначально сооруженный как мемориал Победы. Кишинев, июль 2017. Автор: Сергей Румянцев

Пожалуй, некоторую альтернативу официально молдавскому дискурсу представляет лишь часть ветеранов приднестровского конфликта, считающих, что они боролись не столько за независимость Молдовы, сколько за «воссоединение румынского народа»¹⁸⁹. Но многие из этих людей переехали в Румынию, занимали там государственные должности, утратив возможность оказывать существенное влияние на молдавскую политику.

Ежегодно в дни официальных памятных дат можно наблюдать ставший уже привычным набор коммеморативных ритуалов, утвержденных властью¹⁹⁰. В обязательную коммеморативную программу входит церемония с участием высокопоставленных чиновников и ветеранов, возлагающих цветы к мемориалам, зажигающих свечи и произносящих речи. Эти мероприятия проходят как в столицах (Кишиневе и Тирасполе), так и в муниципалитетах, а также в местах, где происходили боевые действия. В каждой такой церемонии участвуют, как правило, несколько сотен человек. В Молдове 2 марта 2017 года такого рода памятные мероприятия с участием ветеранов, действующих сотрудников полиции и военнослужащих, глав муни-

¹⁸⁹ См., например: Munteanu A. (2014), *Eroii de la Nistru*, Bucuresti: Favorit.

¹⁹⁰ См., например: План мероприятий, посвященных 25-летию со дня начала боевых действий по защите территориальной целостности и независимости Республики Молдова. Приложение № 2 к Постановлению Правительства № 79 от 15 февраля 2017 г., lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=368937&lang=2

ципальных образований прошли в Кишиневе (где участники митинга вышли с портретами погибших в конфликте комбатантов)¹⁹¹, а также в Бельцах, Сороках, Каушанах, Теленештах и других городах.

Кроме церемоний и митингов, на обоих берегах Днестра в памятные дни принято организовывать богослужения, мероприятия с раздачей орденов и медалей, научно-практические конференции, посвященные приднестровскому конфликту, встречи с ветеранами в школах, небольшие выставочные экспозиции. Все эти события активно освещаются СМИ¹⁹².

В Приднестровье по телевидению транслируются регулярно обновляемые документальные фильмы о конфликте. Содержательно они построены либо вокруг воспоминаний участников событий и родственников погибших «защитников Приднестровья»¹⁹³, либо представляют собой развернутый идеологический нарратив о сопротивлении Приднестровья «румынизирующей» Молдове. Президенту Мирче Снегуру приписываются намерения «стереть Дубоссары с лица земли и посеять на этом месте кукурузу». Проводятся обязательные параллели с сопротивлением фашизму в годы Второй мировой войны и т. д.¹⁹⁴ В Молдове документального визуального нарратива гораздо меньше. Лишь в честь 20-летия приднестровского конфликта государственный телеканал «Молдова 1» снял часовой документальный фильм¹⁹⁵.

В Тирасполе и Кишиневе распространен жанр фотографических альбомов, посвященных приднестровскому конфликту. В 2017 году в Молдове переиздали альбом «В память героев, погибших в боях на Днестре», посвященный 300 погибшим в конфликте комбатантам. Издание альбома поддерживало «Бюро по реинтеграции» Правительства Республики Молдова¹⁹⁶. На Левобережье альбомы издаются гораздо чаще. Если во времена

¹⁹¹ 25 de ani de amintiri dureroase! EROII căzuți în războiul de pe Nistru au fost comemorați azi cu solemnitate - GALERIE FOTO, VIDEO, <http://radiochisinau.md/25-de-ani-de-la-razboiul-de-la-nistru-a-fost-lansat-albumul-in-memoria-eroilor-cazuti-in-luptele-de-la-nistru---46575.html>

¹⁹² В Молдове в осуществление политики памяти наиболее активно вовлечены государственные СМИ, а также ресурсы, нацеленные на правую, в том числе унионистскую, аудиторию. Левые СМИ, близкие Игорю Додону, более сдержанны и воспроизводят скорее прежний дискурс о едином, но разделенном народе, который обязательно должен воссоединиться. В Приднестровье медийный дискурс гораздо более гомогенен.

¹⁹³ Документальный фильм «Бендерская трагедия. В июне 92-го» – 19/06/16, tv.pgtrk.ru/show/1405/44917

¹⁹⁴ Документальный фильм «Война и мир на Днестре», tv.pgtrk.ru/news/20170618/58268

¹⁹⁵ Războiul de pe Nistru | Documentar, www.youtube.com/watch?v=kItNu6QOlyw

¹⁹⁶ 25 de ani de la războiul de la Nistru | A fost lansat albumul «În memoria eroilor căzuți în luptele de la Nistru», radiochisinau.md/25-de-ani-de-la-razboiul-de-la-nistru-a-fost-lansat-albumul-in-memoria-eroilor-cazuti-in-luptele-de-la-nistru---46575.html

Игоря Смирнова эти издания были наполнены в первую очередь фотографиями трупов погибших от «агрессии Молдовы»¹⁹⁷, то со временем они стали гораздо более разнообразными. В них стало больше других фотографий, изображающих повседневность и завершение войны (лица ополченцев, бегство мирных жителей из зоны боев, прибытие миротворцев и т.д.)¹⁹⁸.

Что касается официальных памятных дат, то между двумя берегами Днестра есть одно существенное отличие. В Молдове с приднестровским конфликтом связана только одна дата – 2 марта. День в 1992 году, когда произошел инцидент в Дубоссарах. Официально она была установлена только в 2010 году, получив название «День памяти погибших в вооруженном конфликте 1992 года по защите целостности и независимости Республики Молдова и жертв этого конфликта»¹⁹⁹. Таким образом, все мероприятия, связанные с коммеморацией конфликта, происходят на Правобережье один день в году.

В Приднестровье официальных дней памяти несколько. До 2017 года официально отмечались «День памяти и скорби по погибшим в городе Бендеры» (19 июня) и «День памяти погибших и умерших защитников Приднестровской Молдавской Республики» (1 августа). В 2017 году указом президента Красносельского к этим датам был добавлен «День начала отражения широкомасштабной агрессии Республики Молдова против Приднестровской Молдавской Республики» (2 марта)²⁰⁰. Ранее эта дата отмечалась неофициально. Учитывая, что 2 марта – это памятная дата и для Молдовы, своим решением приднестровские власти окончательно противопоставили свою версию памяти – молдавской. Причины этого следует искать в обострении отношений и желании подчеркнуть дистанцию между «миролюбивым» Приднестровьем и «агрессивной» Молдовой. Кроме этого, практически ежегодно в Приднестровье отмечаются и разные годовщины. Например, в 2017 году отмечалась «25-я годовщина ввода миротворческих сил Российской Федерации в Приднестровье» (29 июля).

¹⁹⁷ См., например: Бабилунга Н. В., Бомешко Б. Г., сост., (1993), Дубоссары. Кровоточащая рана Приднестровья, Тирасполь: Типар.

¹⁹⁸ См., например: Паламарь А., сост., (2012), Приднестровская война. История в иллюстрациях, Тирасполь.

¹⁹⁹ Постановление № 17 от 26.02.2010 «О внесении дополнений в Постановление Парламента о праздничных днях и днях отдыха в Республике Молдова № 433-ХІІ от 26 декабря 1990 года», lex.justice.md/ru/333881/

²⁰⁰ Указ № 128 от 18.02.2017 «О внесении дополнения в Указ Президента Приднестровской Молдавской Республики от 19 января 2017 года № 41 „О подготовке и проведении в 2017 году мероприятий, посвященных государственным праздникам и памятным датам Приднестровской Молдавской Республики“», pravo.pmr-online.com/View.aspx?id=AobFх3уeP5bWznX4gxI5QA%3d%3d

МЕСТА ПАМЯТИ

Основные места памяти и проведения церемоний в Молдове и в Приднестровье – это мемориальные комплексы. Кишиневский и тираспольский мемориалы схожи по своему дизайну. Оба размещены на территории советских мемориальных комплексов, посвященных Великой Отечественной войне. В центре композиции располагается скульптура «скорбящей матери». На специальных плитах выгравированы имена погибших участников боевых действий. Отличительная особенность приднестровского мемориала – наличие могил «защитников Приднестровья», а также отдельных мужских скульптур война-афганца и «защитника Приднестровья», располагающихся по обе стороны от «скорбящей матери».

Кроме тираспольского мемориала, в Приднестровье было установлено несколько аналогичных комплексов в Дубоссарах²⁰¹ и Бендерах (с установленным в 2012 году бюстом А. Лебеда). Именно в этих городах велись основные боевые действия. В 2017 году был открыт мемориал в Рыбнице²⁰². В Молдове, помимо столичного мемориала, был сооружен только один масштабный комплекс возле села Кочиеры, открытый в 2011 году²⁰³.

Кроме общенациональных мемориалов, существуют и другие памятные сооружения. В июле 2017 года был открыт монумент в молдавском селе Чоара, посвященный двум его погибшим жителям – С. Андрееву и О. Шеремету²⁰⁴. В ходе мероприятий возлагаются цветы на кладбищах, где захоронены погибшие комбатанты. В городе Бендеры на Борисовском кладбище есть отдельная Аллея героев, посещаемая ежегодно 1 августа. В тех же Бендерах установлен памятник сотрудникам Бендерского УВД, каждый год 1 апреля становящийся центром официальных мероприятий. По всему Приднестровью в память о погибших казаках установлены многочисленные кресты. Делегации казаков регулярно посещают регион с целью почтить память погибших.

²⁰¹ По местам воинской славы: Дубоссары, <https://novostipmr.com/ru/news/15-05-08/ro-mestam-voinskoj-slavy-dubossary>

²⁰² Вадим Красносельский принял участие в церемонии открытия рыбницкого Мемориала Славы защитникам Отечества, <http://president.gospmr.org/press-sluzhba/novosti/vadim-kranoseljskiy-prinyal-uchastie-v-tseremonii-otkritiya-ribnitskogo-memoriala-slavi-zaschitnikam-otechestva.html>

²⁰³ Monument în cinstea eroilor la Cocieri, www.army.md/?lng=2&action=show&cat=122&obj=802#.WYEaH4TjyIU

²⁰⁴ Nu și-au uitat eroii. Monument dedicat eroilor ucși în războiul de la Nistru, www.prime.md/ro/nu-si-au-uitat-eroii-monument-dedicat-eroilor-ucisi-in-razboiul-de-la-nistru_58568.html

Памятник погибшим «защитникам Приднестровья» – «Скорбящая мать». Тирасполь, июль 2017. Автор: Сергей Румянцев

В 2017 году на обоих берегах Днестра появились яркие монументы с конкурирующими политическими смыслами. В Бендерах – это памятник российским воинам-миротворцам²⁰⁵. В Кишиневе на территории Службы информации и безопасности – памятник героям органов государственной безопасности, «павшим в вооруженном конфликте по защите целостности и независимости Республики Молдова»²⁰⁶.

Музеефикация конфликта на обоих берегах Днестра актуальна в гораздо меньшей степени, чем установка памятников. В Молдове не были созданы постоянные музейные экспозиции. В Приднестровье в 1997 году был открыт Музей Бендерской трагедии. Также в историко-краеведческом музее в тех же Бендерах есть стенды, посвященные генералу Лебедю.

²⁰⁵ Открытие памятника Воинам-Миротворцам, president.gospmr.org/press-sluzhba/novosti/v-benderah-otkrit-pamyatnik-voinam-mirotvortsam.html

²⁰⁶ Павел Филип: Только тот, кто умеет чтить и хранить память, может построить свое будущее, <http://gov.md/ru/content/pavel-filip-tolko-tot-kto-umeet-chtit-i-hranit-pamyat-mozhet-postroit-svoe-budushchee>

УЧАСТНИКИ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ: ВETERАНЫ И ЗАЩИТНИКИ

На обоих берегах Днестра после конфликта появились официально признанные социальные группы комбатантов. Если в Молдове они называются ветеранами, то в Приднестровье – защитниками. Под ветеранами на Левобережье понимаются в основном люди, воевавшие в Великой Отечественной и Афганской войнах.

И в Приднестровье, и в Молдове в дни официальных коммемораций ветераны становятся основными участниками мероприятий. Они же принимают участие в «патриотическом воспитании» молодежи. У них есть собственные некоммерческие организации, занимающиеся их же социальным обеспечением. На левом берегу существует одна ключевая организация – «Союз защитников Приднестровья». В Молдове интересы ветеранов представляют как минимум 36 различных структур²⁰⁷. В Молдове официально говорят о 28 тысячах участников боевых действий, в Приднестровье в Союз защитников входят более 10 тысяч человек²⁰⁸.

Социальный статус комбатантов на обоих берегах далеко не равнозначен. В Приднестровье защитники республики пользуются широким спектром льгот – 50%-ная скидка при оплате услуг ЖКХ, бесплатное обеспечение медикаментами, бесплатное пользование общественным транспортом, первоочередное обеспечение жилплощадью²⁰⁹. Впрочем, количество выделяемых квартир ограничено, и эта проблема далека от решения²¹⁰. Кроме этого, «защитники Приднестровья» из числа пенсионеров получают с 2017 года надбавки в размере 125% к минимальному размеру пенсии. В реальности это около 30 долларов США. Социальные выплаты существуют также для инвалидов войны и родственников погибших²¹¹.

В Молдове ситуация иная. В июле 2012 года «участники боевых действий по защите территориальной целостности и незави-

²⁰⁷ Ион Косташ: Я готов публично встретиться и поспорить с Михаилом Бергманом, <http://www.moldova.org/ru/eksklyuziv-ion-kostash-ya-gotov-publichno-vstretitsya-i-posporit-s-mihailom-bergmanom-229756-rus/>

²⁰⁸ Союз защитников Приднестровья отмечает 20-летие, <https://novostipmr.com/ru/news/14-11-19/soyuz-zashchitnikov-pridnestrovya-otmechaet-20-letie>

²⁰⁹ Для участников боевых действий по защите Приднестровской Молдавской Республики, minsoctrud.gospmr.org/dlya_uchastnikov_boevyih_deystviy_po_zaschite_pridnestrovskoy_moldavskoy_respubliki/

²¹⁰ Проблемы защитников Приднестровья обсудили в Правительстве, tv.pgtrk.ru/news/20170626/58599

²¹¹ Надбавки, повышения, дополнительные пенсии, ef-pmr.org/pensii/nadbavki_povshenia_doppensii/

симости» утратили все ранее полагавшиеся им льготы. Они были заменены ежемесячным пособием – 100 молдавских леев (около 5 долл.) для участников боевых действий. Инвалидам войны полагается сумма – 475–700 леев (около 25–40 долл.)²¹². Ветераны боевых действий в годовщину войны 2 марта часто получают единовременную выплату в размере 1000 леев (около 56 долл.). Обеспечение жильем власти переключают на муниципалитеты, как правило, не обладающие необходимыми финансовыми средствами.

В целом традиции коммеморации конфликта в гораздо большей степени развиты в Приднестровье, являясь, по сути, главным ресурсом для государственного строительства. В Молдове с 2010 года наращиваются усилия, направленные на развитие своей традиции. Но пока единственным памятным днем остается 2 марта, а мест памяти меньше, чем в Приднестровье.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ И «СЛАБЫЕ МЕСТА» КОНФЛИКТНЫХ ДИСКУРСОВ

Если судить из перспективы эффективности официальной идеологии, то политика памяти в целом достигает поставленных целей. В Приднестровье власти добиваются того, что в обществе нет какого-либо видимого сопротивления курсу на отделение от Кишинева. В Молдове, в свою очередь, постепенно формируются общенациональный консенсус и взгляд на то, как необходимо решать приднестровский вопрос.

Согласно опросу, проведенному по заказу газеты *Timpu* в 2017 году, 64% граждан страны видят Приднестровье в составе Молдовы на тех же правах, что и у любого другого района Молдовы. 15% рассматривают возможность предоставления автономии, а 16% – готовы поддержать независимость Тирасполя или его вхождение в Россию²¹³. Однако, согласно опросам для той же газеты, и у идеи федерализации есть существенная поддержка: 34% опрошенных в 2015 году и 43% в 2016 году²¹⁴. Данные Института публичных политик, проводившего опрос в 2017 году, показывают ту же картину: 37% – за или скорее

²¹² Постановление Правительства Республики Молдова № 730 от 02.10.2012 «О внесении изменений, дополнений и признании утратившими силу некоторых постановлений Правительства», lex.justice.md/ru/344918/

²¹³ SONDAJ: 53 la sută dintre moldoveni sunt contra aderării Republicii Moldova la NATO, www.timpul.md/articol/sondaj-53-la-suta-dintre-moldoveni-sunt-contra-aderarii-republicii-moldova-la-nato---doc-106736.html

²¹⁴ Sondaj socio-politic realizat de FOP la solicitarea ziarului «Timpul», ru.scribd.com/doc/305812783/Sondaj-socio-politic-realizat-de-FOP-la-solicitarea-ziarului-Timpul-martie-2016

за федерализацию, 41 % – против или скорее против, 15 % – ни за, ни против²¹⁵.

На первый взгляд, эти данные не дают однозначной картины. Но если вспомнить, что идею федерализации поддерживает президент Игорь Додон, то можно предположить, что именно его электорат выступает за такое решение. Ключевой вопрос относится к модели федерализации. Компромиссная версия Додона, о которой сейчас говорит президент в своих публичных выступлениях, напоминает скорее вариант гагаузской автономии, нежели модель «асимметричной федерации» в соответствии с «Меморандумом Козака».

Можно рискнуть предположить, что относительное большинство граждан Молдовы поддерживает такой сценарий. Но очевидно, что даже эта идея будет сталкиваться с серьезным скепсисом со стороны правого электората, опасющегося того, что Приднестровье останется не интегрированным регионом, постоянно дестабилизирующим внутривнутриполитическую ситуацию. Лидер оппозиционной проевропейской партии PAS Майя Санду поддерживает гагаузский сценарий для Приднестровья²¹⁶. Но известный в республике эксперт Оазу Нантой, часто привлекаемый той же Майей Санду к составлению общих заявлений по Приднестровью, считает, что регион должен быть включен в Молдову не как единое автономное образование, а будучи разделенным на несколько отдельных районов²¹⁷.

Властям Молдовы, резко политизировавшим приднестровский вопрос и роль России в регионе, сейчас никто не бросает серьезного вызова. Наоборот, эта тема является объединяющей для всех основных политических сил в стране. Различие лишь в тональности, но не в сути заявлений. В феврале лидеры проевропейских партий PAS и «Платформа „Достоинство и правда“» совместно с Нантоем и лидером Либерально-демократической партии Виорелом Чиботару приняли совместную «Декларацию в связи с 25-летней годовщиной начала военных действий по защите целостности и независимости Республики Молдова». В ней они выступили за вывод российских войск из Приднестровья и против любых вариантов федерализации страны. Власти они подвергли критике лишь за непрозрачные схемы взаимоотно-

²¹⁵ Barometrul Opiniei Publice – aprilie 2017, http://consulting.md/pic/uploaded/%C8%98tiri/BOP%202017/Magenta_BOP_final_v3_27_apr.pptx

²¹⁶ «Если бы мы были проектом Запада, и он так силен, я должна бы сейчас быть президентом». Интервью NM с Майей Санду, <http://newsmaker.md/rus/novosti/esli-by-my-byli-proektom-zapada-i-on-tak-silen-ya-dolzhhna-by-seychas-byt-prezident-30184>

²¹⁷ Нантой О. Истоки и перспективы разрешения приднестровского конфликта // Матвеев Д. и др., ред. (2009), Молдова – Приднестровье: общими усилиями – к успешному будущему. Переговорный процесс, Кишинев: Cu drag, 52–74, с. 72.

шений с Тирасполем, имея в виду торговлю электроэнергией между двумя берегами и невнимание к социальным нуждам ветеранов конфликта²¹⁸.

В свою очередь, Игорь Додон, несмотря на встречи с президентом Приднестровья Вадимом Красносельским и желание продемонстрировать «добрую волю», поддержал установку совместных украино-молдавских таможенно-пограничных постов на приднестровском участке границы, заявив, что у единой страны должна быть общая граница²¹⁹. Додон также начал пользоваться жесткой риторикой бывшего президента Воронина. По его мнению, независимость Приднестровья выгодна «князькам с левого берега, которые привыкли класть огромные суммы на свои счета в Германии». Они отказываются решать проблемы между Кишиневом и Тирасполем, «потому что проще брать деньги у России и воровать их»²²⁰.

КОНФЛИКТНЫЕ ДИСКУРСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ МИРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Для, казалось бы, герметичных конфликтных дискурсов в Тирасполе и Кишиневе существуют серьезные ограничители, позволяющие надеяться на то, что мирная трансформация конфликта всё-таки возможна.

Во-первых, между простыми жителями с двух берегов Днестра сохраняется достаточно высокий уровень взаимного доверия. Как показывают опубликованные Николаем Цвятковым результаты социологического исследования, проведенного в 2013 году по всей территории бывшей Молдавской ССР, взаимное доверие можно констатировать у 62 % опрошенных жителей Правобережья и у 75 % жителей Левобережья²²¹.

Во-вторых, у Кишинева и Тирасполя есть серьезные материальные ограничители. На обоих берегах Днестра социально-экономическая ситуация не предполагает возобновления вооруженного конфликта. Согласно уже цитировавшемуся опросу

²¹⁸ Declarația comună a Președintelui PPDA, Andrei Năstase, Președintelui PAS, Maia Sandu, Președintelui PLDM, Viorel Cibotaru, și a expertului în problema transnistreană, Oazu Nantoi «Cu privire la comemorarea a 25 de ani de la începutul acțiunilor de luptă pentru apărarea integrității și independenței Republicii Moldova», unpaspentru.md/2017-declaratia-comuna/

²¹⁹ Игорь Додон: «Когда сменится власть, я обещаю, я уже начал переговоры, – ежегодно будет минимум 500 млн – миллиард долларов», www.euroalibera.org/a/interview-igor-dodon-president-moldova-europe-russia-usa-money-plahotniuc-putin-people-elections/28497213.html

²²⁰ Независимость Приднестровья выгодна «князькам» с Левобережья, Западу и унионистам, – Додон, <http://bloknot-moldova.md/news/nezavisimost-pridnestrovyua-vygodna-knyazkam-s-levo>

²²¹ Цвятков Н. (2016), Голос Приднестровья: эхо великой страны, Кишинев: Intellect group, С. 67.

Института публичных политик, среди жителей Правобережья только 11% граждан считают, что разрешение приднестровского конфликта должно входить в тройку приоритетов государственной политики. Для большинства населения Молдовы приднестровский конфликт – это по большей части забытый, неактуальный сюжет.

Кроме этого, у обоих правительств нет средств на перевооружение армий, пришедших за годы после распада СССР в упадок. А внешние игроки не стремятся наполнять регион вооружениями. Кишинев настаивает на том, что российская армия фактически слилась с приднестровской и, постоянно проводя учения, идет на провокации. Однако вряд ли можно утверждать, что расквартированные в Приднестровье российские войска представляют собой полноценный военный контингент и способны вести какие-либо наступательные операции²²². К тому же логистически они полностью отрезаны от России.

В-третьих, на обоих берегах Днестра не существует военизированных групп, оставшихся после конфликта и способных дестабилизировать ситуацию. Ветеранские организации стали играть заметную роль в молдавской политике, однако их активность направлена в социальное русло (восстановление льгот и увеличение пособий)²²³. Кроме того, ветеранское движение серьезно дискредитируется тем, что какую-то часть организаций комбатантов правительство использует в своих целях – для борьбы с оппозицией, продвижения выгодных властям инициатив и т. д.²²⁴

И наконец, в-четвертых, академическое сообщество в Молдове в определенной степени настроено на диалог по конфликту и политике памяти. Многие молдавские аналитики в целом согласны с тем, что приднестровский конфликт стал результатом распада СССР, в ходе которого и Тирасполь, и Кишинев занимали бескомпромиссные, взаимоисключающие позиции. В политике в тот момент возобладали эмоции, а не продуманные действия. Известный молдавский политолог Игорь Боцан заявил в марте 2017 года:

«Для подавляющего большинства сограждан из Приднестровья приднестровский регион и то, что образовалось там, было представлено как последний оплот Советского

²²² Павел Фельгенгауэр: «Россия не бросит Приднестровье, но у нее сейчас более амбициозные планы», www.europalibera.org/a/interview-pavel-felgenhauer-russia-moldova-ukraine-tiraspol-dodon-krasnoselsky-plahotniuc/28623509.html

²²³ Адриана Канду и Павла Филипа освистали на мемориале, point.md/ru/novosti/obschestvo/adriana-kandu-i-pavla-filipa-osvistali-na-memoriale

²²⁴ См., напр., *Şapte asociații de veterani susțin votul uninominal*, www.ipn.md/ro/societate/83544#

Союза, своего рода формула сопротивления против распада Советского Союза. На этой стороне Днестра у нас была волна энтузиазма национального возрождения. Эти два представления были использованы политиками с обоих берегов Днестра, не обязательно злонамеренно, и думаю, что было очень много фобий, которые не были очень хорошо осознаны, и в итоге мы получили то, что сегодня мы называем „замороженным конфликтом“»²²⁵.

Звучат в Молдове и другие умеренные голоса. Так, историк Октавиан Русу в своих статьях весьма обстоятельно анализирует обстоятельства конфликта. По его мнению, масштабный вооруженный конфликт вовсе не был предопределен, ведь еще 18 июня, за день до введения войск в Бендеры, представителями обоих берегов Днестра был согласован полноценный мирный план. По всей видимости, считает Русу, молдавское руководство переоценило помощь Киева, незадолго до этого перекрывшего въезд казакам. А также недооценило готовность Москвы ответить на действия молдавских войск, несмотря на давление со стороны Запада по другим значимым для России вопросам²²⁶. Эксперт считает контрпродуктивными попытки переложить сегодня всю ответственность на Россию, критикуя утверждение, что Москва заключением соглашения о мирном урегулировании 21 июля фактически признала себя стороной конфликта. Ошибочно, пишет Русу, принижать роль Приднестровья в том числе, как это сделал экс-президент Снегур, утверждавший, что Игорь Смирнов в реальности не визирует соглашение 1992 года²²⁷.

Даже такие участники событий 1989–1992 годов как Нантой (занимавший высокий пост в Народном фронте Молдовы) и Ион Косташ (в 1990–1992 годах – министр внутренних дел и министр обороны Республики Молдова), считающие, что Молдова воевала в первую очередь с российской армией и российские спецслужбы устроили Бендерскую провокацию, признают многие ошибки в политике Кишинева. Нантой пишет, что с распадом СССР «национальное возрождение» послужило поводом не только для восстановления «исторической справедливости», но и поводом для унижения русскоязычного

²²⁵ Игорь Бочан: Приднестровский конфликт является следствием распада Советского Союза, www.ipn.md/ru/politica/82507

²²⁶ Rusu O. Tragedia de la Bender / Tighina și sfârșitul războiului de pe Nistru, www.platzforma.md/tragedia-de-la-bender-tighina-si-sfirsitul-razboiului-de-pe-nistru/

²²⁷ Rusu O. Convenția cu privire la principiile de reglementare pașnică a conflictului armat din zona nistreană a Republicii Moldova: aspecte ignorate și/sau uitate, <http://www.platzforma.md/conventia-cu-privire-la-principiile-de-reglementare-pasnica-a-conflictului-armat-din-zona-nistreana-a-republicii-moldova-aspecte-ignorate-sisau-uitate/>

населения и создания планов по объединению с Румынией без Левобережья. Кишиневские политики, в свою очередь, не придумали ничего лучшего, чем отвечать на сепаратизм в Гагаузии и Приднестровье масштабным применением силы. Во многом эти проблемы эксперт проецирует и на сегодняшние дни, считая, что одной из главных предпосылок урегулирования конфликта должна стать полноценная демократизация и европеизация самой Молдовы²²⁸.

Генерал Ион Косташ, опубликовавший в 2010 году ставшие популярными мемуары о войне на Днестре, также считает, что большим упущением Кишинева стало исключение из процесса «национального возрождения» этнических меньшинств. Он критикует неспособность молдавского правительства справиться с массовыми беспорядками и провокациями (в первую очередь народнофронтовцев), правовым нигилизмом, в результате чего многие граждане чувствовали себя незащищенными²²⁹.

²²⁸ Нантой О., Там же.

²²⁹ Косташ И. (2011), Дни затмения: хроника необъявленной войны, Кишинев: Universul, с. 175–177.

РЕКОМЕНДАЦИИ

Традиционным инструментом для преодоления разногласий в сфере исторической памяти считается создание двусторонних комиссий по историческим вопросам и мерам доверия. Однако такие комиссии могут успешно работать только при наличии политической воли. В случае с обоими берегами Днестра такой воли нет и не предвидится.

Но это не означает, что нет никаких инструментов влияния на ситуацию. В Молдове, особенно в последнее время, выдвигается большое количество разных «планов» и «деклараций» по приднестровскому вопросу. Все они так или иначе отражают дискурсы определенных партийно-политических групп и государственных институтов. Та же ситуация наблюдается и в Тирасполе. Однако если в Тирасполе практически не существует экспертно-аналитических организаций, автономных от властных и партийно-политических структур, то в Кишиневе они есть. Кроме этого, Приднестровье сегодня самоизолируется, так как политически ощущает себя «загнанным в угол» ввиду того, что Кишинев, Киев и Брюссель все активнее настаивают на реинтеграции региона и применяют для этого ряд политэкономических и административных мер.

Поэтому целесообразным представляется создание в Молдове экспертной и исследовательской группы с участием публичных интеллектуалов (прежде всего политологов, социологов, историков и журналистов), готовых пропагандировать более взвешенный, умеренный и деполитизированный взгляд на приднестровскую проблему.

Нет смысла стремиться к паритету с Левобережьем при создании такой группы. Но необходимо включение в нее нескольких экспертов из Тирасполя, как минимум в качестве наблюдателей. С соблюдением автономности от доминирующих политических дискурсов видится перспективным включение в такую группу пользующихся авторитетом зарубежных специалистов, в особенности из Румынии, России, стран ЕС, США и Украины. Данная аналитическая и исследовательская группа (*think tank*) могла бы действовать по следующим направлениям:

1. Пока живы непосредственные участники событий в зоне конфликта 1992 года, необходимо проводить исследования в стиле *oral history* на обоих берегах Днестра, в том числе с участниками боевых действий. Далеко не всегда в рамках личной памяти о войне воспроизводятся конфликтные нарративы и дискурсы. Можно услышать и популяризировать немало историй об отказе от насилия в период вой-

ны, о взаимопомощи, нежелания продолжения конфликта. Главной целью такой работы должно стать формирование комплексных нарративов, учитывающих «историческую вину» всех сторон, участвовавших в конфликте.

2. Полученные в ходе полевых исследований данные стоит обобщить в отдельном учебном пособии, к обсуждению содержания которого необходимо привлечь максимально возможное количество ученых и преподавателей с обоих берегов Днестра. Итоговый вариант учебного материала должен быть доступен онлайн на ключевых языках региона – румынском (молдавском), русском и английском.
3. В Молдове возникает немало проблем с реализацией закона о Гагаузской автономии, а также нормативных актов о правах этнических меньшинств. Необходимо изучить недостатки государственной политики в соответствующих сферах и популяризировать пути их преодоления. В том числе при поддержке ОБСЕ. Молдова с 2015 года присоединилась к международному движению «Дня памяти жертв Холокоста». Для Приднестровья эта тема давно является значимой. Следует создать условия для возможной совместной деятельности в этом направлении.
4. Следует активизировать публичные дискуссии об опыте решения других близких по содержанию конфликтов. В особенности с акцентом на обеспечение таких процедур, как амнистия, создание общего таможенного пространства и пространства безопасности, гарантирование прав собственности, механизмы политических и иных гарантий со стороны внешних игроков.

Авторы:

СЕРГЕЙ РУМЯНЦЕВ,

кандидат социологических наук, руководитель проектов CISR e.V. Berlin по мирной трансформации конфликтов и политике памяти.

НИКОЛАЙ ПОСЕЛЯГИН,

кандидат филологических наук, редактор отдела «Теория» в журнале «Новое литературное обозрение», доцент факультета Liberal Arts Института общественных наук – РАНХиГС.

АРТЕМ ЕЛИМОВ,

студент Института общественных наук – РАНХиГС.

ЯРИНА ЗАКАЛЬСЬКА,

аспирантка Киевского национального университета им. Тараса Шевченко.

ГЕОРГИЙ КАСЬЯНОВ,

доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом новейшей истории и политики Института истории Украины НАН Украины.

СВЕТЛАНА ОСИПЧУК,

историк, преподаватель кафедры истории НТУУ КПИ, координатор проектов Украинского центра изучения истории Холокоста и Международной ассоциации гуманитариев.

АНДРЕЙ ДЕВЯТКОВ,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра постсоветских исследований Института экономики РАН, доцент кафедры региональных проблем мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова.

Научное издание

НеОбъективные конфликты:

Политические практики разделения общего прошлого.

Россия, Украина, Молдова и Приднестровье

Анализ и рекомендации

Редактор Сергей Румянцев

Корректор: Д. А. Гаврилов

Фото на обложке: Ю. Корчагина

Дизайн и верстка: Е. Сотникова

Подписано к печати 27.11.2017. Формат 60×88 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,3.

Тираж 100 экз. Заказ № 265.

Отпечатано в соответствии с предоставленным оригинал-макетом
в типографии издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, 40.

www.renomespb.ru

В рамках трех аналитических обзоров, представленных в данной публикации, авторы из России и Украины рассматривают специфику влияния конфликтов в Приднестровье и на Донбассе на политику памяти и историческую политику в постсоветских государствах.

**Center for Independent
Social Research
(CISR e.V. Berlin) –**

это некоммерческое научно-общественное объединение, созданное в ноябре 2015 года в Берлине социальными исследователями, экспертами и гражданскими активистами в партнерстве с Центром Независимых Социологических Исследований – ЦНСИ Санкт-Петербург. Основные цели и направления деятельности Центра: проведение исследований в области социальных наук и содействие развитию гражданского общества в постсоциалистических странах.

www.cisr-berlin.org
info@cisr-berlin.org

ISBN 978-5-91918-970-1

9 785919 189701

